

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, История. Экономика. Права»)

Выходит три раза в год

2

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **БАЛАШЕНКО С. А.** – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Ответственный секретарь** **ШАХРАЙ И. С.** – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Балюк Г. И.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Ванг Г. Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
- Василевич Г. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вердуссен М. Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
Каменков В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпович Н. А. Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Келли К. Р. Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
Крюссман Т. Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
- Макарова Т. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Матье Б. Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
Мацкевич И. М. Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.
Мещанова М. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Некросиус В. Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
Скаков А. Б. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хелльманн У. Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
Чуприс О. И. Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Шидловский А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **BALASHENKO S. A.**, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Executive secretary** **SHAKHRAI I. S.**, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Baliuk G. I.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Chupris O. I. Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Hellmann U. University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Kamenkov V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A. Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R. Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T. University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
Mackevich I. M. University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Makarova T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B. University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Miashchanava M. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Nekrosius V. Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Skakov A. B. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Verdussen M. Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
Wang G. Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВА И ВЛАСТИ

С. А. ГРАЧЕВА¹⁾

¹⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черёмушкинская, 34, 117218, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается конституционализм через институциональные гарантии взаимосвязи права и власти, изучение которых с точки зрения развития моделей (формул) контроля в механизме власти на основе права недооценивается в доктрине. Между тем эволюция такого контроля свидетельствует об укреплении взаимосвязи права и власти в части повышения значимости права при увеличении его функциональности, позволяющем трактовать право шире, нежели только с позиции актов государственно-властного правотворчества. Целью работы является обоснование вариантов концептуализации гарантий взаимосвязи права и власти с учетом развития моделей контроля, способствующих усилению или ослаблению воздействия права на властотношения, что также показывает тип конституционализма (классический, постклассический, неклассический). Результатом исследования выступает установление направления неклассической концептуализации формулы контроля в механизме власти, характеризующего существующие правовые юрисдикции (развитие модели контроля исполнения и применения законодательства как отражение воздействия права на власть на определенном этапе юридического процесса).

Ключевые слова: конституционализм; гарантии взаимосвязи права и власти; контроль в механизме власти; регламентарная власть; судебный контроль.

Образец цитирования:

Грачева С.А. Конституционализм: институциональные гарантии взаимосвязи права и власти. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:3–10.
EDN: HWDVPJ

For citation:

Gracheva SA. Constitutionalism: institutional guarantees of the interrelation between law and power. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:3–10. Russian.
EDN: HWDVPJ

Автор:

Светлана Александровна Грачева – кандидат юридических наук; старший научный сотрудник центра судебного права.

Author:

Svetlana A. Gracheva, PhD (law); senior researcher at the centre of judicial law.
gracheva.lana17@gmail.com

CONSTITUTIONALISM: INSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE INTERRELATION BETWEEN LAW AND POWER

S. A. GRACHEVA^a

^a*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cherjomushkinskaja Street, Moscow 117218, Russia*

Abstract. The article is devoted to understanding of constitutionalism through institutional guarantees of the relationship between law and power, the consideration of which in the doctrine is underestimated from the point of view of conceptualising formulas of control and checking in the mechanism of power based on law. Meanwhile, the evolution of such controls indicates the dynamics of the relationship between law and power in favour of increasing the role of law while expanding its functionality, allowing us to look at law more broadly than just from the position of acts of state rule-making. The purpose of the work is to substantiate options for conceptualising the guarantees of the relationship between law and power taking into account formulas of control and checking as contributing to strengthen or weaken the impact of law on power relations, which also shows the type of constitutionalism (classical, post-classical, non-classical). The results of the study also consist in highlighting the direction of non-classical conceptualisation of the formula of control and checking in the mechanism of power that characterises existing legal jurisdictions – this is the model for control the execution and application of legislation as a reflection of the impact of law on power at a certain stage of the legal process.

Keywords: constitutionalism; guarantees of the interrelation between law and power; control in the mechanism of power; regulatory power; judicial control.

Постановка проблемы: взаимосвязь права и власти как динамическая основа установления конституционализма

Конституционализм представляет собой многомерное понятие. Данное свойство подтверждается трактовками, указывающими на то, что оно может раскрываться по-разному. Зачастую понятие «конституционализм» рассматривается в качестве гносеологической конструкции, значимой для исследования отраслевых сфер юриспруденции или развивающихся правовых феноменов в связи с их сочетаемостью с конституционными терминами и нормами: известны такие активно употребляемые обозначения, как экономический конституционализм, судебный конституционализм, коммуникативный конституционализм и др. [1; 2].

Между тем некоторые исследователи обращают внимание на конституционализм как явление правовой жизни, выделяющее те ожидания от права, что позволяют характеризовать его в качестве части социальной реальности. Именно эта сторона во многом придает конституционализму ценность, которая становится объектом исследовательской работы последних десятилетий в мировом правоведении. Для примера приведем следующий тезис: «Либерализм, возможно, не одержал глобальную победу на сегодняшний день, как некоторые предсказывали, однако конституционализм определенно одержал ее»¹ [3, р. 69]. Этому высказыванию созвучна мысль С. А. Авакьяна о том, что конституционализм – это «идеал, к которому должно стремиться общество, идущее по пути социального прогресса» [4, с. 383]. Одновременно закономерна дискуссионность вопроса о том, какое определение или понимание конституционализма могло бы в достаточной мере отвечать его миссии.

Оправданным видится изучение нескольких способов рассмотрения конституционализма. Известно, что наиболее распространенным является определение конституционализма как политико-правового режима жизни общества, основанного на конституционных методах правления и действиях конституционных правоположений, проистекающих из контекста конституционного развития, в свете общемировой тенденции универсализации конституционно-юридической аксиологии, обеспечиваемой конституционным правосудием [4, с. 383; 5, с. 225–226].

Ряд дефиниций понятия «конституционализм» показывают его связь с установлением природы права. В этом плане отметим значение вывода В. В. Лазарева о том, что «конституционализм суть явление права, и любая его характеристика зависит от понимания права» [6, с. 39]. Исследователи не ограничивают объяснение конституционализма только юридическими факторами (среди которых особое место занимает конституция), а рассматривают его как явление ценностно-культурологическое, т. е. акцентирующее «причинность» права, позволяющее конституционализму претендовать на философско-правовое обоснование научности юриспруденции [7].

Одновременно можно выделить способ рассмотрения конституционализма в качестве явления, свойственного закономерности развития права как такового. В данном случае важно заметить, что конституционализм – это динамическое явление. Данная идея чаще всего опосредуется категорией конституционализации, без которой представления о конституционализме не могут считаться полными.

¹Здесь и далее перевод наш. – С. Г.

Наиболее верной представляется характеристика конституционализации, в основе которой лежат два взаимообусловленных процесса. С одной стороны, конституционализация выражена «подчинением... деятельности органов публичной власти структурам, процессам, принципам и ценностям конституции» [8, р. 50–51]. Это положение можно считать современной формулировкой проблематики «рационально-правового типа власти» [9, с. 18, 31]. Данное направление в российском правоведении берет свои истоки в трудах дореволюционных юристов: например, С. А. Котляревский сформулировал мысль о том, что «власть в современном государстве принимает все более и более правовой облик» [10, с. 214]. С другой стороны, конституционализация обозначает расширение функциональности права, раскрывающее его в связи с выполнением не только регуляторной (регламентарной) функции (при издании конкретных юридических актов), но и охранительной функции. При этом учитывается социальное целеполагание права, определяемое его стабильностью и предсказуемостью в широком понимании, которое делает право ожидаемой частью социальной среды (проблема эффективности правового регулирования в таком направлении исследовалась в советском правоведении [11]). При данном подходе за базис конституционализации справедливо принимать «конституционные принципы и нормы, которые содержатся в различных правопорядках, могут взаимно дополнять друг друга», обозначая идею «автономного правового источника» [12, с. 330].

Верно признать, что в сфере конституционализации важное значение имеет философско-правовая проблематика юриспруденции, т. е. взаимосвязь права и власти [13]. Рассмотрение права и власти в сочетании друг с другом создает в соответствующих диалектико-смысловых координатах динамическую основу конституционализма, определяет постановку вопроса взаимосвязи, равно как и поиск ответа на него, в качестве исторической задачи конституционализма. На данное обстоятельство обращал внимание А. Д. Градовский при исследовании «юридических условий» и «способа и формы осуществления верховных прав» [14].

В период существования СССР право по отношению к государственной власти привычно рассматривалось как форма и средство ее обеспечения.

Гарантии взаимосвязи права и власти: классическая концептуализация разделения властей

Известно, что зарождение классической формулы контроля в механизме власти приходится на XVII–XVIII вв., когда была теоретически обоснована концепция разделения властей. Содержание этой формулы определено подходом к институциона-

Сравнительно недавно эта точка зрения поддерживалась классово-идеологическим подходом к праву и получала объяснение через идеи фактического соотношения сил в обществе [15, с. 8]. В дальнейшем она нашла отражение в нормативно-этикетской трактовке права, связанной с его пониманием в качестве регламентарной власти². В данном случае, хотя властеотношения опосредуются правом и его воздействием, речь идет о проявлении регламентарной функции права в части принципов властеотношений.

В целом развитие мировой конституционно-правовой мысли и практики указывает на эволюцию взаимосвязи права и власти, что можно связывать с исключением упрощенного понимания права только как формы регламентарной власти (государственно-властного нормотворчества) и рассмотрения права в качестве источника власти. В числе признаков вышеупомянутой эволюции приведем следующие:

- власть рассматривается как объект правового воздействия, притом по субъектному содержанию данное понятие не исчерпывается категорией «государственная власть»³;
- рационализации власти сопутствует идея контроля и, поскольку в основе власти всегда «намерение контроля» («всякий контроль – это власть» [17, с. 11]), ее рационализация происходит через дифференциацию и разграничение контроля в механизме власти;
- контроль в механизме власти обеспечивается правовыми средствами, что допускает рассмотрение функциональности права как источника контрольной власти по отношению к пределам осуществления публичной власти.

Можно признать, что эволюция взаимосвязи права и власти обусловлена социальным запросом на рационализацию власти средствами права и наиболее заметна через формирование и установление гарантий такой взаимосвязи. Содержательно гарантии взаимосвязи права и власти выражают формулы контроля публичной власти на основе права, содействующие усилению или ослаблению его воздействия на власть, что также позволяет выделить следующие типы конституционализма: классический (традиционный), постклассический (многоуровневый), неклассический (не получивший распространения и признания в качестве универсальной тенденции).

лизации власти, при котором продвигается идея взаимного контроля между институтами (ветвями) государственной власти, что в конечном счете обеспечивает ее самоограничение при усилении роли права.

²Отметим, что термин «регламентарная власть», по существу, выражая собой комплексный взгляд на имеющие общий характер и даже силу закона акты администрации, государственного управления, является наиболее оптимальным для характеристики сущности нормативно-этикетского подхода к праву [16].

³Различие понятий «государственная власть» и «публичная власть» в российской доктрине не исчерпывается рассмотрением публичной власти как более широкого понятия только за счет включения в него негосударственного уровня такой власти, как местное самоуправление. Понятие публичной власти также охватывает проблематику общественной власти [4, с. 446].

Предложенное разделение властей представляет собой не только и не столько предмет правового регулирования через установление функционально неодинаковых институтов власти, а также их полномочий, иначе вернее было бы говорить о концепции эффективного управления, разделении труда. Речь идет об обеспечении средствами права рационализации власти, которая выражена выделением ее наиболее значимых ветвей, самостоятельная роль каждой из которых в механизме власти определена функциональной спецификой. Обозначение соответствующих ветвей, равно как и рассмотрение проблемы их подотчетности друг другу, было неодинаковым в трудах главных мыслителей в этой области [18, с. 133–138, 201–208; 19, с. 116–120].

Так, Дж. Локк делал особый акцент на установлении ветвей власти и их сравнении с законодательной (можно сказать, регламентарной) властью, которая, «хотя и является верховной властью в каждом государстве... не может быть абсолютной», но по отношению к ней другие ветви (исполнительная, федеративная власть) имеют более подотчетный характер, поскольку «первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти» [18, с. 133–134].

Постулат «право – масштаб судебного контроля» как формула современного (постклассического) конституционализма

Важной формулой контроля, акцентированной после событий Второй мировой войны, является следующий постулат: «Право – средство (масштаб) судебного контроля»⁴. Она характеризует современный конституционализм, а также связывается с действием доктрины верховенства права (опосредованной международными стандартами в области защиты прав), контролем ее применения и толкования в рамках межгосударственной судебной практики.

Нередко выделение такого направления конституционализма предлагается рассматривать как лежащее в другой плоскости, в отличие от контроля в механизме государственной власти, что объясняет и его название – судебный (многоуровневый) конституционализм. Притом обсуждаемым является вопрос о некоторой идеализации права как арбитра интересов, возвышающей его над властеотношениями: отметим, что тема власти рассматривается в категориях «юрисдикция», «пределы усмотрения», «правовой суверенитет», что закономерно отмечается как тенденция фрагментации власти [23; 24].

Однако нельзя не признать в связи с вышесказанным определенное развитие проблематики разделения властей. С одной стороны, ее новизна

Ш. Л. де Монтескье, в свою очередь, предлагал идею разделения властей, чтобы она служила их взаимному сдерживанию от крайностей [19; 20, с. 37–46]. Он также обратил внимание на то, что в основе данного разделения лежит природа самого права, выраженная различием сущности законов. Отметим, что разделение властей было обосновано в связи с необходимостью соответствия «положительных (человеческих) законов» иным законам (связанным с природой, условиями жизни общества и законами справедливых отношений) [18, с. 188–189; 21].

Таким образом, квинтэссенцией концепции разделения властей можно признать сформулированное в терминологии механизма (институтов) власти положение о воздействии закона (права) на власть, получившее юридическое закрепление еще в Великой хартии вольностей 1215 г. (например, ст. 39).

В современной конституционной доктрине и практике формула разделения властей в основном понимается как конституционное право, выражением которого рассматривается часто цитируемое положение ст. 16 Декларации прав человека и гражданина: общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет конституции.

заключается в очевидной взаимосвязи права и власти не только через государственные институты, что также связывается с «новыми уровнями конституционно значимого процесса принятия решений» [24, р. 34]. С другой стороны, показывается этап эволюции контроля власти на основе права, акцентирующий собственную ценность и функциональность последнего. Одновременно судебный контроль все более отчетливо выступает гарантией права (принципов права) по отношению к регламентарной власти. Данное обстоятельство находит признание в положении, согласно которому «в контексте доктрины разделения властей суды обязаны обеспечить осуществление власти другими ветвями в пределах конституционного контекста» [20, р. 38].

Подчеркнем, что именно оформление и воплощение судебного контроля принято рассматривать как практическое применение доктрины сдержек и противовесов (*checks and balances*) – ключевой составляющей разделения властей в контексте идеи контроля. Известно, что оформление судебного контроля связано с первым судебным делом в данной области (Мэрбэри против Мэдисона, 1803). Данное дело принято ассоциировать в первую очередь

⁴Отметим, что приведенная формула отсылает к концепту судебной гарантии конституции по Кельзену, определяющему конституцию не только как критерий правомерности любых иных юридических актов, но и как составляющую понимания права, которое, «доходя до актов материального исполнения (*Vollstreckungsakte*), конкретизируется от одной ступени к другой ступени» [22, с. 6]. Для конституции, которая выступает в качестве конкретного юридического акта, имеющего учредительное значение для правопорядка, также справедливо то, что она отражает в себе уровень правопорядка, который является «продуктом права по отношению к уровню нижестоящему и репродукцией права по отношению к уровню вышестоящему» [22, с. 6].

с принципом, согласно которому Верховный суд США, прежде чем получить право применить закон Конгресса США (в данном случае положения Акта о судоустройстве) в качестве высшего закона страны, должен решить вопрос о его соответствии конституции [26, с. 58–59]. Таким образом, для континентальной правовой традиции значение данного дела заключается в установлении конституционного контроля, которое впоследствии стало рассматриваться с учетом двух ключевых моделей его осуществления, при этом наиболее дискутируется сочетание такого контроля с классическим пониманием разделения властей [27].

Одновременно в англо-американской конституционной доктрине названное дело анализируется при учете двух его составляющих: обозначения конституции, толкование которой обусловлено предусмотренными в ней возможностями, как «живого инструмента» и установления судебной защиты от административных актов, не соответствующих закону и конституции, что отвечает сути судебного контроля регламентарной власти [28].

Аспекты неклассической концептуализации юридической формулы контроля в механизме власти

В силу дискуссии вокруг сложившегося представления о разделении властей и специфики его развития, отражающих эволюцию взглядов на взаимосвязь права и власти, возможность неклассической концептуализации формулы контроля в механизме власти, характеризующей существующие правовые юрисдикции, как правило, остается незамеченной.

Среди существующих правовых юрисдикций можно выделить модель контроля исполнения и применения законодательства как проявление контроля регламентарной власти, что позволяет обозначить в качестве центрального вопрос воздействия права на власть на определенном этапе юридического процесса. Такая модель выражается в следующем. Во-первых, в ней имеет место этап юридического процесса, который не позволяет идентифицировать контроль с проверкой правотворческой дискреции (ее пределов), в связи с чем вопрос непосредственного применения конституции (не с позиции ее законодательной конкретизации) является едва ли не наиболее трудным в конституционном дискурсе. Во-вторых, правосудие редко объясняется как ключевое звено в правоконтрольных отношениях, хотя во многом благодаря наличию у судов специальных юрисдикционно-процессуальных условий (прежде всего полномочий и процедур по нормоконтролю) такие правоотношения формируются и становятся возможными. В-третьих, в основном осмысление контроля идет по пути его рассмотрения как составляющей функции различных государственных органов, что объясняется их законодательными полномочиями.

Надо отметить, что, в отличие от института конституционного контроля, понятие судебного контроля регламентарной власти терминологически встречается значительно реже, однако оно входит во многие конституционные тексты (и не только в контексте судебного обжалования актов государственного управления, но и в соответствующем широком смысле). Например, согласно ст. 106 Конституции Королевства Испания суды осуществляют контроль реализации регламентарной власти, законности действий администрации.

Отметим важную характеристику осуществления контроля в механизме власти, определяемую тенденцией «возвышения» судов в этом процессе, – обозначение роли аргументирования на основе права [29] и сопутствующее признание воздействия права посредством добросовестного выполнения обязательств. Однако наиболее трудный вопрос заключается в политико-управленческом (властном) воздействии такого контроля, что также требует осмысления в контексте развития институциональных гарантий взаимосвязи права и власти на современном этапе.

Названная модель контроля может характеризовать и постсоветский (в частности российский) опыт, в том числе по той причине, что исторически, если рассматривать точкой отсчета дореволюционное правоведение, сложилось сдержанное отношение к классическому разделению властей, однако, как известно, в период «конституционной перестройки» данный принцип получил признание в качестве основы конституционного строя соответствующих государств (см., например, ст. 10 Конституции Российской Федерации). Кроме того, вопросы взаимосвязи права и властеотношений в основном исследовались в контексте регламентарной власти, т. е. форм правотворчества государственных органов и системы законодательства, хотя проблема права *per se* (равно как и механизма правового регулирования) получала обособленную теоретическую разработку [30].

Отметим, что идея контроля актов позитивного права (регламентарной власти) имела собственное развитие в связи с потребностью установления «юридических гарантий осуществления правовых норм», поскольку получил признание тот факт, что без данных гарантий законы, охраняющие интересы государства и граждан, не соблюдаются автоматически правильно, точно и неуклонно [31, с. 21]. Соответственно, особая роль отводилась институту контроля и надзора исполнения (при этом предлагалось рассматривать прокурорский надзор, административный надзор, институт судебной защиты прав граждан как его составные элементы) [31, с. 23–25]. В настоящее время институт контроля и надзора получает разработку прежде всего в части вопросов контроля в области

государственного (административного) управления: например, в Российской Федерации вопросы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля стали предметом комплексного урегулирования в специальном федеральном законе 2020 г. В отношении института судебного контроля заметим, что он рассматривается преимущественно в ряду других контрольных полномочий и процедур с учетом законодательно предоставленной судам компетенции. Таким образом, актуальным становится вопрос о роли правосудия при контроле

применения (исполнения) законов по отношению к другим органам контроля и надзора.

Схожий подход к проблематике контроля можно встретить в конституционном праве Китая: «...народные суды, народные прокуратуры и органы общественной безопасности при рассмотрении уголовных дел делят свои функции, каждый из них несет ответственность за свою работу; они координируют свои усилия и проверяют друг друга для обеспечения правильного и эффективного правоприменения» (ст. 140 Конституции Китайской Народной Республики).

Заключение

Исследование конституционализма в аспекте гарантий взаимосвязи права и власти, акцентирующих формулы контроля в механизме власти на основе права приводит к вопросу о возможности выделения контрольной власти.

В контексте гарантирования взаимосвязи права и власти очевидным становится значение развития контрольной власти с соответствующим целеполаганием для того, чтобы она могла быть действенной формой и инструментом конституционализации. В силу этого актуален вопрос о том, можно ли контрольную власть понимать в качестве так называемой дисперсной системы, т. е. не конкретно-

институционализированной сферы воздействия, существующей в той степени, в которой обеспечивается право *per se*.

В целом сфера контроля остается наиболее проблемным направлением разделения властей, при этом не менее важным. Кроме того, именно процесс установления и развития формул контроля показывает, что разделение властей – явление не статичное [20, с. 37]. Чаще всего этот тезис доказывается случаями из судебной практики, указывающими на специфику различных социокультурных систем и национальных моделей взаимосвязи права и власти.

Библиографические ссылки

1. Бондарь НС. *Экономический конституционализм России: очерки теории и практики*. Москва: Норма; 2021. 272 с.
2. Кравец ИА. Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества. *Lex Russica*. 2023;76(11):41–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.11.041-056.
3. Marmor A. Are constitutions legitimate? *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2007;20(1):69–94. DOI: 10.1017/S0841820900005701.
4. Авакьян СА. *Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь*. Москва: Юстицинформ; 2015. 639 с.
5. Витрук НВ. *Верность Конституции*. Москва: РАП; 2008. 272 с.
6. Лазарев ВВ. Об интегративном понимании конституционализма. *Журнал российского права*. 2023;5:39–53. DOI: 10.12737/jrp.2023.050.
7. Горбань ВС. О характере правовых взглядов Р. Иеринга. *Правосудие*. 2021;3(4):30–41. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.4.30-41.
8. Loughlin M. What is constitutionalisation? In: Dobner P, Loughlin M, editors. *The twilight of constitutionalism?* Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 48–73.
9. Вебер М. *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 448 с.
10. Котляревский СА. *Власть и право: проблема правового государства*. Москва: Издательство Г. А. Лемана, С. И. Сахарова; 1915. 417 с.
11. Глазырин ВВ, Кудрявцев ВН, Никитинский ВИ, Самощенко ИС. *Эффективность правовых норм*. Москва: Юридическая литература; 1980. 280 с.
12. Петерс А. Правовые системы и процесс конституционализации: новое определение соотношения. *Дайджест публичного права*. 2013;2:239–333.
13. Графский ВГ, Славин ММ, редакторы. *Философия права и конституционализм. Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца; 2 октября 2009 г.; Москва, Россия*. Москва: ИГП РАН; 2010. 241 с.
14. Градовский АД. *Государственное право важнейших европейских держав*. Санкт-Петербург: Пантелеев; 1895. 561 с.
15. Лассаль Ф. *Сочинения. Том 2*. Санкт-Петербург: Издание Глаголева; 1905. О сущности конституции; с. 3–32.
16. Лейст ЭО. Три концепции права. *Советское государство и право*. 1991;12:3–11.
17. Чиркин ВЕ. *Контрольная власть*. Москва: Юрист; 2008. 214 с.
18. Веденеев ЮА, Зайцев ИВ, Поляков ЛВ, составители. *Политические институты, избирательное право и процесс в трудах западноевропейских мыслителей XVII – начала XX века*. Вешняков АА, редактор. Калуга: Символ; 2003. 881 с.
19. Геворкян МВ. Истоки теории разделения властей. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2010;11:116–120.

20. Mojapelo Ph. The doctrine of separation of powers (a South African perspective). *Advocate. Journal of General Council of the Bar of South Africa*. 2013;26(1):37–46.
21. Тихомиров ЮА. О новом «духе законов» или... прощай, Монтескьё? *Сравнительное конституционное обозрение*. 2011;2:97–104.
22. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1. *Право и политика*. 2006;8:5–14.
23. MacCormick N. Beyond the sovereign state. *Modern Law Review*. 1993;56(1):1–18.
24. Eleftheriadis P. Power and principle in constitutional law. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016;2:37–56. DOI: 10.5553/NJLP/000052.
25. Уитц Р, Шайо А. Суверен наносит ответный удар: судебная перспектива многоуровневого конституционализма в Европе. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018;1:33–53.
26. Нерсесянц ВС, Графский ВГ, Мамут ЛС, редакторы. *История буржуазного конституционализма XIX в.* Москва: Наука; 1983. 296 с.
27. Grabenwarter Ch. Separation of powers and the independence of Constitutional Court and equivalent bodies [Internet; cited 2024 July 1]. Available from: https://www.venice.coe.int/WCCJ/Rio/Papers/AUT_Grabenwarter_keynotespeech.pdf.
28. van Alstyne WW. A critical guide to Marbury vs Madison. *Duke Law Journal*. 1969;1:1–47.
29. Гаджиев ХИ. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения. *Журнал российского права*. 2020;9:91–105. DOI: 10.12737/jrl.2020.109.
30. Нерсесянц ВС. *Право и закон. Из истории правовых учений*. Москва: Наука; 1983. 366 с.
31. Недбайло ПЕ. О юридических гарантиях осуществления советских правовых норм. *Советское государство и право*. 1957;6:20–29.

References

1. Bondar' NS. *Ekonomicheskii konstitutsionalizm Rossii: ocherki teorii i praktiki* [Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice]. Moscow: Norma; 2021. 272 p. Russian.
2. Kravets IA. Communicative constitutionalism, constitutional involvement and citizenship in the public legal space of the algorithmic and information society. *Lex Russica*. 2023;76(11):41–56. Russian. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056.
3. Marmor A. Are constitutions legitimate? *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2007;20(1):69–94. DOI: 10.1017/S0841820900005701.
4. Avak'yan SA. *Konstitutsionnyi leksikon. Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [Constitutional lexicon. State-legal terminological dictionary]. Moscow: Yustitsinform; 2015. 639 p. Russian.
5. Vitruk NV. *Vernost' Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]. Moscow: RAP; 2008. 272 p. Russian.
6. Lazarev VV. On the integrative understanding of constitutionalism. *Journal of Russian Law*. 2023;5:39–53. Russian. DOI: 10.12737/jrp.2023.050.
7. Gorban' VS. On the nature of R. Iering's legal views. *Justice*. 2021;3(4):30–41. Russian. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.4.30-41.
8. Loughlin M. What is constitutionalisation? In: Dobner P, Loughlin M, editors. *The twilight of constitutionalism?* Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 48–73.
9. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and society. Essays on understanding sociology]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2016. 448 p. Russian.
10. Kotlyarevskii SA. *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* [Power and law: the problem of the rule of law]. Moscow: Izdatel'stvo G. A. Lemana, S. I. Sakharova; 1915. 417 p. Russian.
11. Glazyrin VV, Kudryavtsev VN, Nikitinskii VI, Samoshchenko IS. *Effektivnost' pravovykh norm* [Effectiveness of legal norms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1980. 280 p. Russian.
12. Peters A. [Legal systems and the process of constitutionalisation: a new definition of the interrelationship]. *Digest für öffentliches Recht*. 2013;2:239–333. Russian.
13. Grafskii VG, Slavin MM, editors. *Filosofiya prava i konstitutsionalizm. Materialy chetvertykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa; 2 oktyabrya 2009 g.; Moskva, Rossiya* [Philosophy of law and constitutionalism. Materials of the 4th philosophical and legal readings in memory of academician V. S. Nersesyants; 2009 October 2; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences; 2010. 241 p. Russian.
14. Gradovskii AD. *Gosudarstvennoe pravo vazhneishikh evropeiskikh derzhav* [State law of the most important European powers]. Saint Petersburg: Panteleev; 1895. 561 p. Russian.
15. Lassal' F. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Saint Petersburg: Izdanie Glagoleva; 1905. [On the essence of the constitution]; p. 3–32. Russian.
16. Leist EO. [Three concepts of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1991;12:3–11. Russian.
17. Chirkin VE. *Kontrol'naya vlast'* [Control power]. Moscow: Yurist; 2008. 214 p. Russian.
18. Vedeneev YuA, Zaitsev IV, Polyakov LV, compilers. *Politicheskie instituty, izbiratel'noe pravo i protsess v trudakh zapadnoevropeiskikh myslitelei XVII – nachala XX veka* [Political institutions, suffrage and process in the works of Western European thinkers of the 17th and early 20th centuries]. Veshnyakov AA, editor. Kaluga: Simvol; 2003. 881 p. Russian.
19. Gevorkyan MV. [Origins of the theory of separation of powers]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2010;11:116–120. Russian.
20. Mojapelo Ph. The doctrine of separation of powers (a South African perspective). *Advocate. Journal of General Council of the Bar of South Africa*. 2013;26(1):37–46.
21. Tikhomirov YuA. [On the new «spirit of laws» or... goodbye, Montesquieu?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2011;2:97–104. Russian.
22. Kel'zen G. [Judicial guarantee of the constitution (constitutional justice). Part 1]. *Pravo i politika*. 2006;8:5–14. Russian.
23. MacCormick N. Beyond the sovereign state. *Modern Law Review*. 1993;56(1):1–18.

24. Eleftheriadis P. Power and principle in constitutional law. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016;2:37–56. DOI: 10.5553/NJLP/000052.
25. Uitts R, Shayo A. [The sovereign strikes back: a judicial perspective on multilevel constitutionalism in Europe]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2018;1:33–53. Russian.
26. Nersesyants VS, Grafskii VG, Mamut LS, editors. *Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma XIX v.* [History of bourgeois constitutionalism of the 19th century]. Moscow: Nauka; 1983. 296 p. Russian.
27. Grabenwarter Ch. Separation of powers and the independence of Constitutional Court and equivalent bodies [Internet; cited 2024 July 1]. Available from: https://www.venice.coe.int/WCCJ/Rio/Papers/AUT_Grabenwarter_keynotespeech.pdf.
28. van Alstyne WW. A critical guide to Marbury vs Madison. *Duke Law Journal*. 1969;1:1–47.
29. Hajiyev KhI. The role of judicial argumentation in the evolution of legislation and law enforcement. *Journal of Russian Law*. 2020;9:91–105. Russian. DOI: 10.12737/jrl.2020.109.
30. Nersesyants VS. *Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh uchenii* [Law and order: from the history of legal doctrines]. Moscow: Nauka; 1983. 366 p. Russian.
31. Nedbailo PE. [On legal guarantees for the implementation of Soviet legal norms]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1957;6:20–29. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2024.
Received by editorial board 15.07.2024.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 336.29:347.952

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВЗЫСКАНИЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНЦИИ

Н. Н. НИКОНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Система принудительного исполнения в Республике Беларусь является децентрализованной и характеризуется, в частности, тем, что полномочиями по принудительному взысканию налогов, сборов, пеней по ним наделены целый ряд субъектов. Их компетенция урегулирована различными нормативными правовыми актами, положения которых в полной мере друг с другом не согласованы. Анализируются положения о компетенции различных органов по взысканию налогов, сборов, пеней по ним, а также отдельные правила обращения взыскания на имущество плательщиков. Высказывается мнение о том, что децентрализованная система предполагает согласованность осуществляемого различными органами порядка принудительного исполнения обязанностей, вытекающих из одинаковых по правовой природе правоотношений. Однако в Республике Беларусь правила, которыми руководствуются налоговые органы, органы принудительного исполнения и Департамент по гуманитарной деятельности Управления делами Президента Республики Беларусь, характеризуются существенными различиями в первую очередь в части закрепления гарантий прав должника. Предлагаются изменения в законодательство, направленные на устранение конкурирующей компетенции вышеназванных органов по взысканию налогов, сборов, пеней по ним.

Ключевые слова: налоги; принудительное исполнение; налоговые органы; органы принудительного исполнения; альтернативная компетенция; конкурирующая компетенция; арест имущества.

Образец цитирования:

Никонова НН. Принудительное взыскание налогов и сборов: некоторые проблемы компетенции. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:11–20. EDN: KHWKPL

For citation:

Nikanava NN. Compulsory collection of taxes and fees: some issues of competence. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:11–20. Russian. EDN: KHWKPL

Автор:

Наталья Николаевна Никонова – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Nataliya N. Nikanava, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.

nikanava_nataliya@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-8190-7194>

COMPULSORY COLLECTION OF TAXES AND FEES: SOME ISSUES OF COMPETENCE

N. N. NIKANAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. In the Republic of Belarus, a decentralised system of enforcement is implemented, which is particularly expressed in the fact that a number of bodies are vested with powers to enforce the collection of taxes and penalties on them. Their competence is regulated by various legal acts, the provisions of which are not fully consistent with each other. The author of the article analyses the provisions on the competence of various bodies to collect taxes and penalties on them, as well as special rules for foreclosure on the property of taxpayers. The author believes that a decentralised system presupposes the consistency of the procedure for the enforcement of obligations arising from legal relations of the same legal nature, carried out by various bodies. However, in the Republic of Belarus, the rules that tax authorities, enforcement agencies and the Department for humanitarian activities of the Office of the President of the Republic of Belarus are guided by are characterised by significant differences, primarily in provisions on guarantees of the debtor's rights. The author proposes changes to the legislation aimed at eliminating the overlapping jurisdictions of the above-mentioned bodies in collecting taxes, fees, and penalties on them.

Keywords: taxes; compulsory execution; tax authorities; enforcement agencies; overlapping jurisdictions; competing jurisdictions; seizure of property.

Введение

Белорусская система принудительного исполнения является децентрализованной¹, т. е. полномочиями по исполнению юрисдикционных актов наделены ряд органов. Компетенция этих органов урегулирована различными актами, положения которых в полной мере друг с другом не согласованы.

В данной работе рассматриваются проблемы правового регулирования компетенции различных

субъектов по взысканию налогов, сборов, иных обязательных платежей (далее – налогов и сборов) в республиканский и местные бюджеты (контроль правильности их исчисления, своевременности и полноты уплаты возложен на налоговые органы), практики применения соответствующих норм, а также выработка путей решения выявленных проблем.

Теоретические и нормативные основы

В целом вопросы принудительного взыскания налогов и сборов рассмотрены в справочной [2] и учебной литературе (см., например, [3–6]). Отдельные проблемные моменты принудительного исполнения налогового обязательства анализировались Е. В. Анаевич, обозначившей термины «беспорный порядок» и «судебный порядок» [7], что не вполне точно определяет именно принудительное исполнение, так как термин «беспорный порядок» действительно относится к принудительному исполнению, а термин «судебный порядок» – к юрисдикционной деятельности по установлению наличия налогового обязательства (обязательства по уплате сбора), его содержания и факта неисполнения. Автор отмечает проблему несоответствия сроков на осуществление юрисдикционной деятельности (спорной и беспорной) по взысканию налогов (сборов), однако не предлагает конкретных путей ее решения. По рассматриваемой теме имеются работы описательного характера (см., например, [8]). Соотношение компетенции налоговых органов и банков по взысканию налогов и сборов по состоянию на 2012 г. было рас-

смотрено в работе Л. Е. Можяевой [9]. В то же время проблемы соотношения компетенции иных субъектов, обладающих полномочиями по принудительному исполнению налогового обязательства, остаются за пределами внимания, как и возникающие в правоприменительной практике связанные с этим соотношением вопросы. Принудительное исполнение налоговых обязательств, а также обязательств по уплате страховых взносов физическими лицами на базе российского законодательства были исследованы А. Е. Кайшевым². Порядок взыскания налоговых платежей в исполнительном производстве Республики Беларусь и некоторые особенности принудительного исполнения налогового обязательства в странах ЕАЭС рассмотрены В. К. Раюшкиным [10].

Основным нормативным правовым актом, определяющим общие правила принудительного взыскания налогов и сборов, является Налоговый кодекс Республики Беларусь (далее – НК), в частности положения гл. 7 «Принудительное исполнение налогового обязательства». Поскольку налоговое обязательство – это денежное обязательство, его принудительная реа-

¹О централизованных и децентрализованных системах принудительного исполнения см. работу [1].

²Кайшев А. Е. Принудительное исполнение обязанностей по уплате налогов, сборов и страховых взносов физическими лицами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. М. : РГУП, 2022. 26 с.

лизация в большинстве случаев происходит в режиме замещения (ч. 1 п. 1 ст. 61 НК). Следует отметить, что наименование гл. 7 НК не вполне соответствует ее содержанию, так как в ее тексте в качестве термина, синонимичного понятию «принудительное исполнение», использовано понятие «взыскание». Однако с учетом контекста данные термины не являются полными синонимами: термин «взыскание» имеет более широкое значение и применяется для обозначения как юрисдикционной деятельности, так и деятельности по принудительному исполнению. На сегодняшний день нет полного совпадения между субъектами, осуществляющими юрисдикционную деятельность по констатации обязанности плательщика, и субъектами, осуществляющими принудительное исполнение налогового обязательства. Запутанность правил НК в отношении юрисдикционных полномочий и полномочий по принудительному исполнению привела к необходимости разъяснить отдельные вопросы постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 2019 г. № 6 «О применении судами законодательства при рассмотрении экономических и гражданских дел, возникающих из налоговых правоотношений» (далее – ППВС № 6)³.

Анализ положений НК позволяет сделать вывод о том, что юрисдикционными органами по взысканию налогов, сборов, пеней по ним являются налоговые и таможенные органы (ч. 2–4 п. 1 ст. 61 НК), суд (ч. 2 п. 1 ст. 61, абзац 3 ч. 1 п. 1 ст. 65 НК), нотариусы (абзац 2 ч. 1 п. 1 ст. 65 НК).

По результатам рассмотрения вопроса о взыскании налогов, сборов и пеней по ним могут быть приняты следующие документы.

1. Решение налогового (таможенного) органа о взыскании налогов, сборов, пеней (далее – решение налогового (таможенного) органа). Решение налогового органа принимается руководителем (заместителем руководителя) налогового органа (п. 1 ст. 62 НК) и является исполнительным документом (абзац 11 ч. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве»)). Решение таможенного органа о взыскании таможенных пошлин, налогов за счет денежных средств плательщика принимается начальником (заместителем начальника) таможенного органа (ч. 2 п. 5 ст. 61 НК).

2. Решение суда. Часть 2 п. 1 ст. 61 НК, а также абзац 3 ч. 1 ст. 65 НК гласят, что основанием для взыскания налогов, сборов (пошлин) и пеней с организации, индивидуального предпринимателя за счет имущества, предусмотренного ст. 65 НК, является

решение суда (суда, рассматривающего экономические дела)⁴. Взыскание налогов, сборов, пеней по ним может производиться на основании решения суда, если ранее было отказано в совершении исполнительской надписи нотариуса (ч. 2 п. 8 ППВС № 6), а также если речь идет о взыскании государственной пошлины по результатам рассмотрения дела в суде (абзац 3 ст. 283 НК).

3. Исполнительная надпись нотариуса. Она применяется для взыскания налогов, сборов, пеней таможенным органом за счет имущества физического лица (в том числе индивидуального предпринимателя), предусмотренного ст. 65 НК.

На основании абзаца 8 ст. 14, абзаца 2 ч. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 142-З «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» (далее – Закон «О КГК») юрисдикционными полномочиями наделены Комитет государственного контроля Республики Беларусь и комитеты государственного контроля областей, межрайонные комитеты (далее – КГК). При этом полномочиями по принудительному взысканию КГК не обладает: абзац 29 ст. 14 Закона «О КГК» указывает, что решения КГК о взыскании налогов, сборов (пошлин) и других обязательных платежей в республиканский и (или) местный бюджеты направляются для исполнения в налоговые органы. Решение КГК о взыскании налогов, сборов и других обязательных платежей не имеет статуса исполнительного документа.

Налоговые и таможенные органы, помимо того, что выполняют функцию юрисдикционного органа, также реализуют правосубъектность кредитора (взыскателя, истца) при взыскании налогов, сборов, пеней по ним. Взыскание налогов, сборов, пеней налоговыми и таможенными органами осуществляется в бюджеты Республики Беларусь или административно-территориальной единицы, соответственно, указанные публично-правовые образования являются получателями денежных средств. Публично-правовые образования реализуют свою правосубъектность в имущественных отношениях через компетентные государственные органы (республиканские органы управления, органы местного управления и самоуправления, иные государственные органы), юридических лиц, а в предусмотренных законодательством случаях и через физических лиц (ст. 125 Гражданского кодекса Республики Беларусь). При взыскании налогов, сборов, пеней по ним такими органами являются налоговые (таможенные) органы, что отражено в том числе в подп. 3.3 п. 3 ст. 81 Бюджетного кодекса Республики Беларусь, абзаце 3 ч. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З

³Отметим, однако, что ППВС № 6 не подвергалось системной корректировке вслед за изменениями НК. Так, в частности, п. 8 ППВС № 6 до сих пор содержит указание на возможность взыскания задолженности по налогам, сборам, пеням с физического лица без статуса индивидуального предпринимателя путем совершения исполнительной надписи.

⁴С учетом разграничения компетенции судов общей юрисдикции речь в первую очередь идет о судах, рассматривающих экономические дела (ч. 1 п. 9 ППВС № 6).

«Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве»).

В качестве субъектов, осуществляющих принудительное исполнение налогового обязательства, НК называет сами налоговые органы (ч. 2 п. 1 ст. 61 НК) и органы принудительного исполнения (ОПИ) через упоминание «порядка, предусмотренного законодательством об исполнительном производстве» (ч. 3 и 4 п. 1 ст. 61 НК). Компетенция налоговых органов, связанная с принудительным исполнением, включает выявление имущества плательщика, на которое может быть обращено взыскание, а в необходимых случаях – арест такого имущества; обращение взыскания на наличные денежные средства должника; обращение исполнительного документа к принудительному исполнению⁵. При принудительном исполнении налогового обязательства за счет денежных средств на счетах, электронных денег в электронных кошельках плательщика, а также его дебитора обращение решения к принудительному исполнению производится налоговым

органом путем внесения в автоматизированную информационную систему исполнения денежных обязательств платежного требования в форме электронного документа (п. 4 ст. 62, п. 9 ст. 64 НК). Фактически принудительное исполнение (списание денежных средств) осуществляется исполнительскими агентами, которыми являются в данном случае банки, небанковские кредитно-финансовые организации, операторы платежных систем. Полномочиями по принудительному исполнению налогового обязательства путем обращения взыскания на арестованное налоговыми органами имущество обладает, в соответствии с п. 1 Положения о порядке учета, хранения, оценки и реализации имущества, изъятого, арестованного или обращенного в доход государства (далее – Положение), утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 19 февраля 2016 г. № 63⁶ (далее – Указ № 63), Департамент по гуманитарной деятельности Управления делами Президента Республики Беларусь (далее – Департамент).

Результаты и их обсуждение

В. К. Раюшкин указывает, что «действующий механизм принудительного исполнения обязанностей по уплате налогов, сборов (пошлин) и пеней проводит четкое разграничение конкретных процедур по принудительному исполнению налоговых обязательств, применяемых в каждой конкретной ситуации» [10, с. 300]. Однако автор настоящей статьи с таким утверждением категорически не согласен и полагает, что регулирование механизма принудительного взыскания налогов, сборов и пеней по ним имеет целый ряд несогласованностей. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Соотношение компетенции налоговых органов и ОПИ по принудительному исполнению налогового обязательства. С внесением в ст. 10 Закона «Об исполнительном производстве» указания на «решения налоговых органов о взыскании налогов, сборов (пошлин), а также иных обязательных платежей в республиканский или местные бюджеты, контроль за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты которых возложен на налоговые органы», как на исполнительные документы более остро, чем ранее, встал вопрос о соотношении компетенции налоговых органов и ОПИ по принудительному исполнению налогового обязательства⁷.

До упомянутого дополнения ст. 10 Закона «Об исполнительном производстве» можно было уверенно констатировать, что налоговые (таможенные) органы осуществляют принудительное исполнение налогового обязательства только на основании своих решений за счет имущества, указанного в ст. 62–64 НК в отношении организаций, а ОПИ – только на основании судебных исполнительных документов и исполнительных надписей нотариусов. Данное дополнение некоторое время приводило практиков в недоумение, так как на момент вступления в силу Закона от 6 января 2021 г. № 90-З «Об изменении законов по вопросам исполнительного производства» еще в течение практически полугода в НК сохранялось прежнее регулирование распределения полномочий. Законом Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-З «Об изменении законов по вопросам налогообложения» (вступил в силу в интересующей нас части 1 января 2022 г.) были внесены изменения в НК относительно как юрисдикционных полномочий по взысканию налогов, сборов, пеней по ним, так и полномочий по принудительному исполнению.

Анализ законодательства приводит к следующему выводу. ОПИ и налоговые органы могут исполнять

⁵ Термин «обращение к принудительному исполнению» используется актами, регулирующими исполнение юрисдикционных актов в публично-правовой сфере (ч. 4 ст. 14.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, ст. 399, 401 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, ч. 1 ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь), и означает деятельность юрисдикционного органа (его должностных лиц) по направлению юрисдикционного акта или выданного субъекту, осуществляющему принудительное исполнение, на его основании исполнительного документа.

⁶ О совершенствовании работы с имуществом, изъятым, арестованным или обращенным в доход государства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 фев. 2016 г., № 63 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁷ Об изменении законов по вопросам исполнительного производства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 90-З // Там же.

решения налоговых (таможенных) органов путем обращения взыскания на наличные денежные средства, денежные средства на счетах, электронные деньги в электронных кошельках, на дебиторскую задолженность (ч. 2 и 3 п. 1 ст. 61 НК). Поскольку при возбуждении (наличии) исполнительного производства в отношении должника налоговые органы не вправе осуществлять какие-либо действия, направленные на принудительное исполнение налогового обязательства (абзац 2 п. 5 ст. 62 НК), можно констатировать, что возбуждение исполнительного производства исключает дальнейшую компетенцию налоговых (таможенных) органов по исполнению решения налогового (таможенного) органа в бесспорном порядке. Правоприменительная практика также пошла по пути формирования совместной компетенции по взысканию государственной пошлины за рассмотрение дела на основании судебных исполнительных документов за счет наличных денежных средств, денежных средств на счетах, электронных денег в электронных кошельках, дебиторской задолженности⁸.

Следует отметить, что даже в случаях, когда в рамках исполнительного производства взыскание обращается на имущество, предусмотренное в ст. 62–64 НК, правила НК и Закона «Об исполнительном производстве» относительно принудительного исполнения довольно существенно отличаются в следующих моментах:

1) процедуре обращения взыскания на дебиторскую задолженность, или «денежные средства, причитающиеся должнику от третьих лиц» (ст. 77 Закона «Об исполнительном производстве»). Правила Закона «Об исполнительном производстве» по данному вопросу представляются более верными, чем правила ст. 64 НК, так как предполагают оценку судебным исполнителем информации, полученной не только от должника, но и от третьего лица (дебитора). Следует отметить, что, например, в Российской Федерации налоговые органы не имеют возможности обращать взыскание на дебиторскую задолженность (см. ст. 45–48 Налогового кодекса Российской Федерации)⁹;

2) части возложения на должника дополнительных обременений за несвоевременное исполнение налогового обязательства. Закон «Об исполнительном производстве» предусматривает удержание принудительного сбора в размере 10 % от взысканных в пользу взыскателя денежных средств (ст. 120).

Таким образом, взыскание налогов, сборов, пеней по ним в порядке исполнительного производства на основании решений налоговых (таможенных) ор-

ганов является предпочтительным для дебиторов, однако менее желательным для должников.

Как представляется, в целом такие различия в правовом регулировании НК и Законом «Об исполнительном производстве» порядка взыскания задолженности по налогам, сборам, пеням по ним в отношении одних и тех же субъектов (организаций и индивидуальных предпринимателей) нарушают положение ряда норм Конституции Республики Беларусь, в первую очередь ст. 22. Автор настоящего исследования полагает, что альтернативная компетенция налоговых органов и ОПИ по взысканию налогов, сборов, пеней по ним за счет наличных денежных средств, денежных средств на счете, электронных денег в электронном кошельке, дебиторской задолженности должна быть исключена.

Соотношение компетенции налоговых органов и ОПИ в части наложения ареста на имущество должника. Как отмечалось, одним из элементов компетенции налоговых органов по принудительному исполнению налогового обязательства является наложение ареста на имущество плательщика (ст. 57 НК). Компетенцией по наложению ареста на имущество, безусловно, обладают и ОПИ. При этом ОПИ осуществляют принудительное исполнение по широкому спектру юрисдикционных актов (выданных на их основании исполнительных документов). Возможно возникновение ситуации, когда в отношении должника возбуждено сводное исполнительное производство (ст. 47 Закона «Об исполнительном производстве»). Требования о взыскании сумм в республиканский и местные бюджеты, в частности о взыскании налогов, сборов, пеней по ним, в силу абзаца 7 ч. 1 ст. 122 Закона «Об исполнительном производстве» относятся к четвертой очереди. На практике нередки следующие ситуации. Судебный исполнитель налагает арест на имущество должника по требованиям, относящимся к первой – третьей очереди, либо по требованиям четвертой очереди, исполнительные производства по которым были возбуждены ранее исполнительного производства по исполнению налогового обязательства. После наложения ареста на такое имущество судебным исполнителем на него налагается арест налоговым органом, который в дальнейшем получает решение суда о взыскании сумм налогов, сборов, пеней за счет арестованного имущества и судебный исполнительный документ на основании такого решения. Данный документ для исполнения направляется в Департамент (проблемы соотношения компетенции Департамента и ОПИ рассматриваются далее)¹⁰.

⁸Регламент взаимодействия налоговых органов при взыскании (возврате, зачете) государственной пошлины по исполнительному документу суда [Электронный ресурс]. URL: <https://nalog.gov.by/upload/iblock/232/nhkg6s6urkts2c6dno-r9eaozsc3t6xuh.pdf> (дата обращения: 08.07.2024).

⁹См., например, работу [12].

¹⁰См., например: Исполнительное производство № 70118005943 // Арх. Упр. принуд. исполн. Гл. упр. юстиции Мингорисполкома за 2018 г. ; Исполнительное производство № 70717795133 // Арх. органов принуд. исполн. Совет. р-на г. Минска за 2019 г. ; работу [10].

Наличие конкурирующей компетенции по наложению ареста на имущество, в том числе заложенное, открывает налоговым органам путь для обхода очередности, установленной ст. 122 Закона «Об исполнительном производстве».

Следует отметить, что законодателю эта проблема была известна ранее, более того, у нее было отличное решение в ч. 8 ст. 377 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (в редакции Закона Республики Беларусь от 1 июля 2014 г. № 174-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела»), применявшееся только при исполнении требований экономического характера судебными исполнителями хозяйственных судов: «Не допускаются арест имущества должника, изъятие имущества, если это имущество арестовано (описано) другими уполномоченными органами». Собственно закрепление сходного правила в НК и ст. 82 Закона «Об исполнительном производстве» предлагается и С. В. Мощуком [11]. Вероятно, наличие такого правила в обозначенных актах в целом не решит всех проблем, связанных с конкурирующей компетенцией по наложению ареста на имущество, так как полномочиями по наложению ареста обладают целый ряд иных, помимо налоговых (таможенных) органов и ОПИ, субъектов:

- суд, рассматривающий гражданские дела (ст. 255 и 316 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, ст. 116 и 206 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь);
- орган, ведущий уголовный процесс (ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь);
- КГК (абзац 23 ст. 14 Закона «О КГК»);
- органы, ведущие административный процесс, суд при рассмотрении дел об административных правонарушениях (ст. 8.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Поскольку арест имущества – это ограничение прав собственника имущества (лица, которому имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения, оперативного управления) или иного правообладателя (например, в отношении объектов права интеллектуальной собственности), общие положения об аресте, в том числе правило о недопустимости двойного ареста, должны найти закрепление в первую очередь в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Соотношение компетенции Департамента и ОПИ по принудительному исполнению налогового обязательства. Следует отметить некоторую нечеткость положений НК относительно процедуры принудительного исполнения налогового обязательства за счет имущества организаций и индивидуаль-

ных предпринимателей, обозначенного в ст. 65 данного кодекса. Так, ч. 2 п. 2 ст. 61 НК предусматривает, что взыскание налога, сбора (пошлины), пеней с организации или индивидуального предпринимателя производится налоговым органом, таможенным органом в соответствии с НК в бесспорном порядке за счет имущества, указанного в ст. 62–64, а взыскание за счет имущества, указанного в ст. 65 НК, осуществляется на основании решения суда. Таким образом, кодекс определяет юрисдикционный компонент принудительного взыскания (в судебном порядке), однако нигде четко и ясно не обозначает, что обращение взыскания на имущество организаций и индивидуальных предпринимателей, указанное в ст. 65 НК, осуществляется исключительно в порядке исполнительного производства.

Такое регулирование делает возможной альтернативную компетенцию ОПИ и Департамента по принудительному исполнению налогового обязательства за счет имущества, арестованного налоговым органом. При этом в НК отсутствует даже упоминание о возможности Департамента обратиться за взысканием на имущество плательщика. Компетенция Департамента по совершению действий с имуществом, на которое обращается взыскание в счет неисполненного налогового обязательства, неуплаченных пеней, определяется п. 1 Положения и п. 9 и 10 Перечня терминов и определений, утвержденных Указом № 63.

В целом порядок обращения взыскания на имущество должника при взыскании налогов, сборов, пеней по ним, установленный Положением, является менее «прозрачным», чем порядок обращения взыскания на имущество в исполнительном производстве, а также существенно отличается от него в следующих моментах:

1) определении стоимости имущества и его оценке¹¹. По сравнению с ч. 3 ст. 88 Закона «Об исполнительном производстве» п. 42 Положения содержит указание на значительно меньшее количество случаев, когда требуется проведение оценки имущества лицом, обладающим специальными познаниями (специалистом-оценщиком в соответствии с Законом «Об исполнительном производстве», экспертом-оценщиком в соответствии с Положением). Например, согласно Положению не требуется обязательная оценка долей в праве собственности на объекты недвижимости, культурных ценностей, дорогостоящего имущества (стоимостью более 50 базовых величин). Соответственно, в значительно большем числе случаев определение стоимости может быть произведено самостоятельно служащими Департамента, не обладающими профессиональными знаниями в области оценочной деятельности. В рамках исполнительного производства при проведении оценки по общему

¹¹Отметим, что законодательство об оценочной деятельности, в частности, Указ Президента Республики Беларусь от 13 октября 2006 г. № 615 «Об оценочной деятельности», дифференцирует понятия «определение стоимости» и «оценка». Определение стоимости осуществляется лицами, которые не являются оценщиками, а оценка, соответственно, лицом, которое является оценщиком.

правилу устанавливается ликвидационная стоимость имущества (ч. 4 ст. 88 Закона «Об исполнительном производстве»). Пункт 42 Положения требует первоначально устанавливать рыночную стоимость, однако в дальнейшем для передачи имущества на реализацию его стоимость по общему правилу подлежит корректировке в соответствии с п. 57 Положения в сторону уменьшения от 10 до 50%. Негативным моментом такого механизма является то, что особенности (недостатки) имущества учитываются дважды: при определении рыночной стоимости (она устанавливается для конкретной, а не абстрактной вещи) и при корректировке¹². Кроме того, Закон «Об исполнительном производстве» содержит четкий механизм оспаривания стоимости, определенной судебным исполнителем, а также стоимости, полученной в результате оценки. Специальных положений об оспаривании стоимости, определенной служащими Департамента и полученной в результате оценки, Положение не содержит, хотя при оспаривании заключения эксперта-оценщика применению подлежат нормы абзаца 3 подп. 1.8 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 13 октября 2006 г. № 615 «Об оценочной деятельности»;

2) порядке реализации имущества и его переоценке. Законом «Об исполнительном производстве», в отличие от Положения, предусмотрена возможность самостоятельной реализации имущества должником (ст. 92), что позволяет в ряде случаев избежать затрат на реализацию, которые в итоге ложатся на должника. Законом «Об исполнительном производстве» установлен более длительный период, в течение которого осуществляются попытки реализации имущества. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 93 Закона «Об исполнительном производстве» он составляет до 4 месяцев, в то время как в п. 179 и 181 Положения установлен срок реализации до 3 месяцев. Закон «Об исполнительном производстве» допускает проведение четырех переоценок (ч. 1 ст. 93) и максимальную уценку на 80% (ч. 2 ст. 93). Положение в качестве общего правила предусматривает только одну переоценку (производство двух переоценок допускается в отношении недвижимости) и уценку на 20% (п. 179). Кроме того, у судебного исполнителя имеются полномочия по инициированию регистрации недвижимого имущества за должником (абзац 8 ч. 1 ст. 63 Закона «Об исполнительном производстве»), которыми не обладают служащие Департамента;

3) возможности безвозмездной передачи имущества. Возможность безвозмездной передачи имущества должника по налоговому обязательству заинтересованным лицам предусмотрена п. 183 Положения. Для должника, в отличие от получателя имущества, такая передача на самом деле не

является безвозмездной, так как «задолженность... считается погашенной и подлежит списанию налоговыми и (или) таможенными органами в размере, эквивалентном стоимости этого имущества, указанной в акте передачи имущества». Фактически под безвозмездной передачей имущества в Положении подразумевается оставление имущества за взыскателем (Республикой Беларусь, административно-территориальной единицей, в бюджет которой подлежат зачислению соответствующие налоги, сборы, пени по ним). Судьбу такого имущества (реализацию, уничтожение, безвозмездную передачу) определяет Департамент как компетентный субъект, действующий от имени публично-правового образования. Однако проблема заключается в том, что Закон «Об исполнительном производстве» при оставлении имущества за взыскателем предоставляет должнику значительно больше гарантий. Так, без согласия должника имущество передается взыскателю в случаях, если реализация нецелесообразна либо имущество не удалось реализовать (ч. 1, 3, 4 ст. 94 Закона «Об исполнительном производстве»). Когда имущество еще не поступало на реализацию и реализация целесообразна (ч. 2 ст. 94 Закона «Об исполнительном производстве»), передача имущества взыскателю в счет погашения долга допускается только по согласию обеих сторон исполнительного производства, что позволяет должнику рассчитывать на справедливую цену при реализации имущества. Кроме того, ч. 8 ст. 94 Закона «Об исполнительном производстве» четко регламентирует действия взыскателя в случае, если стоимость передаваемого ему имущества превышает размер задолженности. Для ситуаций безвозмездной передачи имущества, стоимость которого превышает размер задолженности (п. 185 Положения), такие правила не установлены. Имеется только общее указание п. 5 ст. 65 НК о том, что «средства, оставшиеся после исполнения налогового обязательства, уплаты пеней и возмещения расходов по их взысканию, подлежат возврату либо зачету плательщику (залогодателю, поручителю)».

В целом можно констатировать, что правила, предусмотренные Положением, худшим образом регулируют правовое положение должника по налоговому обязательству по сравнению с правилами Закона «Об исполнительном производстве».

Показателен следующий пример. Банком был выдан кредит на сумму 1 750 000 долл. США под обеспечение залогом строящегося здания. Впоследствии кредит не погашался, образовалась задолженность. Банком была получена исполнительная надпись нотариуса на взыскание задолженности по кредиту, а также процентов и повышенных процентов за

¹²Об изменении стоимости имущества [Электронный ресурс] : постановление Упр. делами Президента Респ. Беларусь, 29 авг. 2016 г., № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

пользование кредитом за весь период кредитования. Было возбуждено исполнительное производство. Судебный исполнитель выехал на место нахождения имущества должника (строящееся здание), где выявил здание со степенью готовности 80 %. Однако произвести арест судебный исполнитель не смог, так как стало известно, что указанное имущество ранее было арестовано инспекцией Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (ИМНС) и передано для реализации с торгов Департаменту как строительные материалы по стоимости, значительно меньшей, чем ликвидационная стоимость незавершенного здания. Таким образом, в случае реализации указанного имущества ИМНС получила бы сумму неоплаченных налогов (около 1 млн. руб.), сумма, превышающая задолженность по налогам и пеням, была бы возвращена должнику, но остальные взыскатели (а в исполнительном производстве их было несколько), получили бы только частичное удовлетворение своих требований либо не получили его вовсе. Реализация имущества Департаментом также привела бы к прекращению существования залога имущества, возникновению у банка необходимости получать новый исполнительный документ на взыскание задолженности в общем, а не приоритетном (путем обращения взыскания на предмет залога) порядке, изменению очереди требования банка в сводном исполнительном производстве. По инициативе банка торги в отношении объекта как строительных материалов были отменены, ИМНС сняла арест с имущества и предъявила исполнительный документ в ОПИ. Это позволило судебному исполнителю реализовать здание именно как объект недвижимости, покрыв за счет суммы от реализации и задолженность по налогам, и задолженность перед банком¹³.

Существование таких разных порядков исполнения, как представляется, противоречит положениям ст. 22 Конституции Республики Беларусь.

Обращение Департаментом взыскания на имущество должника по налоговому обязательству также позволяет налоговым органам обходить очередность сводного исполнительного производства (ст. 122 Закона «Об исполнительном производстве»).

Так, на основании заявления отдела образования и исполнительной надписи нотариуса в 2019 г. ОПИ было возбуждено исполнительное производство о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном

обеспечении (требование первой очереди). Должник при этом являлся индивидуальным предпринимателем. Судебным исполнителем было арестовано недвижимое имущество должника, которое подверглось повторному аресту ИМНС (взыскание сумм в бюджет в соответствии со ст. 122 Закона «Об исполнительном производстве» в настоящее время отнесено к четвертой очереди, а в момент ведения указанного исполнительного производства оно относилось ко второй очереди). Переписка ОПИ и ИМНС по поводу снятия повторного ареста не дала результата. ИМНС получила в экономическом суде определение о судебном приказе на взыскание задолженности перед бюджетом за счет арестованного имущества и инициировала продажу имущества Департаментом. Каких-либо иных действий, направленных на недопущение реализации имущества Департаментом, судебный исполнитель предпринять не мог, так как обращение взыскания на имущество должника по налоговому обязательству регулируется НК и Указом № 63, которые обладают большей юридической силой, чем Закон «Об исполнительном производстве»¹⁴. В последующем указанное недвижимое имущество было реализовано Департаментом, средства от реализации пошли на погашение задолженности по налоговому обязательству¹⁵.

Верховный Суд Республики Беларусь предпринял определенные шаги, для того чтобы таких ситуаций стало несколько меньше, ориентируя судебную практику на необходимость рассмотрения требований налоговых органов о взыскании задолженности по налогам, сборам, пеням по ним в порядке искового производства (ч. 3, 5, 9, 10, 16 ППВС № 6) в противовес сформировавшейся ранее практике рассмотрения их в основном в порядке приказного производства¹⁶. С одной стороны, должники зачастую не заинтересованы в информировании суда о наличии у них иных неисполненных требований, относящихся к очередям с более высоким приоритетом, с другой стороны, сама процедура приказного производства не предполагает каких-либо возможностей для учета позиций иных заинтересованных лиц в ходе рассмотрения судом требования. Исковое производство допускает участие третьих лиц, однако ППВС № 6 не обязывает суд по своей инициативе получить информацию о наличии исполнительных производств, возбужденных в отношении должника.

Представляется, что для недопущения исполнения требований о взыскании налогов, сборов, пеней по

¹³Исполнительное производство № 70118005943 // Арх. Упр. принуд. исполн. Гл. упр. юстиции Мингорисполкома за 2018 г.

¹⁴Следует обратить внимание, что обозначенный казус имел место в 2019 г., т. е. до внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, принятых решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. Данные изменения коснулись в том числе юридической силы указов. Однако ввиду того, что Указ № 63 принят в 2016 г., его юридическая сила по отношению к Закону «Об исполнительном производстве» остается неизменной.

¹⁵Исполнительное производство № 70717795133 // Арх. отд. принудит. исполн. Совет. р-на г. Минска.

¹⁶О некоторых вопросах, связанных с применением Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь, 19 мая 2005 г., № 21 : утратило силу // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

ним за счет имущества, арестованного налоговыми органами, при наличии в ОПИ исполнительных производств первой – четвертой очереди в отношении должника может быть предложено несколько решений.

С учетом того что процедуры, описанные в Указе № 63, по сравнению с процедурами, описанными в Законе «Об исполнительном производстве», существенно ухудшают положение должника, оптимальным видится полный отказ от исполнения требований о взыскании налогов, сборов, пеней по ним Департаментом и взыскание их за счет обозначенного в ст. 65 НК имущества плательщика (а в идеале и за счет дебиторской задолженности) только в порядке исполнительного производства.

Второй вариант связан с налаживанием взаимодействия (в первую очередь электронного) между налоговыми органами, Департаментом и ОПИ, установлением обязанности налоговых органов и Департамента проверять наличие исполнительных производств первой – четвертой очереди, возбужденных в отношении должника, запрета налоговым органам передавать на реализацию имущество, а Департаменту принимать и реализовывать его при наличии информации об исполнительных производствах первой – четвертой очереди в отношении должника. Этот путь является более сложным с точки зрения законодательного регулирования и менее предпочтительным при сохранении применения процедур, описанных в Указе № 63, со всеми их недостатками.

Заключение

Проведенное исследование привело автора к следующим выводам.

1. Система принудительного исполнения Республики Беларусь является децентрализованной, что, в соответствии со ст. 22 Конституции Республики Беларусь, предполагает согласованность правил принудительного исполнения обязанностей, вытекающих из одинаковых по правовой природе правоотношений, которыми руководствуются различные органы.

2. Компетенцией по принудительному исполнению валового обязательства в Республике Беларусь обладают налоговые органы, органы принудительного исполнения, Департамент. Правила осуществления ими принудительного исполнения во многом являются несогласованными, компетенция носит в ряде случаев альтернативный и конкурирующий характер, что на практике нередко приводит к негативным последствиям.

Альтернативная компетенция налоговых органов и ОПИ по принудительному исполнению решений налоговых (таможенных) органов о взыскании налогов, сборов, пеней по ним за счет наличных денежных

средств, денежных средств на счете, электронных денег в электронном кошельке, дебиторской задолженности должников – организаций и индивидуальных предпринимателей – должна быть исключена.

Практика так называемого двойного ареста имущества, характерная в основном для налоговых органов, является недопустимой. Общие положения об аресте, в том числе правило о невозможности наложения ареста на имущество, ранее арестованное иным компетентным субъектом, должны найти закрепление в первую очередь в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Представляется недопустимой практика использования налоговыми (таможенными) органами процедур, предусмотренных Указом № 63, для обхода очередности исполнения требований при наличии исполнительных производств первой – четвертой очереди в отношении должника. Для решения данной проблемы предпочтительным является полный отказ от исполнения Департаментом требований о взыскании налогов, сборов, пеней по ним за счет арестованного налоговыми (таможенными) органами имущества.

Библиографические ссылки

1. Хесс Б. Системы принудительного исполнения. В: ван Рее Р, редактор. *Исполнительное производство: традиции и реформы*. Москва: Инфотропик медиа; 2011. с. 53–76.
2. Лещенко СК. Принудительное исполнение налогового обязательства. В: Балащенко СА, редактор. *Белорусская юридическая энциклопедия. Том 3, II – С*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2010. с. 275–276.
3. Пилипенко АА. *Налоговое право*. Минск: Книжный дом; 2006. 448 с.
4. Губаревич АВ. *Налоговое право*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2017. 104 с.
5. Пушко НВ. *Финансовое и налоговое право*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2023. 387 с.
6. Ананевич ЕВ, Сербун ПП. *Финансовое право. Налоговое право*. Минск: Белорусский государственный экономический университет; 2023. 110 с.
7. Ананевич ЕВ. О принудительном взыскании налоговых платежей. В: Егоров АВ, редактор. *Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость. Материалы XVI Международной научно-практической конференции; 19 мая 2023 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БелИСА; 2023. с. 320.
8. Чарьева О. Принудительное исполнение налогового обязательства в Республике Беларусь. В: Ятусевич АИ, редактор. *Молодежь – науке и практике АПК. Материалы 101-й Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов; 26–27 мая 2016 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: Витебская государственная академия ветеринарной медицины; 2016. С. 323–325.

9. Можаева ЛЕ. Бесспорный порядок взыскания налога, сбора (пошлины), пени. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2012;3:42–48.
10. Раюшкин ВК. Взыскание налоговых платежей как часть исполнительного производства. В: Таранова ТС, редактор. *Проблемы правового регулирования и совершенствования законодательства в сфере исполнительного производства*. Минск: Колоград; 2023. с. 297–314.
11. Мощук СВ. Арест после ареста [Интернет; процитировано 8 июня 2024]. Доступно по: <https://ilex.by/arrest-posle-aresta/>.
12. Ефремова ЕС. Погашение недоимки за счет дебиторской задолженности налогоплательщика: нужно ли вносить изменения в законодательство? *Актуальные проблемы российского права*. 2019;4:40–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.040-047.

References

1. Hess B. [Different enforcement structures]. In: van Rhee R, editor. *Ispolnitel'noe proizvodstvo: traditsii i reformy* [Enforcement and enforceability – tradition and reform]. Moscow: Infotropic media; 2011. p. 53–76. Russian.
2. Leshchenko SK. [Compulsory execution of tax obligations]. In: Balashenko SA, editor. *Belorusskaya yuridicheskaya entsiklopediya. Tom 3, P – S* [Belarusian legal encyclopedia. Volume 3, П – С]. Minsk: State Institute of Management Technologies of the Belarusian State University; 2010. p. 275–276. Russian.
3. Pilipenko AA. *Nalogovoe pravo* [Tax law]. Minsk: Knizhnyi dom; 2006. 448 p. Russian.
4. Gubarevich AV. *Nalogovoe pravo* [Tax law]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2017. 104 p. Russian.
5. Pushko NV. *Finansovoe i nalogovoe pravo* [Financial and tax law]. Minsk: National Institute of Higher Education; 2023. 387 p. Russian.
6. Ananevich EV, Serbun PP. *Finansovoe pravo. Nalogovoe pravo* [Financial law. Tax law]. Minsk: Belarus State Economic University; 2023. 110 p. Russian.
7. Ananevich EV. [On the forced collection of tax payments]. In: Egorov AV, editor. *Ekonomicheskii rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost'*. *Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19 maya 2023 g.; Minsk, Belarus'* [Economic growth of the Republic of Belarus: globalisation, innovation, sustainability. Proceedings of the 16th International scientific and practical conference; 2023 May 19; Minsk, Belarus]. Minsk: BELLISA; 2023. p. 320. Russian.
8. Charyeva O. [Compulsory execution of tax obligations in the Republic of Belarus]. In: Yatusevich AI, editor. *Molodezh' – nauke i praktike APK. Materialy 101-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i magistrantov; 26–27 maya 2016 g.; Viciebsk, Belarus'* [Youth – to science and practice of the agro-industrial complex. Proceedings of the 101st International scientific and practical conference of students and postgraduates; 2016 May 26–27; Vitebsk, Belarus]. Viciebsk: Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine; 2016. p. 323–325. Russian.
9. Mozhaeva LE. [Indisputable procedure for collecting taxes, fees (duties), penalties]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2012;3:42–48. Russian.
10. Rayushkin VK. [Collection of tax payments as part of enforcement proceedings]. In: Taranova TS, editor. *Problemy pravovogo regulirovaniya i sovershestvovaniya zakonodatel'stva v sfere ispolnitel'nogo proizvodstva* [Problems of legal regulation and improvement of legislation in the sphere of enforcement proceedings]. Minsk: Kolograd; 2023. p. 297–314. Russian.
11. Moshchuk SV. Seizure after seizure [Internet; cited 2024 July 8]. Available from: <https://ilex.by/arrest-posle-aresta/>. Russian.
12. Efremova ES. Repayment of outstanding debt through tax receivables of the taxpayer: do we need to amend the legislation? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019;4:40–47. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.040-047.

Статья поступила в редколлегию 10.07.2024.
Received by editorial board 10.07.2024.

УДК 347.77.04

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТСУТСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ДОГОВОРОВ В ПАТЕНТНОМ ОРГАНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. Д. ЛАНДО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Обосновывается значимость прямого указания сублицензионных договоров, договоров субфранчайзинга в нормах гражданского законодательства Республики Беларусь, в частности, для фиксации достоверной информации о государственной регистрации таких договоров. Рассматривается вопрос о правовых последствиях неосуществления регистрации отдельных договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности, выявляются сохранившиеся пробелы правового регулирования. В соответствии с изменениями, внесенными в Гражданский кодекс Республики Беларусь, с 19 ноября 2024 г. предложено не признавать договоры франчайзинга и субфранчайзинга недействительными вследствие отсутствия их государственной регистрации в патентном органе независимо от состава предоставляемого лицензионного комплекса.

Ключевые слова: государственная регистрация договора; недействительность договора; сублицензионный договор; договор франчайзинга; договор субфранчайзинга.

LEGAL CONSEQUENCES OF THE ABSENCE OF STATE REGISTRATION OF AGREEMENTS WITH THE PATENT OFFICE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

D. D. LANDO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article justifies the importance of naming sublicense agreements, subfranchise agreements in the norms of civil legislation of the Republic of Belarus, in particular, in order to reflect reliable information about the state registration of such agreements. The issue of legal consequences of failure to register certain agreements on transfer and granting of rights to industrial property is considered, the remaining gaps in legal regulation are identified. In the light of amendments to the Civil Code of the Republic of Belarus from 19 November 2024 it is proposed do not recognise franchise and subfranchise agreements invalid due to the lack of their state registration with the patent office regardless of the composition of the license complex provided.

Keywords: state registration of the agreement; invalidity of the agreement; sublicense agreement; franchise agreement; subfranchise agreement.

Образец цитирования:

Ландо ДД. Правовые последствия отсутствия государственной регистрации договоров в патентном органе Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:21–25.
EDN: KWGCWO

For citation:

Lando DD. Legal consequences of the absence of state registration of agreements with the patent office of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:21–25. Russian.
EDN: KWGCWO

Автор:

Дарья Дмитриевна Ландо – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Darya D. Lando, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.
lando@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-0754-9840>

Введение

Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности (далее – патентный орган Республики Беларусь) за 2023 г. свидетельствует о востребованности регистрации договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности (в указанном году зарегистрировано 1087 договоров, что на 21,1 % больше по сравнению с 2022 г.¹). Статистические данные отражают количество зарегистрированных лицензионных договоров, договоров уступки исключительного права, договоров залога прав на определенные объекты права промышленной собственности, а также договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга).

В рамках заседания рабочей группы по подготовке проекта закона об изменении Гражданского кодекса Республики Беларусь, созданной приказом директора Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь от 9 февраля 2018 г. № 9, автором настоящего исследования было высказано предложение детализировать нормы, определяющие недействительность договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности в случае их нерегистрации. Данное предложение не нашло отклика, поскольку регистрация договора в патентном органе имеет статус государственной регистрации, а измененный п. 1 ст. 165 Гражданского кодекса Республики Беларусь гласит, что, если законодательными актами предусмотрена государственная регистрация сделок, правовые последствия сделки наступают после ее государственной регистрации. Неоднократно обращалось внимание на целесообразность выработки соответствующих переходных положений с учетом предполагаемого изменения правовых последствий, возникающих из-за отсутствия государственной регистрации сделки [1, с. 28].

Подобное изменение подхода законодателя не стало бы новым для Евразийского экономического союза. В Российской Федерации в 2014 г. произошел отказ от государственной регистрации договоров в пользу государственной регистрации отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации по договору, залога этого права и предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, а также перехода исключительного права без договора (п. 2 ст. 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федера-

ции» разъяснено, что при несоблюдении требования о государственной регистрации сам договор не станет недействительным. Согласно п. 6 ст. 1232 ГК РФ переход исключительного права, его залог или предоставление права использования считается несостоявшимся. Практикоориентированным является указание на то, что в силу п. 1, 2 ст. 433 ГК РФ обязательственные отношения из договоров, по которым переход или предоставление права подлежат государственной регистрации, возникают независимо от государственной регистрации (п. 37 вышеупомянутого постановления).

Подход российского законодателя позволяет на основании положений ст. 433 и 1235 ГК РФ не ограничивать стороны в праве расширять сроки действия лицензионного договора, в том числе на период до его заключения, поскольку применение положений п. 2 ст. 425 ГК РФ не зависит от того, каким событием определяется момент заключения договора: достижением простого согласия или осуществлением государственной регистрации².

Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ, принятый на 34-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, не содержит каких-либо сведений по рассматриваемому вопросу. Обсуждаемый проект новой редакции данного кодекса не размещен для ознакомления в открытом доступе.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена принятием Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З) и необходимостью внесения изменений в специальные законы. Уже на первоначальном этапе разработки текстов законопроектов выяснилось, что с высокой степенью вероятности правовые последствия, возникающие из-за отсутствия государственной регистрации договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности, останутся неизменными. Для преодоления данных последствий требуется актуализировать ранее проведенные исследования.

В рамках данной работы выявлены теоретические и практические трудности, возникающие при государственной регистрации отдельных договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности, проблемы определения последствий неосуществления такой регистрации, предложены варианты их решения.

В настоящем исследовании сравниваются нормы гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации по рассматриваемой проблематике, а также анализируются примеры из

¹Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ncip.by/upload/iblock/480/j1a6uo709n8o8nfyfp28m89y7wj6x4k1.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

²Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 19 октября 2015 г. № C01-859/2015 по делу № A40-177319/2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71129172/?prime> (дата обращения: 07.07.2024).

российской практики правоприменения. Отдельные аспекты правовой природы регистрации договоров в патентном органе исследовались В. Н. Годуновым [2]. Д. В. Иванова обосновывала целесообразность более детального определения последствий признания недействительными договоров в отношении объек-

тов права промышленной собственности (в частности, применения реституции) [3, с. 113–114]. Иные актуальные публикации преимущественно посвящены анализу проблем, возникающих в ходе государственной регистрации конкретного договора, защите интересов сторон при такой регистрации (см., например, [4; 5]).

Материалы и методы исследования

При подготовке данной работы были использованы общенаучные и специальные методы познания: диалектический, логический, сравнительно-правовой, а также метод системного анализа.

Теоретическую основу исследования составили труды по гражданскому праву. Результаты исследования базируются на изучении законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Помимо регистрации поименованных в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346 «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)» (далее – постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346) договоров, патентный орган Республики Беларусь осуществляет регистрацию сублицензионных договоров и договоров комплексной предпринимательской сублицензии (субфранчайзинга). Ранее с определенной долей условности данные договоры определяли как разновидность лицензионного договора, договора франчайзинга или иные договоры, которые по своему содержанию соответствуют регистрируемому договору, указанным в подп. 1.1.1–1.1.4 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346. Вместе с тем публикации в официальных бюллетенях патентного органа Республики Беларусь не позволяют без дополнительных запросов информации выявить регистрацию сублицензионных договоров и договоров субфранчайзинга, поскольку они включены в перечень зарегистрированных лицензионных договоров и договоров франчайзинга.

Положительная тенденция наметилась с принятием постановления Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 15 апреля 2009 г. № 6 «Об утверждении Инструкции о порядке регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)», в котором регистрируемость именно сублицензионных договоров обусловлена проверкой срока действия и объема передаваемых прав (п. 14 и 15).

Часть 5 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2021 г. № 10 «О применении законодательства при рассмотрении

гражданских дел по спорам, связанным с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов» подтверждает, что несоблюдение установленного в ч. 1 п. 5 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» требования о регистрации договора уступки, лицензионного, сублицензионного договоров влечет их недействительность.

С 19 ноября 2024 г. норма ч. 1 п. 6 ст. 987 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), согласно которой к сублицензионному договору применяются правила о лицензионном договоре, позволит более уверенно решать возникающие на практике вопросы правоприменения. Чтобы придерживаться единых подходов при регулировании сходных отношений, обоснованным представляется обособление нормы о сублицензионном договоре по примеру нормы ст. 910-2 ГК «Комплексная предпринимательская сублицензия».

На момент написания данной статьи обсуждалась целесообразность регистрации расторжения лицензионных договоров в качестве самостоятельной административной процедуры. Вероятно, регистрация расторжения и лицензионных, и сублицензионных договоров будет востребована на практике.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем предусмотреть в нормативных правовых актах необходимость регистрировать договоры субфранчайзинга, а также сублицензионные договоры (в том числе заключенные в отношении евразийских патентов на изобретения, промышленные образцы), изменения в них, их расторжение. Необходимо обеспечить максимальную транспарентность информации о сублицензионных договорах и договорах субфранчайзинга при публикации сведений о регистрации соответствующих договоров, внесении в них изменений, их расторжении в официальных бюллетенях патентного органа Республики Беларусь. Изменение формата публикации представляется важным, в частности, для понимания последовательности предоставления прав на конкретный объект права промышленной собственности. Кроме того, большое значение имеет совпадение информации в извещении патентного

органа Республики Беларусь о регистрации договора и публикации о регистрации такого договора. Доверители часто настаивают на отражении в извещении сублицензионного, а не лицензионного договора.

Последствия нерегистрации того или иного договора о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности требуют дополнительного исследования ввиду изменения правового регулирования. С одной стороны, для обеспечения равного правового положения участников гражданского оборота независимо от избранной процедуры охраны объекта на территории Республики Беларусь необходимо реализовать неоднократно высказываемое ранее предложение о предусмотрении одинаковых последствий нерегистрации договора в Международном бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности и Евразийском патентном ведомстве [1, с. 28–29]. С другой стороны, обеспечение такого равенства затрудняется невозможностью зарегистрировать сублицензионный договор в отношении международной регистрации товарного знака в какой-либо организации и необходимостью искусственного дробления договора франчайзинга на договор франчайзинга, регистрируемый в патентном органе Республики Беларусь, и лицензионный договор в отношении международной регистрации товарного знака, регистрируемый в Международном бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Принятие Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-3 обусловило необходимость внесения изменений в специальные законы. На первоначальном этапе разработки текстов законопроектов выяснилось, что правовые последствия, возникающие из-за отсутствия государственной регистрации договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности, с высокой степенью вероятности останутся неизменными. В таком случае п. 1 ст. 165 ГК будет неприменим к лицензионным договорам, сублицензионным договорам, договорам уступки исключительного права на определенные объекты права промышленной собственности, договорам о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак. Вместе с тем не утратит своего значения норма п. 3 ст. 166 ГК, позволяющая в случае уклонения одной из сторон от регистрации договора по требованию другой стороны получить решение суда о регистрации данного договора, которое и станет основанием для его государственной регистрации.

Интересным для практиков может стать вывод Верховного Суда Российской Федерации о том, что отсутствие регистрации спорной сделки, возникшей в условиях пассивного поведения и фактического бездействия истца, содержащего признаки недобросовестного поведения участника гражданского оборота, нельзя рассматривать в качестве безусловного основания для признания ее недействительной в судебном порядке и применения последствий недействительности сделки³.

Пунктом 2 ст. 910-1 ГК уточняется, что по своей природе регистрация договора франчайзинга в патентном органе Республики Беларусь является государственной регистрацией. Согласно подп. 1.3 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346 договоры франчайзинга при отсутствии их регистрации в патентном органе Республики Беларусь считаются недействительными в случаях, предусмотренных законодательными актами. Поскольку никаких специальных последствий отсутствия государственной регистрации договора франчайзинга в гл. 53 ГК не предусмотрено, был сделан вывод о том, что с 19 ноября 2024 г. в силу п. 1 ст. 165 ГК такой договор не повлечет правовых последствий [6, с. 212]. Вместе с тем следует учесть практику патентного органа Республики Беларусь по «расщеплению» договора франчайзинга и выделению из него лицензионных договоров. В соответствии с ч. 1 подп. 1.2 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346, если по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) передаются права в отношении изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, сортов растений, топологий интегральных микросхем, товарных знаков, договоры франчайзинга также подлежат регистрации в Государственном реестре лицензионных договоров, договоров уступки и договоров залога прав на объекты интеллектуальной собственности Республики Беларусь. В таком случае патентный орган Республики Беларусь выдает два извещения: извещение о регистрации договора франчайзинга и извещение о регистрации лицензионного договора. Поскольку констатация существования таких лицензионных договоров обусловлена исключительно особенностями ведения государственных реестров, к ним неприменимы нормы о последствиях, возникающих из-за отсутствия государственной регистрации в части недействительности договора. Указанный вывод справедлив и для договоров субфранчайзинга.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости обособления нормы о сублицензионном договоре по примеру нормы ст. 910-2 ГК.

Сохранение прежнего варианта определения правовых последствий неосуществления государственной

регистрации договоров о передаче и предоставлении прав на объекты права промышленной собственности допустимо при условии детализации норм в отношении договора франчайзинга. Наиболее очевидным способом, позволяющим поступать единообразно

³Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2016 г. № 305-ЭС15-19424 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1417054 (дата обращения: 07.07.2024).

при нерегистрации договоров в патентном органе Республики Беларусь, представляется легализация недействительности договора франчайзинга при отсутствии его государственной регистрации. Вместе с тем вступающие в силу 19 ноября 2024 г. изменения в ГК позволили сформулировать вывод о неприменимости норм о недействительности договора в случае отсутствия такой регистрации, который является справедливым и для договоров субфранчайзинга.

Смешение изменения гражданско-правового договора и его расторжения недопустимо, в связи с чем легализация регистрации патентным органом Республики Беларусь расторжения лицензионных договоров в качестве самостоятельной административной

процедуры видится выходом из сложившегося положения. Автором настоящего исследования предлагается зафиксировать в специальных законах, постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346 необходимость регистрации договоров субфранчайзинга, сублицензионных договоров (в том числе заключенных в отношении евразийских патентов на изобретения, промышленные образцы), изменений в них, их расторжения.

При публикации сведений о зарегистрированных патентным органом Республики Беларусь договорах необходимо обеспечить максимальную транспарентность информации о сублицензионных договорах и договорах субфранчайзинга.

Библиографические ссылки

1. Ландо ДД. Защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь: актуальные инициативы и известные проблемы. В: Богоненко ВА, редактор. *Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. Сборник материалов международной научно-практической конференции; 26 мая 2023 г.; Новополоцк, Беларусь*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой; 2023. с. 27–30.
2. Годунов ВН. Государственная и иная регистрация гражданско-правовых договоров. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 1*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2017. с. 57–68.
3. Иванова ДВ. *Право интеллектуальной собственности Республики Беларусь: система и перспективы развития*. Минск: БГУ; 2020. 159 с.
4. Кацубо П, Андриевский Д. Проблемные вопросы, возникающие при регистрации договоров уступки исключительного права на объекты права промышленной собственности. *Интеллектуальная собственность в Беларуси*. 2024;1:16–23.
5. Ландо ДД. Служебные объекты права промышленной собственности: защита интересов сторон при регистрации договора уступки исключительного права. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 7*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2017. с. 142–150.
6. Ландо ДД, Иванова ДВ. Трансформация правового регулирования предоставления права на использование объектов интеллектуальной собственности. В: Лещенко СК, редактор. *Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов. Сборник статей Международного круглого стола, посвященного 70-летию со дня рождения заслуженного работника образования Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова; 7 февраля 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: РИВШ; 2024. с. 207–216.

References

1. Lando DD. [Protection of rights to intellectual property objects in the Republic of Belarus: current initiatives and known problems]. In: Bogonenko VA, editor. *Pravovaya zashchita intellektual'noi sobstvennosti: problemy teorii i praktiki. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26 maya 2023 g.; Novopolotsk, Belarus'* [Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice. Collection of materials of the International scientific and practical conference; 2023 May 26; Novopolotsk, Belarus]. Navapolack: Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk; 2023. p. 27–30. Russian.
2. Godunov VN. [State and other registration of civil law contracts]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsesssa. Vypusk 1* [Problems of civil law and process. Issue 1]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2017. p. 57–68. Russian.
3. Ivanova DV. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti Respubliki Belarus': sistema i perspektivy razvitiya* [Intellectual property law of the Republic of Belarus: system and prospects of development]. Minsk: Belarusian State University; 2020. 159 p. Russian.
4. Katsubo P, Andrievskii D. [Problematic issues arising in the registration of contracts of assignment of the exclusive right to objects of industrial property rights]. *Intellektual'naya sobstvennost' v Belarusi*. 2024;1:16–23. Russian.
5. Lando DD. [Service objects of industrial property rights: protection of the parties' interests in the registration of the exclusive right assignment agreement]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsesssa. Vypusk 7* [Problems of civil law and process. Issue 7]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2022. p. 142–150. Russian.
6. Lando DD, Ivanova DV. [Transformation of legal regulation of granting the right to use intellectual property]. In: Leshchenko SK, editor. *Dogovor v grazhdanskom prave: sovremennoe razvitie traditsionnykh tsivilisticheskikh institutov. Sbornik statei Mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo 70-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužhennogo rabotnika obrazovaniya Respubliki Belarus', doktora yuridicheskikh nauk, professora V. N. Godunova; 7 fevralya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [Contract in civil law: modern development of traditional civilistic institutions. Collection of articles of International round table, dedicated to the 70th anniversary of the honored worker of education of the Republic of Belarus, doctor of science (law), professor V. N. Godunov; 2024 February 7; Minsk, Belarus]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2024. p. 207–216. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.07.2024.
Received by editorial board 08.07.2024.

УДК 340.1:347.1:346.1

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

О. М. КУНИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследовано инвестиционное законодательство с позиции теории правовых стимулов и правовых ограничений. Правовые стимулы и правовые ограничения в механизме правового регулирования осуществления инвестиций рассматриваются в качестве отраслевой разновидности правовых стимулов и правовых ограничений на базе основных критериев, разработанных общей теорией права и теорией отдельных отраслей права. Определены направления интерпретации данных стимулов и ограничений применительно к инвестиционному праву. Конкретные правовые средства (правовые стимулы и правовые ограничения) воплощаются в юридические нормы, институты, подотрасли, отрасли, благодаря чему наполняются соответствующим (правостимулирующим или правоограничивающим) содержанием. Показано влияние государственной инвестиционной политики на формирование инвестиционного права.

Ключевые слова: инвестиционное право; правовые средства; механизм правового регулирования; правовые стимулы; правовые ограничения; инвестиционная политика.

LEGAL INCENTIVES AND LEGAL RESTRICTIONS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF INVESTMENTS

О. М. KUNITSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines investment legislation from the perspective of the theory of legal incentives and legal restrictions. Legal incentives and legal restrictions in the mechanism of legal regulation of investment are considered as a sectoral variety of legal incentives and legal restrictions, based on the main criteria developed by the general theory of law and the theory of individual branches of law. The directions of their interpretation in relation to investment law are determined. Specific legal means (legal incentives and legal restrictions) are embodied in legal norms, institutions, sub-sectors, industries, due to which they are filled with appropriate (law-enhancing or law-restricting) content. The influence of state investment policy on the formation of investment law is shown.

Keywords: investment law; legal means; mechanism of legal regulation; legal incentives; legal restrictions; investment policy.

Образец цитирования:

Куницкая ОМ. Правовые стимулы и правовые ограничения в механизме правового регулирования осуществления инвестиций. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:26–35.
EDN: IQTYBP

For citation:

Kunitskaya OM. Legal incentives and legal restrictions in the mechanism of legal regulation of investments. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:26–35. Russian. EDN: IQTYBP

Автор:

Ольга Михайловна Куницкая – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета.

Author:

Olga M. Kunitskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of economic law, faculty of law.
volhakun@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7914-1572>

Введение

Право, призванное упорядочивать общественные отношения, корректируя поведение людей в соответствии с определенными целями, должно включать в себя набор средств, с помощью которых происходит это упорядочивание (регулирование). Данные правовые средства необходимы для эффективного осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности.

В состав правовых средств входят в том числе правомерные (правомерные) стимулы и правомерные (правомерные) ограничения, являющиеся по своему характеру противоположными юридическими средствами. Правовые стимулы связаны с созданием благоприятных юридических условий для удовлетворения правомерных интересов субъекта, правовые ограничения должны сдерживать неправомерное, асоциальное поведение субъекта. Представляется верной позиция А. В. Малько, который считает, что «в центре праворегулятивной политики, независимо от желания законодателей и правоприменителей, находятся взаимоотношения человека и государства, их правовые статусы, которые выражаются в определенном наборе стимулов и ограничений» [1, с. 39].

Сфера исследований правовых стимулов и правовых ограничений к настоящему времени уже имеет достаточно богатую и общепризнанную доктрину. В то же время по мере ее развития происходят переосмысление традиционных вопросов на базе имеющихся знаний и постановка новых проблем с учетом возникающих потребностей.

Правовые стимулы и правовые ограничения составляют механизм правового регулирования осуществления инвестиций. Благодаря системе таких правовых средств, как правовые стимулы и правовые ограничения, обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения, удовлетворение интересов участников инвестиционных правоотношений.

На уровне общей теории права с точки зрения методологии важны достижения теории правовых средств в целом. Понимание самого термина «правовое средство» нельзя назвать однозначным, проблема состава правовых средств не решена [2, с. 114–115; 3, с. 70–77]. Данным вопросом изначально занимались С. С. Алексеев [4; 5], А. В. Малько [1; 6], С. В. Мирошник¹, Б. И. Пугинский [7], В. А. Сапун [8] и др.

Ввиду универсальности категории «средство» достаточно сложной задачей является достижение единства мнений по поводу определения содержания правового (юридического) средства, не охватываемого содержанием иных используемых юридических понятий. В рамках настоящего исследования интерес представляет назначение правового средства в достижении юридической цели.

Под юридическими средствами предлагается понимать «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), которые используются для достижения юридических целей» [3, с. 81], «инструменты и деяния, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [6, с. 28].

В свою очередь, система правовых средств в единстве позволяет обеспечивать результативное правовое воздействие на общественные отношения [9, с. 9], «осуществлять правовое регулирование, упорядочивать общественные отношения и удовлетворять интересы участников правоотношений» [10, с. 501] и составляет в общем виде механизм правового регулирования [11, с. 19].

М. А. Куликов выделяет общие признаки юридических средств, акцентируя их статус как особой, самостоятельной правовой категории. Так, юридические средства направлены на достижение юридических целей и предопределены ими. Кроме того, юридические средства способствуют устранению препятствий, мешающих удовлетворению интересов участников правоотношений. Юридические средства устанавливаются или санкционируются, а также обеспечиваются государством. Они приводят к юридическим последствиям, которые могут как обеспечивать достижение поставленных целей, так и не давать запланированного результата (в силу неэффективного использования юридических средств или их сочетания, изменения интересов самого субъекта и т. д.), а их использование является правомерным поведением [3, с. 81–82].

По мнению М. А. Кулешова, частные признаки юридических средств раскрывают природу юридических средств-установлений (инструментов) и средств-деяний (технологий). К особым признакам юридических средств-установлений относят субстанциональный характер (некоторые ученые трактуют его как институциональность), под которым понимается наличие данного вида юридических средств как реального факта окружающей действительности (С. С. Алексеев [12, с. 218]); статический характер (юридические средства-установления имеют форму конкретных предписаний); информационный характер (юридические средства-установления информируют субъектов о существующих возможностях или ограничениях, вариантах поведения, которые могут (должны) быть использованы (применены) при достижении юридических целей). Средства-деяния (технологии) отличаются тем, что они применяются при использовании средств-установлений и представляют

¹Мирошник С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д., 1997. 26 с. ; Он же. Теория правового стимулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д., 2003. 40 с.

собой акты реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений, являются динамичными и выражаются в деяниях (действии или бездействии) субъектов правоотношений, а также выступают формой правовой активности [3, с. 82–84].

В науке выработано значительное количество иных оснований для классификации правовых средств: в зависимости от отрасли права, которая предусматривает их наличие или использование, функционального назначения (выполняемой роли), времени действия, формы институционализации, степени сложности и т. д.

В связи с предметом исследования интерес представляет классификация по информационно-психологической направленности, согласно которой выделяются стимулирующие или ограничивающие правовые средства.

Важность и неоднозначность содержания данных правовых средств порождают дискуссии как в рамках диссертационных исследований (А. В. Малько [13], И. Н. Ищук [14], И. М. Приходько [15] и др.), так и в рамках иных научных работ. А. В. Малько обозначил взаимосвязь правовых ограничений и правовых стимулов, заключающуюся в том, что правовой стимул включает в себя элемент правового ограничения, а правовое ограничение – элемент правового стимула. По мнению ученого, «стимул – это правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования» [6, с. 61].

Д. И. Провалинский, обобщая результаты исследования подходов к определению понятия «правовой стимул», его признаков, особенностей средств правового воздействия стимулирующего характера, форм проявления, а также критериев результативности правового стимулирования, предлагает следующее определение указанного правового явления: правовой стимул – это правовое побуждение субъекта общественных отношений к правомерной деятельности, отвечающей интересам государства и общества, путем создания заинтересованности в достижении ожидаемого результата [16, с. 92]. Данный автор полагает, что «правовые стимулы (в форме льгот, гарантий, поощрений, иммунитетов, привилегий, грантов, преференций) по своей природе являются правовыми исключениями, создающими правовые преимущества (режим благоприятствования) своим обладателям. Однако отличительной чертой, позволяющей отнести их к мерам правового воздействия стимулирующего характера, является их компенсаторный характер» [16, с. 92–93].

В. В. Глазырин и В. М. Ведяхин правовыми стимулами называют правовые нормы [17, с. 20; 18, с. 51].

С. В. Мирошник обосновывает, что правовой стимул – это «юридический институт, то есть совокупность правовых норм, закрепляющих определенные средства воздействия на сознание и психику человека с целью усилить мотивации правомерного поведения»². Позднее С. В. Мирошник рассматривает теорию правового стимулирования в функциональном аспекте. Впервые правовой стимул был определен как разновидность нормы права и как разновидность юридической нормы³.

Г. В. Мальцев первым обратил внимание на стимулы как основу экономической власти в обществе [19, с. 341].

Правовыми (правомерными) ограничениями А. В. Малько предлагает считать лишь «такие сдерживающие средства, которые устанавливаются в праве в целях упорядочения общественных отношений» [20, с. 238] и обозначают «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [20, с. 240].

По мнению А. В. Малько, правовые ограничения связаны с неблагоприятными условиями (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъекта, поскольку направлены на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов противостоящей стороны в правоотношении и общественных интересов в охране и защите. Кроме того, правовые ограничения сообщают об уменьшении объема возможностей, свободы, а значит и прав личности, что осуществляется с помощью обязанностей, запретов, наказаний и т. п. Также правовые ограничения характеризуются отрицательной правовой мотивацией, при этом они предполагают снижение негативной активности и выполняют функцию охраны общественных отношений, так как нацелены на их защиту [13, с. 59].

Целью ограничений прав является гармоничное сочетание (удовлетворение) индивидуальных и общественных потребностей и интересов, а также такое урегулирование (ограничение) поведения отдельной личности, которое не позволяло бы нарушать права других участников общественных отношений, интересы общественного порядка [21, с. 43]. Правовые ограничения, по мнению С. В. Мирошник, направлены на установление определенной количественной и качественной меры правомерного поведения⁴. На примере свободных экономических и офшорных зон автор показывает, что с их помощью возможно создать особый правовой режим,

²Мирошник С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве... С. 7.

³Там же. С. 10.

⁴Там же. С. 26.

при котором значительно повышается и производственная, и трудовая, и социальная активность всех субъектов права⁵.

Г. Х. Афзалетдинова исследует данные вопросы с точки зрения проблемы режимного регулирования. Автор доказывает, что одним из признаков исключительных режимов является наличие правовых средств-стимулов (льготы, преимущества, преференции) и правовых средств-ограничений (запреты, приостановления, юридические обязанности)⁶.

Среди трудов по отраслевым юридическим наукам, имеющим наработки, в частности, по проблеме правового стимулирования, следует выделить работу О. В. Левина, который, обобщая выводы данных наук, установил, что «средства стимулирования в праве обязательно должны быть определены нормативно, ибо в иных случаях они не существуют и могут использоваться субъектами только в тех случаях и в том порядке, которые предусмотрены нормативными правовыми актами»⁷.

Различные аспекты проблемы правовых стимулов и правовых ограничений в юридической науке исследовались во многих отраслях права. Данная ситуация вполне нормальна, поскольку как стимулы, так и ограничения встречаются фактически во всех сферах правового регулирования.

Так, например, Е. В. Трегубова, рассматривая стимулы и ограничения как институт в административном праве, делает вывод о том, что, «исходя из своего функционального назначения, правовые запреты могут осуществлять предупреждение и пресечение правонарушений в различных сферах административно-правового регулирования, а также выполнять информативную роль» [22, с. 41].

А. В. Петрушкина считает, что «стимулы в трудовом праве и ограничения трудовых прав соотносятся между собой, таким образом создавая и сохраняя определенное равновесие в правовом регулировании» [23, с. 87].

Определяя правовую природу стимулов в информационном праве, М. Д. Мальцева полагает, что «правовой стимул, внешне выражаясь в норме права (норме-стимуле), играет роль инструмента, посредством которого достигаются социально полезные цели, то есть по своей сути является средством правового регулирования, не перерастая при этом в метод правового регулирования» [24, с. 87].

Называя стимулы и ограничения в бюджетном праве средствами бюджетно-правового регулирования, Л. Л. Бобкова специально отмечает, что «...юридические средства, включая стимулы и ограничения,

являются одним из признаков правовой политики, при помощи которых достигается ее реализация в области бюджета. Поэтому контент между стимулом и ограничением в бюджетном праве определяется политикой, проводимой государством в очередном финансовом году и определяемой плановым периодом» [25, с. 163]. По мнению автора, «...стимулы в бюджетном праве “завязаны” на государственной политике, но сопряжены с позитивной правовой мотивацией для субъекта ввиду предоставления последним расширенного объема возможностей и свободы. Ограничения в бюджетном праве также определены политикой государства и “сдерживают” осуществление “собственных интересов” субъекта бюджетного отношения, не позволяя им удовлетвориться за счет “ценностей” государства» [25, с. 168].

Н. Н. Лайченкова полагает, что «государство с помощью налоговых стимулов побуждает хозяйствующих субъектов осуществлять те варианты развития их деятельности, которые удовлетворяют общественные потребности»⁸. Автор обосновывает положения об отнесении налоговых стимулов к самостоятельному институту налогового права, а также рассматривает их в качестве разновидности правовых стимулов. Налоговым стимулом она предлагает считать «способы воздействия с помощью норм права на налогоплательщика в целях побуждения к правомерным действиям как в области налогообложения, так и в иных сферах жизнедеятельности (в том числе инвестиционной)»⁹.

Особо интересной видится позиция О. Г. Станкевич, которая справедливо отмечает, что правовые стимулы в налоговом праве применяются как путем прямого установления льгот и поощрений, так и «путем формирования специальных правовых режимов, включающих целый комплекс условий, призванных стимулировать позитивную активность отдельных категорий плательщиков в экономических отношениях» [26, с. 36].

Под стимулом в семейном праве ученые понимают «правовое средство как правовую меру, регулиющую общественные отношения в сфере брака и семьи путем побуждения субъекта семейных правоотношений к определенному социально полезному поведению за счет представления ему дополнительных возможностей и благ» [27, с. 21]. Ограничение в семейном праве трактуется как «правовое средство, установленный законодательством предел осуществления субъективных семейных прав и исполнения субъективных семейных обязанностей, направленный на закрепление определенных законом

⁵Мирошник С. В. Теория правового стимулирования... С. 30.

⁶Афзалетдинова Г. Х. Исключительные режимы в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2016. С. 9.

⁷Левин О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2006. С. 15.

⁸Лайченкова Н. Н. Стимулы в налоговом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Саратов, 2007. С. 4.

⁹Там же. С. 14.

вариантов поведения субъектов семейных правоотношений» [27, с. 34]

Вопросы правовых стимулов и правовых ограничений исследовались в иных отраслях и подотраслях права [28; 29], а также институтах права [30]. Некоторые авторы рассматривают правовые ограничения по субъектам [31] и объектам [32].

Как нам представляется, важной является конечная общая цель по установлению и применению в нормативном порядке правовых стимулов и правовых ограничений – повышение эффективности механизма правового регулирования общественных отношений, который служит для удовлетворения интересов субъектов права. Но в каждой отрасли права имеются дополнительные факторы, влияющие на цель, значение и роль правовых стимулов и правовых ограничений в регулировании соответствующих общественных отношений.

Материалы и методы исследования

В рамках настоящего исследования изучению подлежат положения теоретико-правовой науки, затрагивающие ключевые характеристики механизма правового регулирования и входящих в него правовых средств, как основы формирования отраслевых и специальных регулятивных механизмов в праве.

Для получения объективных достоверных знаний требуется применение совокупности определенных правил, средств, принципов научного познания. Из числа общенаучных принципов и подходов значительный интерес представляет использование системного и структурно-функционального метода, а также моделирования и формализации. Они позволяют рассмотреть правовые стимулы и правовые ограничения в механизме правового регулирования осуществления инвестиций в их взаимосвязи

и взаимодействии. В ходе исследования выявлены внутренние свойства и связи инвестиционного права. Методология научного исследования опирается на общетеоретические и разноотраслевые достижения. Определяются комплексно-системные проблемы теоретического и практического свойства при использовании обобщений доктринальных подходов.

Отраслевые понятия должны содержательно укладываться в общетеоретические понятия, чтобы не исказить отражение реальности и не прийти к дефектам правового регулирования. Выработанное наукой представление о правовых средствах определяет наиболее общие характеристики пределов правовых стимулов и правовых ограничений осуществления инвестиций, а также их формализацию с учетом интересов общества и государства.

Определить свойства исследуемых правовых явлений, их значение в механизме правового регулирования осуществления инвестиций, связь с государственной инвестиционной политикой и другие общие положения;

- дать оценку эффективности использования данных правовых средств при регулировании инвестиционной сферы и решении вопросов правового обеспечения привлечения инвестиций.

Результаты и их обсуждение

При регулировании инвестиционных правоотношений используются такие правовые средства, как правовые стимулы и правовые ограничения. Инвестиционное законодательство состоит из многочисленных нормативных правовых актов, специально посвященных регулированию привлечения инвестиций в экономику, где используются указанные правовые средства. Как правило, они касаются специальных правовых режимов осуществления инвестиций стимулирующего характера. Такой подход оправдан, поскольку согласно преамбуле Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) в качестве одной из целей инвестиционного законодательства определено привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь. Их общественная значимость является достаточно высокой. По нашему мнению, данное положение подчеркивает наи-

более общие характеристики пределов правовых стимулов осуществления инвестиций и является сформулированным с учетом интересов общества и государства.

При этом в ст. 6 Закона об инвестициях указано, что «...ограничения при осуществлении инвестиций могут устанавливаться на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав, свобод и законных интересов других лиц. Законодательными актами, регулирующими отношения, связанные с осуществлением инвестиций на основе концессии, в рамках государственно-частного партнерства, могут устанавливаться ограничения в отношении использования объектов гражданских прав в качестве инвестиций, за исключением денежных средств (денег), включая привлеченные (в том числе займы, кредиты)».

Данные положения определяют наиболее общие характеристики пределов ограничения основных прав. Следует учитывать, что в настоящее время нормы об ограничениях инвестирования рассредоточены в различных актах законодательства об объектах государственной собственности, банковской и страховой деятельности и т. д.

При решении вопроса как о пределах правовых стимулов, так и о пределах правовых ограничений осуществления инвестиций следует обращаться к положениям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (далее – Концепция).

В данном документе экономическая безопасность рассматривается как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие». В экономической сфере внутренние источники угроз национальной безопасности обозначены в том числе как неблагоприятные условия для привлечения инвестиций. Таким образом, инвестиционное законодательство должно отражать благоприятные условия для привлечения инвестиций.

Концепция определяет методологическую основу для разработки актов законодательства в инвестиционной сфере, в ней отражены основные национальные приоритеты в экономической сфере (баланс интересов личности, общества и государства).

В качестве цели формирования и развития инвестиционного законодательства видится необходимость создать благоприятные условия для привлечения инвестиций в экономику. Задача государственной инвестиционной политики состоит в том, чтобы максимально возможное количество инвестиций было вложено в определенные значимые для общества и государства отрасли (секторы) экономики, именно поэтому формируется наиболее благоприятный климат для осуществления инвестиций [33, с. 141].

Проведенное исследование содержания инвестиционной политики на предмет формирования благоприятной институциональной среды позволило выявить преимущественно стимулирующий характер мероприятий, необходимых для реализации инвестиционной политики [33]. Это обстоятельство обуславливает наличие правовых стимулов в нормах инвестиционного права. Данные положения реализованы в том числе путем внесения изменений и дополнений в Закон об инвестициях в редакции от 8 января 2024 г. № 350-3.

По мнению А. В. Белицкой, «государственная инвестиционная политика – это деятельность государственных органов и общественных институтов по

воздействию на рынок инвестиций с целью перераспределения свободного капитала в пользу решения общественно значимых задач, а также по привлечению инвестиций в приоритетные направления развития экономики, установленные в нормативных правовых актах на определенный прогнозный период с учетом баланса частных и публичных интересов» [34, с. 91]. Право использует в данном случае такое средство, как правовые стимулы, с помощью которых механизмы правового регулирования в необходимых случаях становятся эффективными. Так удовлетворяются интересы инвесторов. Но есть еще интересы общества и государства, которые выражаются в необходимости обеспечить национальную безопасность, соблюдать права, свободы и законные интересы других лиц. Поэтому наряду с правовыми стимулами используются правовые ограничения.

С одной стороны, инвесторам предоставляется набор субъективных прав и гарантий прав по осуществлению инвестиций, с другой стороны, устанавливается ряд мер по ограничению их осуществления в первую очередь в общественных интересах.

При регулировании осуществления инвестиций путем объединения и обособления комплекса правовых норм, касающихся правовых стимулов осуществления инвестиций, принимаются отдельные нормативные правовые акты. Речь идет о свободных экономических зонах, белорусско-китайском индустриальном парке «Великий камень», Парке высоких технологий и др. Таким образом, при помощи совокупности правовых средств, стимулирующих и ограничивающих осуществление инвестиций, создаются отдельные правовые режимы осуществления инвестиций.

Г. Х. Афзалетдинова предложила «совокупность юридических средств стимулирующей и ограничивающей направленности, создающих специфическую упорядоченность общественных отношений, особые условия для субъектов с целью реализации их законных интересов», называть «исключительным режимом» и считать его «частью механизма правового регулирования»¹⁰. Характеризуя исключительные режимы, автор отмечает: «Они включают правовые средства как стимулирующей (льготы, преимущества, преференции), так и ограничивающей (запреты, приостановления, юридические обязанности) направленности; все юридические средства группируются в зависимости от поставленных в законодательстве целей и задач; основным средством, используемым для формирования режимов данного вида, являются юридические исключения (льготы, преимущества, преференции), создающие особый порядок правового регулирования общественных отношений»¹¹.

Существование системы правовых стимулов и правовых ограничений инвестиционной деятельности

¹⁰Афзалетдинова Г. Х. Исключительные режимы в российском праве... С. 9.

¹¹Там же. С. 9–10.

в сфере предпринимательства обосновывает Н. А. Айзетуллова. По ее мнению, эта система представляет собой «целостное образование (комплексный правовой инструмент), состоящее из взаимосвязанных, взаимообеспечивающих и взаимодополняющих друг друга правовых стимулов и правовых ограничений как частно-правовой, так и публично-правовой природы, посредством которого осуществляется воздействие на частно-правовую в своей основе инвестиционную деятельность в целях установления желаемого законодателем правового баланса интересов субъектов инвестиционной деятельности» [35, с. 110].

Н. А. Айзетуллова полагает, что «правовой стимул инвестиционной деятельности означает правовое средство, направленное на побуждение правомерного и (или) желательного поведения при непосредственной реализации субъектами инвестиционных правоотношений своих правомочий (интересов) в целях поощрения развития направления, нужного для общества и (или) государства, и фактически выступает в качестве правового средства установления желаемого законодателем правопорядка в сфере инвестиционной деятельности» [35, с. 111].

Правовые стимулы инвестиционной деятельности выражаются в субъективных правах инвесторов прежде всего как собственников инвестиций (ст. 12 Закона об инвестициях), гарантиях прав инвесторов (ст. 15–18 Закона об инвестициях), льготах и (или) преференциях, иных мерах государственной поддержки (ст. 13 Закона об инвестициях). Инвесторы вправе использовать льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) для осуществления инвестиций и в иных случаях, установленных законодательными актами и (или) международными договорами Республики Беларусь, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза (п. 1 ст. 13 Закона об инвестициях). Перечень приоритетных видов дея-

тельности для осуществления инвестиций определен в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2024 г. № 417 «О приоритетных видах деятельности для осуществления инвестиций».

Правовое ограничение инвестиционной деятельности – это правовое средство, направленное на сдерживание противозаконных и (или) нежелательных действий субъектов инвестиционной деятельности, установление пределов дозволенного поведения при непосредственной реализации ими своих правомочий в целях предотвращения причинения вреда публичным интересам или интересам третьих лиц [35, с. 111]. Правовые ограничения, согласно ст. 7 и 14 Закона об инвестициях, выражаются в установлении всевозможных правовых обременений для субъектов инвестиционных отношений в виде обязанностей, запретов, приостановлений, ограничений объемов инвестиций и объектов осуществления инвестиций и др.

Как указывалось выше, основная цель правовых ограничений в инвестиционном праве – защита общественных интересов и обеспечение национальной безопасности. Нельзя сказать, что правовые ограничения предполагают снижение негативной активности субъекта [6, с. 129]. Активность может не наступить вообще, поскольку анализ установленных правовых ограничений может показать нецелесообразность осуществления инвестиций в принципе.

На примере механизма допуска иностранных инвестиций в национальную экономику мы видим проявление «разрешительного механизма осуществления инвестиций, когда иностранному инвестору предоставляется разрешение инвестировать на территории государства, принимающего иностранные инвестиции»¹².

Изъятия ограничительного характера касаются не только входа иностранных инвесторов на рынок инвестиций принимающего государства путем установления специальных требований к порядку осуществления инвестиций и инвестиционной деятельности, но и непосредственно работы на нем [36, с. 50].

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Юридические средства представляют собой правовые установления (инструменты) и деяния (технологии), входящие в механизм правового регулирования для придания упорядоченной формы правопорядка, стабильности и обеспечения преемственности.

Инвестиционно-правовые нормы выступают как способ оформления правовых средств, которые, в свою очередь, могут как стимулировать, так и ограничивать осуществление инвестиций.

В контексте решения задачи по привлечению в экономику инвестиций правовые стимулы и пра-

вовые ограничения равнозначны при правовом регулировании осуществления инвестиций. Максимального эффекта данные меры достигнут лишь в комплексе, объединяющем их действия, для того чтобы в полном объеме удовлетворить интересы участников инвестиционных правоотношений, имеющих преимущественно разный (противоположный) характер.

Основополагающим при формализации правовых стимулов и правовых ограничений является целеполагание их установления и реализации, которое должно быть четко и конкретно отражено в целях законодательства об инвестициях.

¹² Дораяв М. Г. Государственное регулирование иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики: правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2012. С. 9.

2. Суть правовых стимулов состоит в том, что они предопределяются потребностью осуществлять социально полезную деятельность средствами, исключая государственное принуждение. У инвестора имеется выбор в стратегии поведения, и он побуждается к такому поведению, в котором заинтересованы государство и общество. В этой ситуации правовые стимулы при осуществлении инвестиций являются средством обеспечения национальной безопасности в экономической сфере.

Система правовых стимулов в инвестиционной сфере включает в себя права инвестора на гарантию его прав и меры по защите инвестиций, а также меры государственной поддержки инвесторов.

3. Правовые ограничения сдерживают удовлетворение интересов инвестора, устанавливают границы этого удовлетворения, побуждают инвестора решать национальные (общественные) задачи. Система правовых ограничений в инвестиционной сфере (обязанности, запреты, приостановления деятельности, ограничения по объектам, субъектам) носит негативный характер.

Правовые ограничения при осуществлении инвестиций также следует рассматривать как урегулированное правом средство обеспечения национальной безопасности в экономической сфере, а отсутствие угрозы национальной безопасности – как меру правовых ограничений.

4. Несмотря на взаимосвязь правовых стимулов и правовых ограничений, они являются отдельными правовыми средствами, поскольку выполняют разные функции. В инвестиционных правоотношениях применяется как правостимулирование с дополнительными элементами правового ограничения, так и правоограничение с дополнительными элементами правового стимулирования.

Указанные правовые средства обязательно должны быть нормативно определены. Они могут использоваться субъектами только в тех случаях и в том

порядке, которые предусмотрены нормативными правовыми актами. Конкретные правовые стимулы и правовые ограничения воплощаются в юридические нормы и соответствующие институты инвестиционного права, благодаря чему наполняются либо правостимулирующим, либо правоограничивающим содержанием с элементами. Последствиями ненадлежащего или неэффективного их использования могут стать неадекватность правовых предписаний, их неполная социальная обусловленность, несоответствие реальным потребностям субъектов правоотношений.

5. Правовые режимы осуществления инвестиций включают в себя систему правовых стимулов и правовых ограничений, поэтому они могут стать специальными правовыми режимами, включающими целый комплекс условий, призванных стимулировать или ограничивать позитивную активность инвестора.

Теоретико-правовое изучение исключительных правовых режимов показало, что они имеют как ограничивающий, так и стимулирующий характер. Одним из признаков исключительных режимов является наличие правовых средств-стимулов и правовых средств-ограничений. Наличие таких исключительных правовых режимов свойственно правовому регулированию осуществления инвестиций, и их установление следует признать особенностью правового регулирования в сфере инвестиций.

6. Назначение, содержание как стимулов, так и ограничений, а также их соотношение в инвестиционном законодательстве определяются политикой, проводимой государством в определенный период развития экономических отношений.

Неэффективная инвестиционная политика может стать причиной дисбаланса в обществе, затруднить или сделать вовсе невозможным достижение даже самых актуальных юридических целей в инвестиционной сфере.

Библиографические ссылки

1. Малько АВ. *Стимулы и ограничения в праве*. Москва: Юристъ; 2005. 248 с.
2. Мильков АВ. К определению понятия «правовые средства». *Проблемы экономики и юридической практики*. 2009;1:113–115.
3. Куликов МА. *Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики* [диссертация]. Москва: МГИМО; 2023. 412 с.
4. Алексеев СС. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация. *Советское государство и право*. 1987;6:12–16.
5. Алексеев СС. *Общие дозволения и общие запреты в советском праве*. Плеханова ЛА, редактор. Москва: Юридическая литература; 1989. 288 с.
6. Малько АВ. *Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект*. Саарбрюккен: LAP; 2012. 363 с.
7. Пугинский БИ. *Основные проблемы гражданско-правовых средств* [диссертация]. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1985. 411 с.
8. Сапун ВА. *Теория правовых средств и механизм реализации права* [диссертация]. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России; 2002. 321 с.
9. Алексеев СС. *Общая теория права. Том 2*. Москва: Юридическая литература; 1982. 360 с.
10. Матузов НИ, Малько АВ. *Теория государства и права*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2022. 528 с.
11. Суханова АА. Механизм правового регулирования как основа формирования отраслевых и специальных регулятивных механизмов в праве. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2021;4:18–22.
12. Алексеев СС. *Теория права*. Москва: Бек; 1995. 320 с.

13. Малько АВ. *Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект* [диссертация]. Саратов: Саратовская государственная академия права; 1995. 362 с.
14. Ищук ИН. *Ограничения в праве: общетеоретический аспект* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2006. 180 с.
15. Приходько ИМ. *Ограничения в российском праве: проблемы теории и практики* [диссертация]. Саратов: Саратовская государственная академия права; 2001. 218 с.
16. Провалинский ДИ. Подходы к определению понятия правовой стимул. *Актуальные проблемы российского права*. 2015;4:90–94.
17. Глазырин ВВ. *Хозрасчет. Труд. Стимулы*. Москва: Знание; 1989. 63 с.
18. Ведяхин ВМ. Правовые стимулы: понятия, виды. *Правоведение*. 1992;1:50–55.
19. Мальцев ГВ. *Понимание права. Подходы и проблемы*. Москва: Прометей; 1999. 419 с.
20. Малько АВ. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики. *Юридическая техника*. 2018;12:238–248.
21. Чернышова АП. Цели ограничения прав в гражданском праве. *Юридический факт*. 2019;53:42–45.
22. Трегубова ЕВ. Институт стимулов и ограничений в административном праве. *Административная практика и практика администрирования*. 2014;3:12–43.
23. Петрушкина АВ. Ограничения трудовых прав и правовые стимулы в трудовом праве. *Общество: политика, экономика, право*. 2017;2:86–88. DOI: 10.24158/per.2017.2.22.
24. Мальцева МД. К вопросу о правовой природе стимулов в информационном праве. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2017;17(3):85–89. DOI: 10.14529/Law170315.
25. Бобкова ЛЛ. Стимулы и ограничения в бюджетном праве как средства бюджетно-правового регулирования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2015;3:161–168.
26. Станкевич ОГ. Правовые стимулы в налоговом праве. В: Пугаев АН, редактор. *Современные тенденции развития юридической науки, правового образования и воспитания. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию юридического образования на Полоцкой земле; 18–19 мая 2012 г.; Новополоцк, Беларусь. Том 2*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой; 2012. с. 36–40.
27. Семенова ИЮ. *Действие правовых стимулов и ограничений в регулировании семейных отношений*. Чебоксары: Перфектум; 2012. 220 с.
28. Каримуллина АЭ. *Правовые стимулы и ограничения в гражданско-правовом регулировании страховой деятельности* [диссертация]. Казань: Казанский федеральный университет; 2015. 229 с.
29. Хлуденева НИ. Оценка эффективности применения эколого-правовых ограничений экономической деятельности в России. *Журнал российского права*. 2021;4:157–172. DOI: 10.12737/jrl.2021.053.
30. Петухова НВ. Правовые ограничения инициирования, назначения и проведения референдумов в Российской Федерации: понятие и система. *Государство и право*. 2010;10:112–115.
31. Мананников ДЮ. О некоторых правовых ограничениях (запретах) военнослужащих в экономической сфере. *Право в Вооруженных Силах*. 2018;8:25–32.
32. Маковецкая МГ. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2012;6(1):233–237.
33. Куницкая ОМ. Государственное регулирование инвестиционной сферы и обеспечение инвестиционной безопасности национальной экономики в системе инвестиционных правоотношений. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 7*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2022. с. 134–142.
34. Белицкая АВ. *Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики* [диссертация]. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 2018. 618 с.
35. Айзетуллова НА. Система правовых стимулов и правовых ограничений инвестиционной деятельности в сфере предпринимательства: сущность, структура, взаимосвязи элементов. *Проблемы в российском законодательстве*. 2013;6:110–113.
36. Куницкая ОМ. Допуск инвестиций в экономику: правовой аспект в контексте обеспечения национальной безопасности. В: Бондаренко НЛ, редактор. *Актуальные проблемы гражданского права. Выпуск 2*. Минск: Международный университет «МИТСО»; 2022. с. 41–52.

References

1. Malko AV. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in the law]. Moscow: Yurust; 2005. 248 p. Russian.
2. Milkov AV. [On the definition of the concept of «legal means»]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*. 2009;1:113–115. Russian.
3. Kulikov MA. *Manipulirovanie tselyami i sredstvami v pravovom regulirovanii: problemy teorii i praktiki* [Manipulation of goals and means in legal regulation: problems of theory and practice] [dissertation]. Moscow: MGIMO University; 2023. 412 p. Russian.
4. Alekseev SS. [Legal means: problem statement, concept, classification]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1987;6:12–16. Russian.
5. Alekseev SS. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Plekhanova LA, editor. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1989. 288 p. Russian.
6. Malko AV. *Stimuly i ogranicheniya v prave. Teoretiko-informatsionnyi aspekt* [Incentives and restrictions in the law. Theoretical and informational aspect]. Saarbrücken: LAP; 2012. 363 p. Russian.
7. Puginskii BI. *Osnovnye problemy grazhdansko-pravovykh sredstv* [The main problems of civil law means] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1985. 411 p. Russian.
8. Sapun VA. *Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava* [The theory of legal means and the mechanism of implementation of law] [dissertation]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii; 2002. 321 p. Russian.
9. Alekseev SS. *Obshchaya teoriya prava. Tom 2* [General theory of law. Volume 2]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1982. 360 p. Russian.

10. Matuzov NI, Malko AV. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Publishing House «Delo» of RANEPА; 2022. 528 p. Russian.
11. Sukhanova AA. Legal regulation mechanism as a basis for forming sectoral and special regulatory mechanisms in law. *Legal Order: History, Theory, Practice*. 2021;4:18–22. Russian.
12. Alekseev SS. *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow: Beck; 1995. 320 p. Russian.
13. Malko AV. *Incentives and restrictions in law. Theoretical and informational aspect* [dissertation]. Saratov: Saratov State Law Academy; 1995. 362 p. Russian.
14. Ishchuk IN. *Restrictions in law: a general theoretical aspect* [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2006. 180 p. Russian.
15. Prikhod'ko IM. *Restrictions in Russian law: problems of theory and practice* [dissertation]. Saratov: Saratov State Law Academy; 2001. 218 p. Russian.
16. Provalinskii DI. [Approaches to the definition of the concept of legal incentive]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2015;4:90–94. Russian.
17. Glazyrin VV. *Khozraschet. Trud. Stimuly* [Economic accounting. Labour. Incentives]. Moscow: Znanie; 1989. 63 p. Russian.
18. Vedyakhin VM. [Legal incentives: concepts, types]. *Pravovedenie*. 1992;1:50–55. Russian.
19. Maltsev GV. *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [Understanding the law. Approaches and problems]. Moscow: Pro-metei; 1999. 419 p. Russian.
20. Malko AV. [Legal restrictions: problems of theory, practice, and politics]. *Juridical Techniques*. 2018;12:238–248. Russian.
21. Chernyshova AP. Purposes of limitation of rights in civil law. *Yuridicheskii fakt*. 2019;53:42–45. Russian.
22. Tregubova EV. [The institution of incentives and restrictions in administrative law]. *Administrativnaya praktika i praktika administrirovaniya*. 2014;3:12–43. Russian.
23. Petrushkina AV. Restrictions on labour rights and legal incentives in labour law. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2017;2:86–88. Russian. DOI: 10.24158/pep.2017.2.22.
24. Maltseva MD. Revisiting legal nature of incentives in the informational law. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2017;17(3):85–89. Russian. DOI: 10.14529/law170315.
25. Bobkova LL. [Incentives and restrictions in budget law as a means of budget and legal regulation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2015;3:161–168. Russian.
26. Stankevich OG. [Legal incentives in tax law]. In: Pugachev AN, editor. *Sovremennye tendentsii razvitiya yuridicheskoi nauki, pravovogo obrazovaniya i vospitaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu yuridicheskogo obrazovaniya na Polotskoi zemle; 18–19 maya 2012 g.; Novopolotsk, Belarus'. Tom 2* [Modern trends in the development of legal science, legal education and upbringing. Proceedings of the International scientific and practical conference, dedicated to the 200th anniversary of juridical education on Polack land; 2012 May 18–19; Novopolotsk, Belarus. Volume 2]. Navapolack: Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk; 2012. p. 36–40. Russian.
27. Semenova IY. *Deistvie pravovykh stimulov i ogranichenii v regulirovanii semeinykh otnoshenii* [The effect of legal incentives and restrictions in the regulation of family relations]. Cheboksary: Perfectum; 2012. 220 p. Russian.
28. Karimullina AE. *Legal incentives and restrictions in the civil law regulation of insurance activities* [dissertation]. Kazan: Kazan Federal University; 2015. 229 p. Russian.
29. Khludeneva NI. Assessment of the effectiveness of the application of environmental and legal restrictions on economic activity in Russia. *Journal of Russian Law*. 2021;4:157–172. Russian. DOI: 10.12737/jrl.2021.053.
30. Petukhova NV. [Legal restrictions on the initiation, appointment and holding of referendums in the Russian Federation: concept and system]. *Gosudarstvo i pravo*. 2010;10:112–115. Russian.
31. Manannikov DYu. [On some legal restrictions (prohibitions) of servicemen in the economic sphere]. *Pravo v vooruzhennykh silakh*. 2018;8:25–32. Russian.
32. Makovetskaya MG. The concept of legal restrictions of the rights and freedoms of a person. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2012;6(1):233–237. Russian.
33. Kunitskaya OM. [State regulation of the investment sphere and ensuring the investment security of the national economy in the system of investment legal relations]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsess. Vypusk 7* [Problems of civil law and process. Issue 7]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2022. p. 134–142. Russian.
34. Belitskaya AV. *Legal support of the state investment policy* [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2018. 618 p. Russian.
35. Aizetullova NA. [The system of legal incentives and legal restrictions of investment activity in the field of entrepreneurship: the essence, structure, interrelation of elements]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. 2013;6:110–113. Russian.
36. Kunitskaya OM. [Admission of investments into the economy: the legal aspect in the context of ensuring national security]. In: Bondarenko NL, editor. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. Vypusk 2* [Current problems of civil law. Issue 2]. Minsk: International University «MITSO»; 2022. p. 41–52. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.06.2024.
Received by editorial board 18.06.2024.

УДК 347.9(476)

ДЕЙСТВИЕ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ (ОСПАРИВАНИИ) ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ^{1*}

Ю. Х. РАПЯН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются особенности действия некоторых функциональных принципов гражданского судопроизводства по делам об обжаловании (оспаривании) постановлений, действий (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения с учетом публично-правовой природы данной категории дел. Анализируется возможность реализации сторонами спора своих распорядительных прав в свете действия принципа диспозитивности. Обосновывается желательность личного участия должностных лиц органов принудительного исполнения в судебном заседании по изучаемой категории дел в целях реализации составятельных составляющих процесса и применения принципа непосредственности судебного разбирательства.

Ключевые слова: принципы гражданского судопроизводства; жалоба; судебный исполнитель; диспозитивность; состязательность; непосредственность.

THE EFFECT OF SOME PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS DURING APPEALING THE ACTIONS OF COMPULSORY ENFORCEMENT BODIES OFFICIALS

Yu. Kh. RAPYAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article examines the features of the operation of some functional principles of civil proceedings in cases of complaints against decisions, actions (inaction) of compulsory enforcement bodies officials, taking into account the public legal nature of this category of cases. The possibility of the parties to a dispute exercising their regulatory rights in the light of the principle of dispositivity is analysed. The desirability of personal participation of officials of compulsory enforcement bodies in court hearings in the studied category of cases is substantiated in order to implement the adversarial principles of the process and ensure the implementation of the principle of immediacy of the trial.

Keywords: principles of civil proceeding; complaint; bailiff; dispositivity; competitiveness; immediacy.

^{1*}Материал подготовлен на основе выступления на международной научно-практической конференции «Исполнительное производство: современное состояние и направление развития», посвященной 10-летию системы принудительного исполнения.

Образец цитирования:

Рапян ЮХ. Действие некоторых принципов гражданского судопроизводства при обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц органов принудительного исполнения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:36–43.
EDN: FFESLC

For citation:

Rapyan YuKh. The effect of some principles of civil proceedings during appealing the actions of compulsory enforcement bodies officials. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:36–43. Russian.
EDN: FFESLC

Автор:

Юрий Хачатурович Рапян – аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент И. Н. Колядко.

Author:

Yuriy Kh. Rapyan, postgraduate student at the department of civil process and labour law, faculty of law.
rapyanuyura@mail.ru

Введение

В связи с принятием в марте 2024 г. Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) особую значимость приобретают проблемы функционирования принципов гражданского судопроизводства. Отметим, что в действующих белорусских цивилистических процессуальных кодексах (Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК)) принципы судопроизводства содержатся в отдельных главах. Данное обстоятельство, по справедливому замечанию Н. Г. Юркевича, свидетельствует о том, что белорусский законодатель уделяет особое внимание вопросам регламентирования принципов [1, с. 450]. Этот факт признается и в российской процессуальной литературе [2, с. 208]. Наблюдаемая тенденция в целом нашла свое отражение и в гл. 2 КГС «Цели, задачи и принципы гражданского судопроизводства».

В науке гражданского процессуального права существуют различные критерии классификации принципов [3, с. 53; 4, с. 53–54]. Наиболее обоснованной представляется классификация принципов по объекту их регулирования. В соответствии с ней выделяются организационно-функциональные принципы, являющиеся одновременно принципами как судостройства, так и судопроизводства, и собственно функциональные принципы, касающиеся только вопросов судопроизводства [4, с. 54]. В рамках настоящей публикации будут изучены некоторые функциональные принципы судопроизводства. К ним, на наш взгляд, следует относить диспозитивность, состязательность, установле-

ние действительных обстоятельств дела, равноправие сторон, непосредственность, устность, непрерывность, процессуальную экономию.

В КГС сохранен подход ГПК и ХПК, учитывающий публично-правовую природу дел по жалобам (заявлениям об оспаривании) на действия (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения (далее – действия должностных лиц ОПИ), что представляется правильным. В российской литературе для обоснования самостоятельного публично-правового характера изучаемой категории дел (а не части или стадии исполнительного производства) исследователи ссылались на действие ряда принципов, которые не типичны для исполнительного производства.

М. А. Выход на примере функционирования принципов гласности, устности, непрерывности и непосредственности при рассмотрении жалоб на действия судебных приставов-исполнителей обоснованно отмечала, что «эта деятельность судов относится к гражданскому судопроизводству как одна из категорий дел, возникающих из публично-правовых отношений, исполнительная деятельность не является и потому не может быть элементом содержания исполнительного производства» [5, с. 326].

Отнесение судебных жалоб (заявлений об оспаривании) на действия должностных лиц ОПИ к производству по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, предопределяет специфическое функционирование ряда основополагающих начал гражданского судопроизводства [6, с. 48; 7, с. 41].

Основная часть

В науке гражданского процессуального права отмечается, что с принципом диспозитивности связано осуществление процессуальных прав, которые приводят в движение гражданский процесс (его возникновение, изменение и завершение) [8, с. 76].

По общему правилу, производство по делу возбуждается после подачи жалобы (в соответствии с КГС – заявления) стороной исполнительного производства или иным лицом, чьи права или охраняемые законом интересы были нарушены в ходе принудительного исполнения исполнительных документов. В советский период, когда жалобы на действия судебных исполнителей не рассматривались в качестве самостоятельной категории дел, обжалование действий судебных исполнителей оценивалось как проявление принципа диспозитивности в стадии исполнительного производства^{2*}.

Согласно нормам ст. 266³ ХПК, ст. 360³ ГПК, ст. 124 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 № 439-З

«Об исполнительном производстве» и ст. 370 КГС прокурором может быть принесен протест (подано заявление об оспаривании) на действия должностных лиц ОПИ. При этом в данных нормативных правовых актах отсутствуют указания на возможность обжалования (оспаривания) действий должностных лиц ОПИ государственными органами, юридическими лицами, от собственного имени защищающими права иных лиц. Считаем, что инициирование процесса данными субъектами возможно исходя из положений ст. 85 ГПК и ст. 75 КГС.

В соответствии с КГС процессуальным средством защиты права по изучаемой категории дел (как и по иным делам публично-правового характера) выступает заявление, включающее большинство признаков административного иска [9, с. 51; 10, с. 4].

Внедрение формы, аналогичной исковой, предполагает предоставление сторонам^{3*} равных распорядительных прав. По справедливому замечанию

^{2*} Пятилетов И. М. Распоряжение сторон гражданскими материальными и процессуальными правами в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 712. М., 1970. С. 23.

^{3*} В ст. 355 КГС нормативно закреплен институт сторон в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

И. Н. Колядко, закрепление административного иска даст сторонам публично-правового спора все средства распоряжения иском и средства возражения против него [6, с. 49]. Однако реализация данных положений возможна не по всем делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Наличие ограничений в осуществлении распорядительных прав по определенным категориям дел публично-правового характера нашло отражение в ч. 1 ст. 356 КГС.

Ранее отмечалось, что по изучаемой категории дел в качестве процессуального средства защиты права должна применяться жалоба, а не заявление об оспаривании с элементами административного иска. Это вызвано тем, что «...по делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ невозможно заключение мировых соглашений и предъявление встречных требований к заявителю, а также не во всех случаях допустимо достижение компромисса между сторонами спора. Компромисс возможен при несогласии с исполнительными действиями (например, судебный исполнитель может согласиться наложить арест на имущество, определенное должником). Однако недопустимо достижение соглашения по процедурным вопросам (возбуждение исполнительного производства, его приостановление, окончание). При вынесении данных постановлений должностное лицо ОПИ обязано руководствоваться только законом» [11, с. 36]. О. В. Исаенковой было высказано аналогичное суждение, согласно которому диспозитивность в качестве правовой категории применима только к частным субъектам, но не к «государству и его органам, у которых процессуальные права зачастую вытекают из собственных обязанностей» [12, с. 138].

Таким образом, ограниченная возможность достижения компромиссов по исследуемой категории дел, на наш взгляд, обусловлена специфическим действием норм о взаимоотношениях сторон и должностных лиц ОПИ в исполнительном производстве, где последние являются правоприменителями. Нужно принимать во внимание также то обстоятельство, что выбор «вариантов поведения для должника практически ограничен, поскольку он обязан исполнить акт – исполнительный документ» [13, с. 204–205].

Распорядительным правом заявителя является возможность отказаться от поданной жалобы (заявления об оспаривании). На практике такое волеизъявление встречается нечасто. Причиной отказа от требований может быть как эффективно проведенный судом опрос на стадии подготовки, предвари-

тельное заседание, так и добровольное урегулирование спора (например, при предъявлении требования о признании действий судебного исполнителя незаконными и устранении допущенных нарушений путем перерасчета задолженности, а также правильного начисления алиментов за определенный период времени)^{4*} или «утрата интереса к жалобе»^{5*}.

Отметим, что по вопросам процедурного характера, а также по постановлениям – исполнительным документам по вопросам материально-правового и процедурного характера, в силу отсутствия у них полномочий изменять уже вынесенные постановления, признание жалобы (заявления об оспаривании) должностным лицом ОПИ невозможно. В случае предоставления в рамках производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, возможности изменения властным субъектом оснований своих возражений против заявленных требований, должностное лицо ОПИ сможет, частично признав требования заявителя правомерными, изменить обоснование совершенного им действия [6, с. 49].

При обжаловании (оспаривании) как исполнительных действий должностных лиц ОПИ, так и их бездействия возможно самостоятельно устранить нарушение прав стороны исполнительного производства (иного лица), т. е. допустим некоторый компромисс. В таких случаях по ст. 338 действующего ГПК возможно признание жалобы.

В российской научной литературе указывалось, что содержание принципа диспозитивности раскрывается в том числе в нормах о содержании заявления по делам неискового производства (имеет значение для дел публично-правовой природы) в той части, которая «касается обозначения материально-правового требования, обстоятельств, на которых оно основано, права, которое, по мнению истца (заявителя), нарушено или оспорено»^{6*} [14, с. 134]. Вместе с тем пределы рассмотрения жалоб (заявлений) по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, задаются не только заявителем (лицом, инициировавшим процесс). В данном виде производства реализуется активная роль суда, которая, по мнению В. П. Скобелева, призвана обеспечить соблюдение принципа законности в правоприменительной деятельности административных органов и содействие заявителю как «слабой» стороне правоотношения [15, с. 97].

В белорусской научной литературе обоснованно отмечается, что в административном иске достаточно указать один признак неправомерности действий

^{4*} Гражданское дело № 141ГПА2146 // Арх. суда Лен. р-на г. Могилёва за 2021 г. ; Гражданское дело № 2-740/2020 // Арх. суда Лен. р-на г. Могилёва за 2020 г.

^{5*} Гражданское дело № 105ГПА2139 // Арх. суда Борисов. р-на Мин. обл. за 2021 г.

^{6*} Полагаем, что в отношении анализируемой категории дел правильнее говорить о процедурных требованиях в силу не материально-правового, а процедурного характера спора, возникшего в связи с принудительным исполнением. См.: Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск : БГУ, 2018. С. 382.

субъекта, наделенного властными полномочиями, а полный состав мотивов (оснований) административного иска подлежит исследованию по инициативе суда [6, с. 48]. Схожим образом решен данный вопрос и в зарубежных правовых порядках. Так, изложение заявителем правового положения и юридических доводов в средстве защиты права не требуется по законодательству об административном судопроизводстве Австрии [16, с. 206].

Подобная модель судопроизводства в правоведении именуется социальной [17, с. 28–29], или коллективистской [18, с. 233]. По мнению М. К. Треушниковой и Д. Я. Малешина, коллективистская модель процесса направлена «на защиту интересов всего общества, государства, на достижение коллективных целей» [18, с. 233].

В КГС впервые в истории белорусского законодательства найдено отражение норма о том, что суд не связан основаниями и доводами, изложенными в заявлении об оспаривании ненормативного правового акта, действия (бездействия) органа, должностного лица (ч. 2 ст. 368). Данную новеллу следует оценивать положительно, поскольку она акцентирует внимание на активности суда, что, несомненно, оказывает влияние на особенности действия принципа диспозитивности. В то же время полагаем, что по делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ суд не должен быть связан не только доводами заявителя, но и возражениями против этих доводов лица, чьи действия обжалуются (оспариваются)^{7*} [19, с. 83–84; 20, с. 67–68].

В качестве обоснования данного предложения приведем пример, связанный с пропуском срока обращения в суд с жалобой (заявлением об оспаривании) на действия должностных лиц ОПИ.

Согласно ч. 3 ст. 366 КГС пропуск срока обращения в суд с заявлением об оспаривании ненормативных правовых актов, действий (бездействия) субъектов, наделенных властными полномочиями (данный параграф гл. 34 КГС носит общий характер по отношению к нормам о судебном оспаривании действий должностных лиц ОПИ), является основанием для отказа в удовлетворении соответствующих требований. По нормам ч. 3 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» соблюдение срока судебного обжалования «адми-

нистративных решений» должно быть проверено судом^{8*}.

Значение сроков обращения в суд традиционно связывается с установлением определенности в правоотношениях^{9*} (в том числе стимулированием своевременного осуществления прав) и «обеспечением нормальных условий правосудия» (застарение доказательств) [21, с. 271–272].

Предлагаем изучить особенности реализации принципов состязательности и непосредственности по делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ.

Активная роль суда в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, именуемая В. А. Рязановским материальным руководством суда процессом, или применением официального начала [22, с. 49, 48], предопределяет специфику действия не только диспозитивности, но и состязательности.

Относительно принципа состязательности в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, отметим лишь то, что в ч. 1 ст. 361 КГС установлено общее правило распределения обязанностей по доказыванию, согласно которому каждая сторона должна доказывать обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, «если иной порядок распределения обязанностей доказывания не предусмотрен настоящим подразделом». Главная особенность норм о распределении обязанностей в части доказывания по анализируемым делам выражается в возложении на властного субъекта обязанности доказать законность (и обоснованность) обжалуемого (оспариваемого) действия (ч. 2 ст. 361 КГС, ч. 4 ст. 100 ХПК и ч. 2 ст. 339 ГПК).

Удачной новеллой КГС, отражающей особенности действия состязательности по делам публично-правового характера и активности суда, является закрепление права суда истребовать доказательства по собственной инициативе по ряду дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений (ч. 4 ст. 368, ч. 3 ст. 399, ч. 3 ст. 403).

Данная норма соответствует общим положениям принципа состязательности (ч. 6 ст. 14 КГС) и учитывает возможность применения состязательного начала не только в искомом производстве, но и в производстве по делам, имеющим публично-правовую природу, а также по иным видам производства, где участники наделены статусом сторон.

В настоящей статье принцип состязательности рассматривается вместе с принципом непосредственности.

^{7*} КГС, на наш взгляд, необоснованно именует данных субъектов заинтересованными лицами (п. 1 ч. 1 и ч. 3 ст. 355). См.: Рапан Ю. Х. Состав лиц, участвующих в деле, при обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц органов исполнительного исполнения // Юстиция Беларуси. 2023. № 4. С. 58, 62.

^{8*} С нормами подобного содержания не согласен В. П. Скобелев. Ученый считает, что суд не вправе инициировать применение последствий пропуска заявителем по не уважительным причинам срока обращения в суд. См.: Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы / под ред. О. И. Чуприс. Минск : БГУ, 2016. С. 105, 107.

^{9*} Грибков Д. А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. М., 2009. С. 12.

О взаимной связи данных общих начал гражданского судопроизводства писал М. А. Гурвич. По мнению ученого, принцип состязательности «не имел бы реального значения без осуществления в судебном разбирательстве принципов устности и непосредственности» [23, с. 44].

Особенность, заключающаяся в том, что судом среди прочего должны быть заслушаны непосредственно объяснения сторон, будет анализироваться нами в силу ее практической значимости. Вопрос личного участия сторон спора в процессе важен и для реализации принципа состязательности.

Должностные лица ОПИ, чьи действия обжалуются (оспариваются), не всегда принимают непосредственное участие в судебном разбирательстве по анализируемой категории дел. Такая ситуация вызвана высокой загруженностью должностных лиц ОПИ. Например, согласно статистике за 2021 г. «в среднем каждому судебному исполнителю ежемесячно поступало на исполнение 173 исполнительных документа», а «по находящимся на исполнении исполнительным производствам ежемесячно каждым судебным исполнителем совершалось не менее 700 процессуальных действий»^{10*}.

По общему правилу для дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, неявка на судебное заседание юридически заинтересованных лиц не препятствует рассмотрению дела по существу (ч. 4 ст. 351, ч. 2 ст. 356, ч. 4 ст. 360¹, ч. 2 ст. 360⁵ ГПК, ч. 2 ст. 372 КГС). Аналогичные нормы предусмотрены и в ХПК. Вопрос реального участия должностного лица ОПИ в стадии судебного разбирательства должен решаться по усмотрению вызываемых субъектов с учетом их ходатайств. Суд в некоторых ситуациях вправе указать на обязательную явку сотрудников ОПИ. А в рамках подготовки к судебному разбирательству суд может обязать (предложить) должностное лицо ОПИ представить письменные объяснения (возражения на жалобу).

Достаточно часто на практике должностные лица ОПИ, выполняя требования суда по предоставлению материалов исполнительных производств (материалов по жалобам, рассмотренным в порядке подчиненности, либо материалов по заявлениям о возбуждении исполнительных производств), ко дню проведения судебного заседания направляют письмо о невозможности участия лица, чьи действия обжалуются, в силу его «служебной загруженности»^{11*}. Согласимся с Е. В. Синюк, по мнению которой «установление всеобщей обязательной явки административных ответчиков по делам, связанным с защитой прав, нарушенных действиями (бездействием) субъ-

ектов властных полномочий, неразумно без снижения их рабочей нагрузки, что, в свою очередь, едва ли возможно» [24, с. 326].

В отношении жалоб на нотариальные действия Т. А. Белова отмечает, что нотариус вправе просить суд рассматривать дело в его отсутствие, однако, поскольку «распределение обязанностей по доказыванию по анализируемой категории дел подчиняется специальным правилам, сформулированным в ст. 339 ГПК, использовать это право... следует очень осторожно» [25, с. 70]. Данное суждение можно применять и к делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ, но его необходимо дополнить. Внедрение элементов административной исковой формы защиты прав и интересов дает возможность должностным лицам ОПИ (и иным властным субъектам) в обоснование своей позиции по делу ссылаться на иные обстоятельства, которые не были обозначены в постановлении руководителя ОПИ, рассмотревшего жалобу в порядке подчиненности. В таком случае возрастает значение участия должностных лиц ОПИ в судебном заседании.

На практике встречаются ситуации, когда на судебном заседании присутствует представитель ОПИ, но не лицо, чьи действия непосредственно обжалует заявитель^{12*}. Такая ситуация может быть вызвана, например, болезнью судебного исполнителя, чьи действия обжалуются^{13*}, его загруженностью и т. д. Объяснения, данные таким должностным лицом ОПИ как доказательство, с точки зрения процесса его формирования будут носить производный характер.

Возражения (отзывы) должностных лиц ОПИ достаточно часто имеют письменную форму. Отметим, что в рамках хозяйственного судопроизводства должностные лица ОПИ регулярно предъявляют свои отзывы в письменной форме^{14*}. Это обстоятельство продиктовано тем, что в соответствии со ст. 166 ХПК ответчик представляет отзыв на исковые требования (по ст. 247 КГС подача отзыва является правом ответчика). Е. В. Синюк применительно ко всем делам публично-правового характера считает, что закрепление обязательного представления возражения (отзыва) на жалобу (автор пишет про административный иск) является нецелесообразным, поскольку может привести к формальному отношению к данной обязанности со стороны органов (должностных лиц), чьи действия обжалуются (оспариваются) [24 с. 326].

Действительно, в некоторых случаях должностные лица ОПИ относятся к составлению письменного отзыва на судебную жалобу для судов, рассматривающих гражданские дела, формально, ограничиваясь

^{10*} Тезисы доклада начальника Главного управления принудительного исполнения Министерства юстиции Коваленко Д. В. «О работе органов принудительного исполнения Республики Беларусь в 2021 году» // Юстиция Беларуси. 2022. № 2. С. 22.

^{11*} Гражданское дело № 2-1784/2019 // Арх. суда Лен. р-на г. Минска за 2019 г.; Гражданское дело № 2-886/2020 // Арх. суда Дзерж. р-на Мин. обл. за 2020 г.; Дело № 38-21сж/2020 // Арх. Экон. суда г. Минска за 2020 г.

^{12*} Гражданское дело № 2-2304/2019 // Арх. суда Центрального р-на г. Минска за 2019 г.

^{13*} Гражданское дело № 102ГПА2166 // Арх. суда Моск. р-на г. Минска за 2021 г.

^{14*} Дело № 28-11сж/2020 // Арх. Экон. суда г. Минска за 2020 г.; Дело № 33-11сж/2020 // Там же.

лаконичными формулировками («с доводами жалобы не согласен (не согласна)», «прошу оставить жалобу без удовлетворения»^{15*}) или информацией общего характера без конкретных доводов^{16*}. В хозяйственном судопроизводстве, куда должностные лица ОПИ направляют свои отзывы чаще, эти процессуальные документы могут в реальности повторять доводы постановления руководителя ОПИ, рассмотревшего жалобу во внесудебном порядке^{17*}. Поэтому нужно согласиться с рассуждениями Е. В. Синюк.

Отсутствие указаний на необходимость представления письменных возражений (отзывов) приведет к усилению действия принципа устности судебного

разбирательства. Значимость этого принципа проявляется в том, что в устном и гласном разбирательстве «сторона способна давать более полные и подробные сведения о фактах» [23, с. 40; 26, с. 187].

Важно учитывать, что по анализируемой категории дел письменные доказательства являются основными, что позволяет в некоторых государствах применять упрощенное (письменное) производство по делам публично-правового характера (например, гл. 33 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, гл. 23 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Развитие в КГС элементов административной исковой формы привело к расширению круга распорядительных прав обеих сторон. Данная новелла свидетельствует о возрастании роли принципа диспозитивности в искомом производстве.

Вместе с тем присущая делам публично-правового характера активность суда и природа правоотношений, складывающихся в исполнительном производстве, существенным образом ограничивает возможность реализации принципа диспозитивности. Так, невозможно заключение мировых соглашений по делам об обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц ОПИ, а определенные компромиссы допустимы только при обжаловании (оспаривании) собственно исполнительных действий. Невозможно признание должностным лицом ОПИ жалобы (заявления об оспаривании) по вопросам процедурного характера и постановлениям – исполнительным документам, так как в них необходимо внести изменения, что выходит за рамки компетенции названных лиц.

Ограниченное действие принципа диспозитивности также выражается в том, что суд должен исследовать спорное правоотношение в полном объеме, а не только в пределах мотивов жалобы (заявления об оспаривании).

2. Принцип состязательности по рассматриваемой категории дел базируется на общих положениях об обязанности доказывания каждой из сторон обстоятельств, положенных в основу их правовой

позиции (ст. 14 КГС). Однако особенностью функционирования состязательности является возложение на должностных лиц ОПИ, как на властных субъектов, обязанности доказывать законность (и обоснованность) обжалуемого (оспариваемого) действия. Кроме того, принцип состязательности в КГС дополнен положением о праве суда истребовать по своей инициативе доказательства для установления действительных обстоятельств дела.

3. В настоящее время неявка надлежаще извещенных о времени и месте судебного заседания юридически заинтересованных по анализируемой категории дел лиц не препятствует рассмотрению дела по существу. Данная норма продиктована высокой загруженностью должностных лиц ОПИ. Такое регулирование на практике приводит к тому, что суды предлагают предоставить упомянутым субъектам письменные возражения (отзывы) на судебную жалобу (в будущем – заявление об оспаривании). При этом должностные лица ОПИ зачастую относятся к составлению возражений (отзывов) формально, дублируя позицию, изложенную в постановлении руководителя ОПИ, рассмотревшего жалобу в порядке подчиненности.

Полагаем, что введение элементов исковой формы (в том числе возможности ссылаться для обоснования своей позиции не только на обстоятельства, указанные в постановлении начальника ОПИ) должно привести к более активной реализации принципа непосредственности судебного разбирательства и в результате может отразиться на полноте выяснения фактических обстоятельств дела.

Библиографические ссылки

1. Юркевич НГ. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2015. Сущность гражданского процесса; с. 448–508.
2. Треушников МК. *Творческие поиски в науке гражданского процессуального права*. Москва: Городец; 2020. Эволюция российского гражданского судопроизводства в начале XXI в.; с. 204–213.

^{15*} Гражданское дело № 2-2208/2018 // Арх. суда Лен. р-на г. Минска за 2018 г.

^{16*} Гражданское дело № 2-348/2018 // Там же.

^{17*} Дело № 16-11сж/2019 // Арх. Экон. суда г. Минска за 2019 г.

3. Белова ТА, Колядко ИН, редакторы. *Гражданский процесс. Общая часть*. Минск: Издательский центр БГУ; 2020. 379 с.
4. Треушников МК, редактор. *Гражданский процесс*. Москва: Городец; 2018. 832 с.
5. Вкут МА. *Избранные научные труды (с 1950 по 2011 год)*. Москва: Статут; 2023. Еще раз о правовой природе исполнительного производства; с. 324–332.
6. Колядко ИН. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам. В: Данилевич АА, редактор. *Развитие судебной власти в Республике Беларусь. Материалы Международного круглого стола; 20 апреля 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 45–50.
7. Синюк ЕВ. О совершенствовании рассмотрения и разрешения судами гражданских дел публично-правового характера. *Право.by*. 2019;5:8–43.
8. Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (начало). *Судовы веснік*. 2024;1:72–79.
9. Колядко ИН. Кодекс гражданского судопроизводства как итог и этап судебной реформы. В: Романова ОН, Колядко ИН, редакторы. *Современные тенденции развития цивилистического процессуального права. Сборник статей по материалам Международного научно-практического круглого стола, приуроченного к 70-летию профессора кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета И. Н. Колядко; 15 апреля 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2022. с. 49–57.
10. Алещенко А. Производство в суде первой инстанции: некоторые положения проекта Кодекса гражданского судопроизводства. *Судовы веснік*. 2022;4:3–8.
11. Рапян ЮХ. Судебное обжалование (оспаривание) действий должностных лиц органов принудительного исполнения в системе гражданского процессуального права и законодательства. *Юстиция Беларуси*. 2023;7:34–39.
12. Исаенкова ОВ. *Исполнительное право в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития*. Демичев АА, редактор. Москва: Юрлитинформ; 2007. 296 с.
13. Решетникова ИВ, Ярков ВВ. *Гражданское право и гражданский процесс в современной России*. Екатеринбург: Нор-ма; 1999. 312 с.
14. Воронов АВ. *Гражданский процесс: эволюция диспозитивности*. Москва: Статут; 2007. 149 с.
15. Скобелев ВП. Объективные пределы действия законной силы судебных решений по отрицательным искам о признании. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;3:87–100.
16. Квоста П. Доступ к (административному) суду. К вопросу о предпосылках обжалования в административном судопроизводстве Австрии. *Ежегодник публичного права*. 2019:200–215.
17. Каллистратова РФ, Аргунов АВ. О единстве цивилистического процесса. *Российское правосудие*. 2016;6:24–30.
18. Треушников МК, Малешин ДЯ. Новый Гражданский процессуальный кодекс России 2002 г.: некоторые социокультурные особенности. В: Треушников МК, редактор. *Гражданский процесс: теория и практика*. Москва: Городец; 2008. с. 232–238.
19. Рапян ЮХ. О сроках давности судебного обжалования действий должностных лиц органов принудительного исполнения. *Право.by*. 2022;6:79–85.
20. Рапян ЮХ. Соотношение действия принципа состязательности и установления истины по делам публично-правового характера в Республике Беларусь. *Законодательство*. 2024;1:63–68.
21. Гурвич МА. *Избранные труды. Том 2*. Краснодар: Советская Кубань; 2006. Пресекательные сроки в советском гражданском праве; с. 233–328.
22. Треушников МК. Вступительная статья. В: Рязановский ВА. *Единство процесса*. Москва: Городец; 2024. с. 3–11.
23. Гурвич МА, редактор. *Советский гражданский процесс*. Москва: Высшая школа; 1967. 436 с.
24. Синюк ЕВ. Особенности распределения обязанностей по доказыванию по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в гражданском судопроизводстве. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 6*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2021. с. 323–330.
25. Белова ТА. Рассмотрение жалоб на нотариальные действия или на отказ в их совершении в порядке гражданского судопроизводства. *Судовы веснік*. 2018;3:66–71.
26. Треушников МК. *Судебные доказательства*. Москва: Городец; 2021. 304 с.

References

1. Yurkevich NG. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Minsk: Editorial Office of Journal «Promyshlennno-torgovoe pravo»; 2015. [The essence of civil procedure]; p. 448–508. Russian.
2. Treushnikov MK. *Tvorcheskie poiski v nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Creative searches in the science of civil procedural law]. Moscow: Gorodets; 2020. [The evolution of Russian civil proceedings at the beginning of the 21st century]; p. 204–213. Russian.
3. Belova TA, Koliadko IN, editors. *Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'* [The civil procedure. General part]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 2020. 379 p. Russian.
4. Treushnikov MK, editor. *Grazhdanskii protsess* [The civil procedure]. Moscow: Gorodets; 2018. 832 p. Russian.
5. Vikut MA. *Izbrannyye nauchnyye trudy (s 1950 po 2011 god)* [Selected scientific works (from 1950 to 2011)]. Moscow: Statut; 2023. [Once again about the legal nature of enforcement proceedings]; p. 324–332. Russian.
6. Koliadko IN. [Administrative claim as a means of unifying justice in civil and economic cases]. In: Danilevich AA, editor. *Razvitie sudebnoy vlasti v Respublike Belarus'. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola; 20 aprelya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Development of the judiciary in the Republic of Belarus. Proceedings of the International round table; 2017 April 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 45–50. Russian.
7. Sinyuk EV. [On improving the handling and settlement of civil cases arising from public law relations by the courts]. *Pravo.by*. 2019;5:38–43. Russian.
8. Skobelev V. [On the role and significance of the principles of civil procedure in the context of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus (beginning)]. *Sudovy vesnik*. 2024;1:72–79. Russian.

9. Koliadko IN. [Code of Civil Proceedings as a result and stage of judicial reform]. In: Romanova ON, Koliadko IN, editors. *Sovremennye tendentsii razvitiya tsivilisticheskogo protsessyalnogo prava. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola, priurochennogo k 70-letiyu professora kafedry grazhdanskogo protsessa i trudovogo prava yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta I. N. Koliadko; 15 aprelya 2022 g.; Minsk, Belarus'* [Modern trends in the development of civil procedural law. Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical round table dedicated to the 70th anniversary of professor of the department of civil procedure and labour law, faculty of law, Belarusian State University I. N. Koliadko; 2022 April 15; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2022. p. 49–57. Russian.
10. Aleshchenko A. [Proceedings in the court of first instance: some provisions of the draft Code of Civil Proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2022;4:3–8. Russian.
11. Rapyan YuKh. [Judicial appeal (challenging) of the actions of enforcement bodies' officials within civil procedural law and legislation]. *Yustitsiya Belarusi*. 2023;7:34–39. Russian.
12. Isaenkova OV. *Ispolnitel'noe pravo v Rossiiskoi Federatsii: osobennosti stanovleniya i perspektivy razvitiya* [Executive law in the Russian Federation: features of formation and development prospects]. Demichev AA, editor. Moscow: Yurlitinform; 2007. 296 p. Russian.
13. Reshetnikova IS, Yarkov VV. *Grazhdanskoe pravo i grazhdanskii protsess v sovremennoi Rossii* [Civil law and civil procedure in modern Russia]. Ekaterinburg: Norma; 1999. 312 p. Russian.
14. Voronov AF. *Grazhdanskii protsess: evolyutsiya dispozitivnosti* [Civil procedure: evolution of dispositivity]. Moscow: Statut; 2007. 149 p. Russian.
15. Skobelev VP. The objective limits of validity of court decisions on negative claims for recognition. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;3:87–100. Russian.
16. Kvosta P. [Access to (administrative) court. On the issue of the prerequisites for appeal in administrative proceedings in Austria]. *Ezhegodnik publichnogo prava*. 2019:200–215. Russian.
17. Kallistratova RF, Argunov AV. [On unity of civil proceedings]. *Rossiiskoe pravosudie*. 2016;5:24–30. Russian.
18. Treushnikov MK, Maleshin DYa. [New Civil Procedure Code of Russia of 2002: some sociocultural features]. In: Treushnikov MK, editor. *Grazhdanskii protsess: teoriya i praktika* [Civil procedure: theory and practice]. Moscow: Gorodets; 2008. p. 232–238. Russian.
19. Rapyan YuKh. [On limitation terms for appealing to the court against the actions of officials of enforcement bodies]. *Pravo.by*. 2022;6:79–85. Russian.
20. Rapyan YuKh. [Effect of principle of adversarial proceedings and principle of establishment of truth in public law cases in the Republic of Belarus]. *Zakonodatel'stvo*. 2024;1:63–68. Russian.
21. Gurvich MA. *Izbrannye trudy. Tom 2* [Selected works. Volume 2]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'; 2006. [Preventive terms in Soviet civil law]; p. 233–328. Russian.
22. Treushnikov MK. [Introduction]. In: Ryazanovskii VA. *Edinstvo protsessa* [The unity of procedure]. Moscow: Gorodets; 2024. p. 3–11. Russian.
23. Gurvich MA, editor. *Sovetskii grazhdanskii protsess* [Soviet civil procedure]. Moscow: Vysshaya shkola; 1967. 436 p. Russian.
24. Sinyuk EV. [Specifics of the burden of proof in public law cases in civil proceedings]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessa. Vypusk 6* [Problems of civil law and process. Issue 6]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodna; 2021. p. 323–330. Russian.
25. Belova TA. [Consideration of complaints about notarial acts or refusal to perform them in civil proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2018;3:66–71. Russian.
26. Treushnikov MK. *Sudebnye dokazatel'stva* [Judicial evidences]. Moscow: Gorodets; 2021. 304 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.07.2024.
Received by editorial board 05.07.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.985

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМОВ

В. Б. ШАБАНОВ¹⁾, В. С. КРАСИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются мнения ученых-криминалистов о такой криминалистической категории, как источник криминалистического и тактического приемов. В научной среде нет единства мнений о его сущности, значении и роли. Проводится анализ суждений специалистов относительно этого предмета исследования. Предлагается авторское видение источника криминалистического и тактического приемов в криминалистической (оперативно-розыскной) тактике как формирующей основы организационной и интеллектуальной деятельности работника правоохранительного органа и судьи.

Ключевые слова: криминалистическая и оперативно-розыскная тактики; криминалистический прием; источник криминалистического и тактического приемов.

Образец цитирования:

Шабанов ВБ, Красиков ВС. К вопросу об источниках криминалистического и тактического приемов. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:44–50. EDN: TAKSSB

For citation:

Shabanov VB, Krasikau US. On the question of the sources of forensic and tactical techniques. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:44–50. Russian. EDN: TAKSSB

Авторы:

Вячеслав Борисович Шабанов – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета.

Владимир Сергеевич Красиков – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Authors:

Vyacheslav B. Shabanov, doctor of science (law), full professor; head of the department of criminalistics, faculty of law.

lawcrim@bsu.by

Uladzimir S. Krasikau, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law.

krasikau@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE SOURCES OF FORENSIC AND TACTICAL TECHNIQUES

V. B. SHABANOV^a, U. S. KRASIKAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: U. S. Krasikau (krasikau@mail.ru)

Abstract. The authors of the article examine the positions of forensic scientists regarding such a criminalistic category as the source of a forensic and tactical techniques about which there is no unity in understanding of its essence, meaning and role in the scientific community. The opinions of the specialists regarding this subject of research are analysed. The authors' vision of the source of criminalistic and tactical techniques in criminalistic (operational-investigative) tactics as forming the theoretical, practical basis of organisational and intellectual activity of a law enforcement officer and a judge is proposed.

Keywords: forensic and operational investigative tactics; forensic technique; source of forensic and tactical techniques.

Введение

Проблема сути и содержания понятия «источник криминалистического и тактического приемов» не теряет своей актуальности в связи с необходимостью определения его правовой, организационной и интеллектуальной основ с позиций теории и практики. Актуальность решения этой проблемы определяется следующим обстоятельством: источник любого явления дает понимание того, откуда оно берет свое начало, для чего оно предназначено, каковы направления его эволюции, отличия от иных родовых явлений, в чем заключается его сущность, взаимодействует ли оно с иными научными знаниями и др. Следует от-

метить, что проблема понимания сути и содержания предмета данного исследования решена не в полной мере. В связи с вышесказанным на основе логики и критического анализа мнений ученых проводится исследование источников криминалистического и тактического приемов как организационной и интеллектуальной основ криминалистической (следственной, судебной и оперативно-розыскной) тактики, а также, исходя из особенностей криминалистики как науки, ее обогащения за счет интегративных свойств естественных и прикладных наук, делается вывод об амбивалентной сущности этих источников.

Основная часть

В настоящее время, как отмечает А. С. Князьков, дискуссионность вопроса о понятии и сущности тактического приема в криминалистике, в том числе следственной, судебной и оперативно-розыскной деятельности (ОРД), «продиктована разным пониманием его источника в контексте употребления соответствующего термина... хотя на самом деле речь идет о сложном характере взаимосвязи криминалистической теории и практики» [1, с. 212]. В этой работе фундаментально исследованы некоторые научные подходы к разрешению указанной проблемы. Так, основой приема, который автором понимается как «рекомендованный криминалистической наукой рациональный, законный и этический способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить информацию, в том числе организационно-управленческого характера, необходимую для реализации назначения уголовного судопроизводства»¹, могут быть следующие источники: научное криминали-

стическое познание² (Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин, А. С. Князьков, Е. П. Ищенко, В. И. Комиссаров); рекомендация (Р. С. Белкин, В. И. Комиссаров) или совет (О. Я. Баев); опыт, следственная и судебная практика раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, а также возникновение новых и совершенствование старых приемов (Т. В. Аверьянова, В. П. Бахин, С. А. Величкин, Р. С. Белкин, В. И. Комиссаров, Ю. Г. Корухов, С. П. Митричев, Е. О. Москвин, М. С. Строгович, С. Ю. Якушин, В. В. Яровенко); закономерности, расследование и раскрытие преступной деятельности, познанные криминалистической тактикой (О. В. Полстовалов, В. И. Комиссаров); нормативный правовой акт (О. А. Крестовников); научно-информационный источник (В. П. Бахин, Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин, Н. Г. Шурухнов); рекомендованный криминалистикой осознанный способ поведения лица, осуществляющего доказывание (О. В. Полстовалов); другие науки, достижения которых трансформируются в криминалистические средства

¹Князьков А. С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. Ростов н/Д., 2014. С. 35.

²Тактический прием есть результат, продукт криминалистической науки, учитывающий положения уголовно-процессуальной науки и, соответственно, уголовно-процессуального законодательства. Формой тактического приема выступает научная рекомендация.

и методы (Р. С. Белкин, А. А. Сычева, С. Ю. Якушин); интеллектуальная способность к принятию решения или интуиция (П. В. Алексеев, Н. Л. Гранат, А. С. Князьков, А. Р. Ратинов).

В своей работе А. С. Князьков последовательно высказал точку зрения о дискуссионности ряда подходов к определению сущности предмета исследования и сделал вывод о том, что только криминалистика является источником тактического приема, а тактическая рекомендация выступает его формой [1, с. 215]. Также примечательно, что «понимание тактико-криминалистического приема как научной рекомендации исключает постановку вопроса об отнесении к числу его *непосредственных*³ источников таких факторов, как следственная практика, уголовно-процессуальное законодательство и подзаконные нормативно-правовые акты, иные, кроме криминалистики, сферы науки, а также интуиция субъекта предварительного расследования» [1 с. 216].

Несколько иная точка зрения высказана в научной статье О. А. Луценко, который также обстоятельно исследовал мнение научного сообщества и выделил следующие источники криминалистического и тактического приемов: криминалистика, психология, логика, этика, судебная медицина, математика, педагогика, статистика, виктимология, статистика, научная организация труда, лингвистика, социология и др. (О. М. Москвин); следственная интуиция (Н. Л. Гранат, А. Р. Ратинов); результаты криминалистических изысканий (Р. С. Белкин, В. Е. Коновалова, С. П. Митричев, В. Ю. Шепитько); следственная и судебная практика (В. П. Бахин, Р. С. Белкин, С. Ю. Якушин); взаимосвязь криминалистического приема с уголовно-процессуальным законодательством (А. И. Винберг, В. Е. Коновалова); рекомендация или совет (А. И. Баянов, А. Н. Васильев, А. В. Дулов, С. Ю. Якушин, В. И. Комиссаров) [2, с. 32–33].

Изучение суждений научного сообщества о предмете исследования показывает, что, несмотря на глубокую проработку темы и учет авторитетного мнения специалистов, изучаемая проблема решена не в полной мере. Дискуссионность вопроса обусловлена следующими обстоятельствами:

- попыткой разобраться в проблеме с помощью инструментария, выработанного теорией, когда некая область научного знания ограничена сферой криминалистики, где существуют специфические источники, приемы и другие научные категории;
- стремлением усложнить суть проблемы за счет введения в научный оборот множества понятий (например, криминалистический, тактический, тактико-

криминалистический приемы, тактико-криминалистическое средство и т. п.);

- недооценкой роли организационно-практической деятельности в проверке теоретических изысканий в рамках предупреждения, раскрытия и расследования преступлений;

- противоречием предлагаемых точек зрения (например, относительно интуиции субъекта предварительного расследования как источника приема), требующим уточнения и обоснования;

- запутанностью рекомендуемых формулировок (например, когда предлагается включить или исключить в рамках тактического приема деятельность по его подготовке и др.) [2].

По нашему мнению, чтобы начать изучать явление, следует исходить из семантики понятия, которое его обозначает. Так, слово «источник» имеет следующее переносное значение: «То, из чего исходит, возникает, проистекает что-нибудь; исходная причина, основа происхождения чего-нибудь»⁴. Следовательно, для уточнения понятия и его происхождения требуется соответствующее пояснение. Однако определение термина «прием» в криминалистике существенно усложняет решение научной проблемы. Как отмечает А. Б. Соколов, в научной литературе отсутствует единое его определение, что приводит к существенным ошибкам в познании сути явления [3, с. 113]. Тем не менее основная позиция по данному вопросу остается неизменной: прием – это способ действия или осознанного поведения, требующий измерения в таких критериях, как эффективность, законность, целесообразность, вариативность, этичность, мораль и др.⁵ Более того, показательно, что научная дискуссия продолжается вне определения понятия «прием» в криминалистике и что ведутся споры по поводу характеристик, критериев оценки и принципов приемов. Например, А. В. Варданян и О. В. Айвазова отмечают, что «...понятие тактико-криминалистического приема “как наиболее рационального и эффективного способа действия или наиболее целесообразной линии поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений”, представленное Р. С. Белкиным и его единомышленниками, которое наиболее распространено в криминалистической литературе, также нередко подвергается критической переоценке. Дискуссией охватывается и соотношение понятия “рациональный”, “эффективный”, “целесообразная”, и оправданность разграничения тактико-криминалистических приемов на деятельностные (наиболее рациональный и эффективный способ действия) и поведенческие (наиболее целесообразная линия поведения)» [4, с. 167]. Однако

³Цитаты приводятся с сохранением графических особенностей оригинала. – В. Ш., В. К.

⁴Источник [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/источник> (дата обращения: 21.02.2024).

⁵Полстовалов О. В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2009. С. 10 ; Якушин С. Ю. Понятие, задачи и средства тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия // Изв. Алт. гос. ун-та. 2010. № 2(1). С. 113–115.

после этой констатации авторы переходят к научному анализу переосмысления критериев допустимости тактико-криминалистических приемов, не раскрывая сути этого явления.

Следует отметить, что и в теории ОРД в настоящее время также нет полной ясности относительно предмета исследования – тактического приема. Например, С. И. Иванов в своем обстоятельном исследовании, уклоняясь от конкретизации понятия «тактический прием», оперирует следующими умозаключениями: «Что же понимать под тактическими способами действий? Понятия “метод”, “способ”, “средство”, “прием” можно рассматривать как синонимы, с помощью которых даются взаимные определения данных понятий... Таким образом, тактический способ действия – это средство, применяемое оперативными работниками... для решения общих задач ОРД и частных задач оперативно-розыскных мероприятий» [5, с. 103]. В заключении научной статьи ее автор указывает: «Все методы, тактические способы действий и тактические приемы можно... считать методическим инструментарием ОРД» [5, с. 105].

Приведенные формулировки, не отражая сущности тактического приема, обрисовывают специфичную сферу его применения. Такой подход к изучению проблемы показывает, что тактический прием является имеющим собственное содержание структурным элементом криминалистической тактики, сущность которого не раскрывается. Однако понимание предмета представляет собой отражение в нашей мысли существенных и необходимых его признаков, а не только условий его применения. Своеобразный уход от конкретизации сущности приема основан на логическом утверждении (законе об обратном соотношении) о том, что «...чем шире содержание понятия, тем уже его объем. И соответственно, наоборот: чем уже содержание понятия, тем шире его объем»⁶. Казалось бы, интерпретация приема с помощью образа действия, способа действия, метода, совета, рекомендации, средства, линии поведения, тактического элемента, следственных хитростей, облеченных в форму допустимости, законности, эффективности, этичности, психологичности, должна была сузить (конкретизировать) понимание сущности предмета. Но этого не произошло.

Например, в своих исследованиях С. Ю. Якушин отмечает следующее: «Тактическое средство есть процессуальная и организационно-тактическая форма осуществления оптимальных и допустимых способов действия, линии поведения следователя, участников уголовного судопроизводства со стороны

обвинения, а также суда в процессе решения тактических задач, реализуемая для достижения целей предварительного и судебного следствия. <...> В системе тактико-криминалистических средств различают отдельные тактические приемы, а также тактические комплексы (или комплексные тактические средства) – тактические комбинации и тактические операции. <...> Тактический прием представляет собой практически доступный способ действия, свободно избираемый в зависимости от особенностей следственной (судебной) ситуации, соответствующий уголовно-процессуальному закону, принципам нравственности, основывающийся на достижениях специальных наук, следственной (судебной) практики, применяемый при производстве отдельного следственного (судебного) действия в целях наиболее рационального и эффективного решения возникающих тактических задач» [6, с. 114]. Однако в рамках следственной тактики в ее практическом (прикладном) аспекте С. Ю. Якушин выделяет только «систему знаний и навыков следователя по избранию и реализации с учетом сложившейся ситуации допустимого оптимального поведения при расследовании преступлений для наиболее эффективного решения задач по собиранию, проверке, оценке и использованию доказательств» [6, с. 113].

В отношении вышесказанного необходимо отметить, что логика установила ряд правил, которым должно удовлетворять определение любого понятия. Во-первых, определение должно быть соразмерным, т. е. оно не может быть ни слишком широким, ни слишком узким: «...строгое определение должно содержать только два признака, из которых один должен указывать на ближайшее родовое понятие, его “ближайший род” (*genus proximum*); второй признак должен указывать на то, чем данное понятие отличается от других понятий, являющихся видами этого же рода, – “видовое различие” (*differentia specifica*)»⁷. В тех случаях, когда нельзя ограничиться перечислением двух признаков, возможно увеличение их количества, однако «в этом случае... раскрываемые признаки, взятые в данной совокупности, должны быть свойственны исключительно определяемому понятию и не приложимы к родственным или сходным понятиям»⁸. Во-вторых, необходимо избегать ситуации, «...когда понятие определяется самим собой, когда в числе признаков определения встречается само определяемое... Такая ошибка носит название “тавтологии”, т. е. тождество»⁹. Эти научные положения находят подтверждение при анализе значений понятий «прием» и «способ» в русском языке, где они тождественны¹⁰.

⁶Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф. Логика : учеб. для сред. шк. М. : Учпедгиз, 1954. С. 26.

⁷Виноградов С. Н. Логика : учеб. для сред. шк. М. : ОГИЗ, 1947. С. 22–23.

⁸Там же. С. 24.

⁹Там же. С. 23.

¹⁰Прием [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/приём> (дата обращения: 17.03.2024) ; Способ [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/способ> (дата обращения: 17.03.2024).

Приведенные точки зрения на предмет исследования показывают, что, не определившись в самом понятии «тактический прием», весьма проблематично указать его источник, так как уточнение характеристик предмета и требований, предъявляемых к нему, еще не означает познания сущности явления. Полагаем, что познание явления можно вести по следующим направлениям:

- формулированию дефиниций, положительно воспринимаемых научным сообществом;
- систематизации и структуризации элементов (компонентов) криминалистической тактики;
- конкретному описанию приема, метода, способа, образа действий, условий их применения и эффективности результатов в практической деятельности.

Ранее Р. С. Белкин достаточно определенно сформулировал парадигму, в которой следует проводить научные исследования: «Родовым по отношению к тактическому приему является понятие криминалистического приема. Криминалистический прием – это наиболее рациональный и эффективный способ действий или наиболее целесообразная линия поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений» [7, с. 453]. Относительно криминалистического и тактического приемов было отмечено, что они представляют собой «...приемы организации и планирования предварительного и судебного следствия, подготовки и проведения отдельных процессуальных действий. Тактическим может быть и “поведенческий” прием, т. е. выбор лицом, производящим расследование, определенной линии поведения» [7, с. 453].

Проводя исследования в данной парадигме, мы пришли к суждению о том, что линия поведения (способ осознанного поведения) в рамках криминалистической тактики – это многоаспектное понятие, проявляющееся в организационной и интеллектуальной сферах в виде следующих особенностей:

- создания благоприятной обстановки и подходящих ситуаций для взаимодействия с оппонентом (сотрудничество, соперничество, конфликт) в целях

получения интересующей информации о преступной деятельности для решения задач доказывания;

- оказания активного психологического, интеллектуального и физиологического воздействия, чтобы передаваемая информация в ходе производства следственного действия в состоянии соперничества или конфликта воспринималась оппонентом как объективно существующая (правдивая) для раскрытия и расследования преступлений;
- разработки формализованных алгоритмов взаимодействия с оппонентом (например, тактики Рейда или когнитивного интервью), в которых проявляется упомянутое активное воздействие на него;
- обеспечения возможности выбора и применение тактического приема (например, предъявления доказательства, игры на обстоятельствах, допущения легенды или алиби и др.) в процессе производства следственного действия в зависимости от сложившейся ситуации;
- выявления пределов тактической активности следователя в рамках некриминального организационного, интеллектуального и телесного биологического воздействия на оппонента [8].

Тактический прием – это разработанное криминалистикой формализованное правило в сфере производства следственных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий, применения криминалистической техники, методики и судебной экспертизы в целях решения задач по раскрытию и расследованию преступлений. Правило задает общий вектор, устанавливает алгоритм или стандарт, обязательные для соблюдения в практической деятельности.

Криминалистический (следственный, оперативно-розыскной) прием – это интеллектуальная (искусная) реализация тактического приема (своеобразный волевой акт творчества конкретного субъекта), производимая с учетом обстановки, ситуации, оценки оппонента, допускающая контролируемую ложь в целях введения соперника в состояние обмана в сфере уголовного преследования и ОРД в условиях соперничества и свободы выбора поведения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно источников понятий «прием» и «линия поведения» в криминалистической тактике.

1. В целом наука может выступать источником приема или линии поведения в криминалистике, так как она определяет методы исследования закономерностей всех явлений общественной жизни, в том числе правоприменительной практики, а также способствует внедрению в практику результатов научных исследований. В данном случае речь идет о философии, логике, психологии, военной науке, риторике и других отраслях знания, использующих

общенаучные (базовые) методы познания и принимающих специфический вид с учетом нахождения предмета исследования в области интересов криминалистики (уголовного процесса и ОРД). Такое направление исследований представляется перспективным и требующим отдельной обстоятельной научной разработки. Тем не менее, если наука и создает некий эффективный прием производства следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, потребуются его практическое подтверждение и оценка в рамках доказывания. Именно таким образом проявляется диалектика взаимодействия наук и практики на их стыках.

2. Истинным источником приема и линии поведения в криминалистике является практика, так как именно там вырабатываются эффективные способы взаимодействия с оппонентами в области уголовного процесса и ОРД на основе научного знания и в условиях существования критериев (принципов) законности, этичности, допустимости, эффективности. Однако, по нашему мнению, исследователи упускают существенную характеристику приема – повторяемость (возможность его воспроизведения другими субъектами по аналогии), а также допустимость его усовершенствования в зависимости от обстановки, ситуации и оценки рефлексии оппонентов.

3. Логичным источником приема в криминалистике (уголовном процессе и ОРД) является закон. В этом отношении мы исходим из обоснованного суждения Р. С. Белкина о том, что тактический прием «... это наиболее рациональный, наиболее эффективный способ действия или наиболее целесообразная линия поведения лица, осуществляющего процессуальное действие. Законодательная регламентация означает как раз признание, что этот прием и есть наиболее целесообразный, наиболее рациональный... Оттого что он закреплен в законе, он не перестал быть способом действия, т. е. тактическим приемом» [7, с. 455]. Такая дефиниция, по нашему мнению, полностью соответствует всем требованиям, признанным научным сообществом, которые предъявляются к тактическим приемам. Более того, именно законодательная регламентация (в законах и локальных нормативных правовых актах) обуславливает их законность, вариативность, системность, этичность и повторяемость.

4. Рекомендации или советы сами по себе не могут быть источниками приема, так как они дают характеристику оппонентов, описывают обстановку, ситуацию, действия, цели и задачи проводимых действий, а также достигаемый результат при всех

сопутствующих издержках (материальный либо кадровый ресурс, необходимость взаимодействия в операции или при комбинации приемов и т. п.). Такой подход содержит логическую ошибку, поскольку в данном случае источником чего-либо является не сам совет, а тот, кто его дает. В научной и учебной литературе существуют определенные разработки по систематизации и описанию приемов в криминалистике, однако они никогда не формулируются как рекомендации. Например, В. П. Бахин описывает «тактические ходы», применяемые на фоне мастерства или профессионализма в общении¹¹, А. Р. Ратинов и Г. А. Зорин в рамках теории рефлексивных игр или сценариев используют термины «хитрость» и «тактические ловушки» в контексте умения мыслить и переигрывать оппонента¹², Ю. Ф. Каменецкий оперирует понятием «тактический маневр»¹³. Тем не менее эти рекомендации или советы могут стать источниками тактического или криминалистического приемов в случае, если они изучены и утверждены соответствующим решением правоохранительного органа (приказом, постановлением, методическими рекомендациями), и в этом отношении такое положение соотносится с предыдущим пунктом наших выводов.

5. Законность, нравственность, этика, мораль, целесообразность, эффективность, повторяемость, вариативность не могут быть источниками приемов, так как они характеризуют только необходимые условия его применения или критерии оценки.

6. Интуиция также не может быть источником приема в криминалистике или ОРД, поскольку она не обладает признаками повторяемости, этичности, законности, а в смысловом отношении характеризуется способностью субъекта «понимать, формировать и проникать в смысл событий, ситуаций, объектов посредством инсайта, озарения, единомоментного подсознательного вывода, основанного на воображении»¹⁴.

Библиографические ссылки

1. Князьков АС. К вопросу об источниках тактико-криминалистических приемов. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2013;3:212–217.
2. Луценко ОА. Источники формирования тактических приемов в следственной практике. *Юристъ-правоведъ*. 2009;4:31–35.
3. Соколов АБ. Тактический прием: логика определения понятия нуждается в пересмотре. *Юридический вестник Самарского университета*. 2020;6(4):112–119. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-112-119.
4. Варданян АВ, Айвазова ОВ. Тактико-криминалистический прием как научная категория криминалистической тактики: современное состояние и потребность в систематизации. *Правовое государство: теория и практика*. 2016;3:166–173.
5. Иванов СИ. О тактических способах действий оперативно-розыскной тактики и оперативно-розыскных операций. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2019;2:102–106.

¹¹Бахин В. П. Тактика – профессионализм и мастерство в общении : учеб. пособие. Киев : Изд-во Семенко Сергея, 2006. 116 с.

¹²Зорин Г. А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты: учеб. пособие. Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2003. 109 с.

¹³Каменецкий Ю. Ф. Тактический прием следственной профилактики: понятие и содержание // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений. Минск : Ин-т повышения квалификации и переподгот. Следств. ком. Респ. Беларусь, 2023. С. 133–139.

¹⁴Интуиция [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/интуиция> (дата обращения: 17.03.2024).

6. Якушин СЮ. Понятие, задачи и средства тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия. *Известия Алтайского государственного университета*. 2010;2(1):113–115.

7. Аверьянова ТВ, Белкин РС, Корухов ЮГ, Россинская ЕР. *Криминалистика*. Белкина РС, редактор. Москва: Инфра-М; 1999. 920 с.

8. Шабанов ВВ, Красиков ВС. Линия поведения как интеллектуальный компонент криминалистической (оперативно-розыскной) тактики. В: Рубис АС, редактор. *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сборник научных трудов. Выпуск 1*. Минск: [б. и.]; 2023. с. 69–75.

References

1. Knyazkov AS. To the problem of sources of tactical-criminalistical techniques. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2013;3:212–217. Russian.

2. Lutsenko OA. [Sources of formation of tactical techniques in investigative practice]. *Yurist'-pravoved'*. 2009;4:31–35. Russian.

3. Sokolov AB. Tactical technique: definition logic needs revision. *Juridical Journal of Samara University*. 2020;6(4):112–119. Russian. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-112-119.

4. Vardanyan AV, Aivazova OV. [Tactical-forensic technique as a scientific category of forensic tactics: current state and need for systematisation]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016;3:166–173. Russian.

5. Ivanov SI. About tactical means of operational search tactics and operational search operations. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;2:102–106. Russian.

6. Yakushin SYu. Concept, tasks and means for tactical and criminalistic securing of preliminary and judicial investigation. *Proceedings of the Altai State University*. 2010;2(1):113–115. Russian.

7. Aver'yanova TV, Belkin RS, Koruhov YuG, Rossinskaya ER. *Kriminalistika* [Criminology]. Belkin RS, editor. Moscow: Infra-M; 1999. 920 p. Russian.

8. Shabanov VB, Krasikau US. [Line of conduct as an intellectual component of forensic (operational-search) tactics]. In: Rubis AS, editor. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1* [Issues of criminology and forensic examination. Collection of scientific works. Issue 1]. Минск: [s. n.]; 2023. p. 69–75. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2024.
Received by editorial board 29.03.2024.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

РЕЖИМ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А. А. ЖЛОБА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются проблемы установления режима охраны и использования особо охраняемых природных территорий в Республике Беларусь. Определяется состав нормативных правовых актов, закрепляющих рассматриваемый режим. Выявляются проблемы, существующие в действующем законодательстве, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: режим охраны и использования; национальный парк; особо охраняемая природная территория; природоохранная территория; охрана окружающей среды.

Образец цитирования:

Жлоба АА. Режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:51–56.
EDN: LJGOUF

For citation:

Zhloba AA. Regime of protection and use of especially protected natural areas. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:51–56. Russian.
EDN: LJGOUF

Автор:

Альберт Анатольевич Жлоба – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Albert A. Zhloba, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
albert.zhloba@gmail.com

REGIME OF PROTECTION AND USE OF ESPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

A. A. ZHLOBA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article is devoted to legal issues of establishing the regime of protection and use of especially protected natural areas in the Republic of Belarus. The author defines the composition of normative legal acts, enshrining the desired regime. Analysing the current legislation, the author identifies problems and proposes ways to solve them.

Keywords: regime of protection and use; national park; especially protected natural area; protected natural area; environmental protection.

Введение

Идея создания особо охраняемых природных территорий как самостоятельной формы охраны природной среды требует тщательной проработки механизма ее реализации. В связи с этим обстоятельством большое значение имеет определение поведения на особо охраняемых природных территориях в целях сохранения природных комплексов и объектов, поддержания их в должном состоянии и обеспечения решения иных задач. Законодательство Республики Беларусь закрепляет соответствующее поведение в правовых нормах, которые устанавливают режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий. Последний не следует путать с таким понятием, как «правовой режим», имеющим более широкое значение.

Термин «правовой режим», как отмечает Э. К. Утяшов, в различных отраслях правовой науки применяется в неодинаковых значениях [1, с. 254]. Наиболее показательным он используется в науке экологического права. Анализ научных подходов к определению понятий «правовой режим» [2–5] и «режим охраны и использования» [6] позволяет утверждать, что в отношении особо охраняемых природных территорий режим охраны и использования как совокупность запрещающих, ограничивающих и разрешающих правил поведения является одним из элементов правового режима данных территорий наряду со следующими составляющими:

- организационно-правовым обеспечением создания особо охраняемых природных территорий (резервирование территории для последующего объявления ее особо охраняемой, подготовка решения об объявлении конкретной территориальной формы особой охраны природной среды и ее принятие);
- институциональной системой управления на государственном, оперативном и локальном уровнях;
- правовыми механизмами охраны и обеспечения функционирования особо охраняемых природных территорий (планирование развития системы

особо охраняемых природных территорий, локальное планирование в области охраны и использования конкретной природной территории, нормирование, учет, мониторинг, оценка воздействия на окружающую среду, государственная экологическая экспертиза, стратегическая экологическая оценка, разрешительная деятельность и контроль в данной сфере, а также финансирование расходов по функционированию и охране особо охраняемых природных территорий);

- юридической ответственностью за нарушение правового режима природных территорий, подлежащих особой охране [7, с. 41].

Указанные выше правовые нормы, определяющие режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий, можно распределить по двум группам: правовые нормы обязывающего характера и правовые нормы дозволяющего характера.

Первая группа норм предполагает совершение определенных действий (требования активного поведения, или ограничения) либо воздержание от них (требования пассивного поведения, или запреты). Данные правила должны обеспечить охрану природных комплексов и объектов на особо охраняемых природных территориях и тем самым косвенно определить режим их использования.

Вторая группа норм допускает то или иное поведение, осуществление определенных действий на особо охраняемых природных территориях. Правила-дозволения характерны для режима использования особо охраняемых природных территорий и в целом условны, поскольку в соответствии с ними разрешается только та деятельность, которая не причиняет вред (не угрожает причинением вреда) природным объектам или не противоречит их целям и задачам. Следует отметить, что, если лицо приняло решение осуществлять допустимую деятельность на особо охраняемых природных территориях, дальнейшее его поведение определяется правилами-требованиями.

Основная часть

Режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий в настоящее время определяется различными нормативными правовыми актами. Так, согласно ст. 24 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон «Об особо охраняемых природных территориях») на них запрещается любая деятельность, которая оказывает либо может оказать вредное воздействие на ценные природные комплексы и объекты, расположенные в границах особо охраняемых природных территорий, либо противоречит целям и задачам их объявления или преобразования, в том числе проведение сплошных рубок главного пользования, разведка и разработка месторождений полезных ископаемых, сброс сточных вод в окружающую среду, мойка механических транспортных средств, возведение объектов жилой застройки, размещение летних лагерей для скота, создание новых садоводческих товариществ и дачных кооперативов, размещение отдельных палаток и палаточных городков, туристских стоянок, других оборудованных зон и мест отдыха, стоянок механических транспортных средств, разведение костров вне разрешенных мест.

Специфические правила поведения устанавливаются в ст. 26–29 Закона «Об особо охраняемых природных территориях», посвященных режимам охраны и использования отдельных категорий анализируемых территорий (заповедников, национальных парков, заказников, памятников природы), и в положениях о конкретных природных территориях, подлежащих особой охране, или решениях об их создании (преобразовании). В названных положениях и решениях структурно устанавливаются требования (обычно запреты), распространяемые на всю территорию и на ее отдельные зоны (участки) при их наличии. Например, согласно п. 5 Положения о национальном парке «Припятский»¹ на территории парка дополнительно запрещаются сброс в водоемы неочищенных сточных вод, производство лесных культур с использованием интродуцированных пород деревьев и кустарников.

Режим охраны и использования анализируемой формы территориальной охраны природной среды закрепляется в Республике Беларусь не только в законодательстве об особо охраняемых природных территориях, но и законодательстве, регулирующем иные сферы, в первую очередь в природоохранных и природоресурсных нормативных правовых актах.

Особо охраняемые природные территории Республики Беларусь в значительной степени заняты лесами. Лесной кодекс Республики Беларусь относит леса в границах особо охраняемых природных террито-

рий к категории природоохранных лесов. В ст. 19 данного кодекса предусмотрено, что в указанных лесах запрещаются сплошные рубки главного пользования (рубки спелых и перестойных древостоев для заготовки древесины), а также действуют ограничения и запреты на осуществление лесопользования, установленные законодательством об особо охраняемых природных территориях. В Лесном кодексе Республики Беларусь отсутствуют специальные нормы, касающиеся постепенных и выборочных рубок главного пользования, рубок промежуточного пользования и прочих рубок, заготовки живицы, второстепенных лесных ресурсов, побочного и иных видов лесопользования в границах особо охраняемых природных территорий. Лесное законодательство, как правило, требует соблюдать режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий при осуществлении указанных выше видов лесопользования.

Кодекс Республики Беларусь о недрах устанавливает, что пользование недрами на особо охраняемых природных территориях производится в соответствии с правовым режимом этих территорий. На особо охраняемых природных территориях, природных территориях, подлежащих специальной охране, и территориях биосферных резерватов запрещается использовать подземные пространства для размещения объектов хранения углеводородов, объектов хранения и захоронения отходов.

Водный кодекс Республики Беларусь запрещает сброс сточных вод всех видов в поверхностные водные объекты, расположенные на особо охраняемых природных территориях, для возводимых или реконструируемых объектов, если иное не установлено законодательными актами.

Положениями ст. 23 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире» (далее – Закон «О растительном мире») предусмотрено, что деятельность юридических лиц и граждан, которая оказывает или может оказать воздействие на объекты растительного мира, произрастающие на особо охраняемых природных территориях, допускается только в случае, если она не противоречит режиму охраны и использования этих территорий. Охрана таких объектов растительного мира осуществляется в соответствии с законодательством Республики Беларусь об особо охраняемых природных территориях и о растительном мире.

Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире» (далее – Закон «О животном мире») устанавливает, что на особо охраняемых природных территориях может осуществляться общее и специальное пользование объектами

¹О некоторых вопросах развития особо охраняемых природных территорий [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 февр. 2012 г., № 59 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

животного мира, регулирование распространения и численности диких животных, их изъятие в научных целях, а также деятельность, связанная с использованием объектами животного мира. При этом в заповедниках на специально выделенных участках, не включающих природные комплексы и объекты, для сохранения которых они создавались, может производиться общее пользование объектами животного мира, кроме охоты. На остальной территории заповедника, в заповедных зонах национальных парков и заказниках, в соответствии с режимом охраны и использования которых пользование объектами животного мира запрещено, могут осуществляться регулирование распространения и численности диких животных и изъятие диких животных в научных целях. Анализ Закона Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» и законодательства о животном мире позволяет сделать вывод об отсутствии общего запрета на охоту и рыболовство в границах рассматриваемых территорий.

Законодательство об охране атмосферного воздуха требует соблюдения нормативов экологически безопасных концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с выбросами в атмосферный воздух загрязняющих веществ от стационарных и нестационарных источников выбросов, в границах особо охраняемых природных территорий, природных территорий, подлежащих специальной охране, а также биосферных резерватов² (ст. 16 Закона «О животном мире»).

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 272-З «Об охране и использовании торфяников» все естественные болота подлежат особой и (или) специальной охране. В ст. 26 данного закона описано значительное число запретов и ограничений деятельности на естественных болотах.

На землях природоохранного, оздоровительно-рекреационного и историко-культурного назначения, водного и лесного фондов действует общий запрет на размещение объектов хранения, захоронения и обезвреживания отходов³. Не допускаются проведение мелиорации на территории заповедников и национальных парков⁴, размещение автозаправочных станций в границах особо охраняе-

мых природных территорий⁵, возведение объектов магистральных трубопроводов на территории заповедников, заповедных зон и зон регулируемого использования национальных парков, памятников природы, кроме случаев принятия конкретных решений Президентом Республики Беларусь⁶.

При осуществлении архитектурной, градостроительной и строительной деятельности режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий обеспечивается особым государственным регулированием этой деятельности, осуществляемым путем принятия технических нормативных правовых актов, введения специального порядка разработки, согласования и утверждения проектной документации, а также направления уведомлений о выполнении строительно-монтажных работ, принятия иных мер, предусмотренных законодательством⁷.

Таким образом, анализ законодательства Республики Беларусь подтвердил тезис о том, что содержание режима охраны и использования особо охраняемых природных территорий раскрывается не только в соответствующем законе и положениях (решениях) о каждой территории, но и в природоресурсном и ином законодательстве.

В связи с вышесказанным необходимо уяснить, как согласуются акты законодательства, устанавливающие режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий. Согласно п. 2 ст. 2 Закона «Об особо охраняемых природных территориях» отношения в области охраны и использования ценных природных комплексов и объектов, расположенных на рассматриваемых территориях, регулируются законодательством об охране и использовании земель, вод, животного мира, растительного мира, недр, использовании, охране, защите и воспроизводстве лесов, если иное не установлено законодательством об особо охраняемых природных территориях. Следовательно, данное законодательство требует приоритета перед природоресурсным законодательством в обозначенных выше сферах. Подобный приоритет признается прямо в п. 4 ст. 2 Водного кодекса Республики Беларусь и косвенно в п. 5 ст. 2 Лесного кодекса Республики Беларусь. Последний кодекс отсылает к законодательству в области охраны окружающей среды, составной частью

²ЭкоНИП 17.08.06-001-2022 «Охрана окружающей среды и природопользование. Атмосферный воздух (в том числе озоновый слой). Требования экологической безопасности в области охраны атмосферного воздуха» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 29 дек. 2022 г., № 32-Т // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024. П. 5.

³Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271-З : с изм. и доп. // Там же. Ст. 30.

⁴О мелиорации земель [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 июля 2008 г., № 423-З : с изм. и доп. // Там же. Ст. 22.

⁵СН 3.02.14-2020 «Автозаправочные станции» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва архитектуры и стр-ва Респ. Беларусь, 30 нояб. 2020 г., № 96 // Там же. П. 4.1.2.

⁶О магистральном трубопроводном транспорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 87-З : с изм. и доп. // Там же. Ст. 15.

⁷Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 300-З : с изм. и доп. // Там же. Ст. 20 ; Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2023 г., № 289-З : с изм. и доп. // Там же. Ст. 27.

которого является законодательство об особо охраняемых природных территориях.

Закон «О животном мире» устанавливает приоритет законодательства об особо охраняемых природных территориях с оговоркой о том, что отношения, связанные с предоставлением прав на пользование объектами животного мира и осуществление деятельности, связанной с использованием объектами животного мира, регулируются в первую очередь законодательством об охране и использовании животного мира.

Некоторые законодательные акты не подтверждают преимущество законодательства об особо охраняемых природных территориях. Так, Кодекс Республики Беларусь о недрах закрепляет норму о том, что отношения, связанные с охраной и использованием минералогических, палеонтологических и иных уникальных геологических материалов, не урегулированные данным кодексом и иными актами законодательства об охране и использовании недр, регулируются законодательством об особо охраняемых природных территориях и законодательством о культуре, тем самым утверждается вторичность последних.

В Кодексе Республики Беларусь о земле и Законе «О растительном мире» вообще отсутствуют нормы о его соотношении с законодательством об особо охраняемых природных территориях. В первом случае согласно Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» следует исходить из юридической силы и порядка разрешения коллизий нормативных правовых актов. Так, положения п. 5 ст. 23 данного закона свидетельствуют о том, что Кодекс Республики Беларусь о земле имеет большую юридическую силу по сравнению с Законом «Об особо охраняемых природных территориях». По норме ст. 70 вышеупомянутого закона в случае коллизии нормативных правовых актов земельного законодательства и законодательства об особо охраняемых природных территориях одинаковой юридической силы и непротиворечия их нормативному правовому акту большей юри-

дической силы действуют положения нормативного правового акта, принятого (изданного) позднее. Анализ норм Закона «О растительном мире» свидетельствует о косвенном приоритете использования законодательства об особо охраняемых природных территориях. Например, согласно ч. 6 ст. 56 данного закона обращение с объектами растительного мира, произрастающими на особо охраняемых природных территориях, осуществляется в соответствии с режимом охраны и использования этих территорий. Особенности обращения с данными объектами устанавливаются законодательством об особо охраняемых природных территориях и законодательством об охране и использовании растительного мира. В ч. 2 ст. 23 Закона «О растительном мире» определяется, что охрана объектов растительного мира, произрастающих на особо охраняемых природных территориях, осуществляется в соответствии с законодательством об особо охраняемых природных территориях и законодательством об охране и использовании растительного мира.

Следует отметить, что в ряде случаев правила соотношения с законодательством об особо охраняемых природных территориях предусматриваются законодательством в сферах, не поименованных в п. 2 ст. 2 Закона «Об особо охраняемых природных территориях». Данные случаи касаются отношений, связанных с охраной атмосферного воздуха, охраной и использованием торфяников в границах особо охраняемых природных территорий, а также отношений, возникающих при проведении мелиоративных мероприятий на упомянутых территориях. Они предусмотрены Законом Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 295-З «Об охране атмосферного воздуха», Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 272-З «Об охране и использовании торфяников», Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 423-З «О мелиорации земель» соответственно и закрепляют преимущество законодательства об особо охраняемых природных территориях в регулировании вышеперечисленных отношений.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы и сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства, устанавливающего режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий. Данный режим определяется довольно сложным составом нормативных правовых актов: Законом «Об особо охраняемых природных территориях», положениями (решениями) о конкретной особо охраняемой природной территории, актами природоресурсного, природоохранного и иного законодательства. Чтобы обеспечить согласованность правовых норм и sobлюсти единый подход к установлению режима охраны и использования рассматриваемых

природных территорий с учетом значимости особо охраняемых природных территорий в поддержании условий существования человека, представляется целесообразным закрепить в головных нормативных правовых актах в области охраны и использования земель, недр, растительного и животного мира безусловное преимущество законодательства об особо охраняемых природных территориях в регулировании соответствующих отношений, возникающих на данных территориях, а также дополнить п. 2 ст. 2 Закона «Об особо охраняемых природных территориях» информацией о регулировании отношений в таких областях, как охрана атмосферного воздуха, охрана и использование торфяников и мелиорация земель.

Библиографические ссылки

1. Утяшов ЭК. Правовые режимы: понятие, признаки, структура, методы правового регулирования. *Право и политика*. 2014;2:252–259.
2. Матузов НИ, Малько АВ. Правовые режимы: вопросы теории и практики. *Правоведение*. 1996;1:17–18.
3. Трифонова ТА. Правовой режим охраны. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2011;1:54–64.
4. Лясковский ИИ. Правовой режим как элемент правового регулирования. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки*. 2016;13:138–146.
5. Лунева ЕВ. *Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях*. Москва: Статут; 2018. 159 с.
6. Коваленко ЕИ. Правовой статус и режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий: постановка проблемы. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2021;3:93–100. DOI: 10.14529/law210314.
7. Жлоба АА. Национальная экологическая сеть как объект правового регулирования. *Аграрное и земельное право*. 2023;3:40–42.

References

1. Utyashov EK. [Legal regimes: concept, signs, structure, methods of legal regulation]. *Pravo i politika*. 2014;2:252–259. Russian.
2. Matuzov NI, Malko AV. [Legal regimes: issues of theory and practice]. *Pravovedenie*. 1996;1:17–18. Russian.
3. Trifonova TA. [Legal regime of protection]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2011;1:54–64. Russian.
4. Lyaskovsky II. Legal regime as element of legal regulation. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2016;13:138–146. Russian.
5. Luneva EV. *Pravovoi rezhim zemel'nykh uchastkov v osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh* [Legal regime of land parcels in specially protected natural areas]. Moscow: Statut; 2018. 159 p. Russian.
6. Kovalenko EI. [Legal status and regime for the protection and use of specially protected natural areas: problem statement]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2021;3:93–100. Russian. DOI: 10.14529/law210314.
7. Zhloba AA. [National ecological network as an object of legal regulation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2023;3:40–42. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.07.2024.
Received by editorial board 01.07.2024.

УДК 349.6

ОБЪЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Т. И. МАКАРОВА¹⁾, В. Е. ЛИЗГАРО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются имеющие концептуальный характер правовые подходы к определению объекта экологических отношений в контексте принятия в 2023 г. новой редакции Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» и планируемой кодификации экологического законодательства. Предлагается рассматривать объект экологических правоотношений с точки зрения одновременного наличия естественных (природных), а также вещественных (материальных) свойств в качестве основных признаков, закрепленных в нормативных правовых актах, с учетом того, что в новейшем законодательстве скорректирован их перечень. Обосновываются критерии определения круга объектов экологических правоотношений. Формулируются предложения, направленные на совершенствование правового регулирования в исследуемой области.

Ключевые слова: экологическое право; окружающая среда; экологическое правоотношение; объект экологических правоотношений.

OBJECTS OF ENVIRONMENTAL LEGAL RELATIONS: DISCUSSION ASPECTS

T. I. MAKAROVA^a, V. E. LIZGAROV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. E. Lizgaro (lizgaro@mail.ru)

Abstract. Legal approaches of a conceptual nature to determining the object of environmental legal relations are explored in the context of the adoption of a new edition (2023) of the Law of the Republic of Belarus of 26 November 1992 No. 1982-XII «On environmental protection». It is proposed to consider the object of environmental legal relations from the point of view of the simultaneous presence of natural as well as material properties as leading features enshrined in regulatory legal acts, taking into account the fact that their list has been adjusted in the latest legislation. The criteria for determining the range of objects of environmental legal relations are substantiated. Proposals aimed at improving the legal regulation in the area under study are formulated.

Keywords: environmental law; environment; environmental legal relations; object of environmental legal relations.

Образец цитирования:

Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. Объекты экологических правоотношений: дискуссионные аспекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:57–64. EDN: WUH1HJ

For citation:

Makarova TI, Lizgaro VE. Objects of environmental legal relations: discussion aspects. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:57–64. Russian. EDN: WUH1HJ

Авторы:

Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета.

Виктория Евгеньевна Лизгаро – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Authors:

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

makti@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-0842-900X>

Victoria E. Lizgaro, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

lizgaro@mail.ru

Введение

Принятие Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») в новой редакции 2023 г., а также разработка концепции проекта Экологического кодекса Республики Беларусь, предусмотренная Планом подготовки проектов законодательных актов на 2024 год и Концепцией правовой политики Республики Беларусь, в очередной раз ставит перед доктриной экологического права вопрос об общественных экологических отношениях и особенностях их объекта. В теории права признается, что важнейшие категории определяют самостоятельность отрасли и ее содержание. В состав правоотношения обязательно должны быть включены субъекты (лица, вступающие в общественно значимые связи), объект (реальные блага (явления, предметы окружающего мира), на которые направлены субъективные юридические права и обязанности), сами субъективные юридические права и обязанности (содержание правоотношения) [1, с. 72; 2, с. 154]. На первый взгляд вопрос об объектах отношений, которым посвящена данная статья, традиционен в силу признания в науке их обязательной принадлежности к природе [3, с. 103; 4, с. 28; 5–7]. Вместе с тем данный вопрос является дискуссионным из-за наличия у таких объектов вещественных и невещественных свойств, что раз за разом возвращает специалистов к обсуждению подходов к закреплению их юридических признаков, классификации и собственно круга рассматриваемых объектов. В научной

литературе отражен самый широкий подход: от рассмотрения Земли, космоса и Вселенной [4, с. 17–25; 8, с. 26–35] или человека [9] как особенных объектов экологических правоотношений до постановки вопроса о снеге как объекте этих правоотношений [10].

Главное нематериальное благо, обеспечиваемое законодательством об охране окружающей среды, – право на благоприятную окружающую среду – остается за рамками настоящего исследования, поскольку полагаем безусловно доказанным понимание его содержания и места среди иных объектов экологических правоотношений как в доктрине [11; 12, с. 75–91; 13], так и в международном праве и национальном законодательстве об охране окружающей среды, где оно является признанным в качестве неотъемлемого права (принцип 1 Декларации Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г.; ст. 13 и 15 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г.) и гарантируется на конституционном уровне (ст. 46 Конституции Республики Беларусь).

В данной работе объект экологических правоотношений рассматривается с точки зрения одновременного наличия естественных (природных) и вещественных (материальных) свойств в качестве основных признаков, закрепленных в законодательстве, с учетом того обстоятельства, что Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. скорректировал их перечень. В связи с вышесказанным обращение к теории вопроса для анализа внесенных изменений представляется актуальным.

Основная часть

Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2002 г. в качестве объектов отношений в области охраны окружающей среды называл землю (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, околоземное космическое пространство, леса, растительный и животный мир в его видовом разнообразии, особо охраняемые природные территории и природные территории, подлежащие специальной охране, национальную экологическую сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы, климат, естественные экологические системы, иные природные объекты, а также право природопользования. Статья 5 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. содержит существенные изменения в части определения круга объектов экологических отношений. Так, из данной статьи исключено околоземное космическое пространство, с чем следует согласиться, учитывая, что связанные с ним отношения урегулированы исключительно на международном уровне Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела,

от 27 января 1967 г., который устанавливает для этого объекта как пространства, находящегося за пределами государственной юрисдикции, специальный международно-правовой режим – «общее наследие человечества». Стороной данного договора является и Республика Беларусь.

Новации затронули не только исключение, но и добавление новых объектов экологических правоотношений – болот и микроорганизмов, что позволяет констатировать расширение предмета экологического права. Включение болот, вероятно, связано с тем, что они названы в качестве объекта отношений в области охраны и использования торфяников в Законе Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 272-3 «Об охране и использовании торфяников», который согласно Закону «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. включен в систему законодательства об охране окружающей среды (п. 2 ст. 2) и направлен не только на сохранение болот, но и на охрану, рациональное (устойчивое) использование торфяников, удовлетворение экономических и иных потребностей в их ресурсах настоящего и будущих поколений. Однако в соответствии со ст. 80 Закона

«Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. естественные болота, как это и было предусмотрено прежде, относятся к природным территориям, подлежащим специальной охране, которые уже названы в качестве отдельного объекта отношений. Это обстоятельство повлекло расширение предмета правового регулирования путем закрепления в качестве самостоятельного объекта всех видов болот, а не только естественных.

Подобная ситуация характерна и для биотопов, которые с 2013 г. также выделены в качестве объекта правоотношений в области охраны окружающей среды, в то время как часть из них (типичные и редкие) отнесены к природным территориям, подлежащим специальной охране. В ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. в качестве объекта отношений, кроме природных территорий, подлежащих специальной охране, названы и особо охраняемые природные территории, тогда как иные территории с особыми условиями использования (территории радиоактивного загрязнения или экологически неблагоприятные территории) в перечне отсутствуют. В отношении последних в научной литературе высказывается заслуживающее поддержки мнение о целесообразности их включения в перечень объектов [14], тем более что гл. 16 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. дает классификацию таких территорий и формирует основы их правового режима. Полагаем, что данного рода неопределенность требует разрешения.

Ожидаемым было включение в перечень объектов отношений окружающей среды как интегрированного объекта. Однако, судя по всему, законодатель стремился к дифференциации объектов эколого-правовой охраны, в то время как в теории экологического права на современном этапе доказано наличие интегрированных объектов регулируемых общественных отношений на уровне как национального, так и международного права окружающей среды [4; 15–17]. Изначально описанная позиция нашла подтверждение в редакции Закона «Об охране окружающей среды» 2002 г., где впервые было предложено понятие «окружающая среда» и дано его определение («совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов»). До принятия этой редакции данный нормативный правовой акт по объективным причинам во многом тяготел к подходам, сформировавшимся в природоресурсном законодательстве советского периода, закрепляя в качестве объекта правоотношений «объекты природы, подлежащие охране». Редакция 2002 г. определила объект иначе («объекты отношений в области охраны окружающей среды», которые включены в природно-социальную систему – окружающую среду), хотя в ст. 5 этой редакции окружающая среда как отдельный объект названа не была.

Новелла состояла в переосмыслении понимания данной эколого-правовой категории: в сферу эколого-правового регулирования были включены объекты, не имеющие естественного происхождения (природно-антропогенные и антропогенные объекты), без которых не существует сама окружающая среда. Данное обстоятельство обусловило появление новых правовых институтов, имеющих целью охрану окружающей среды как единого объекта (например, установление требований в области охраны окружающей среды, правовое регулирование экологической экспертизы, аудита, сертификации, страхования). В настоящее время нововведения 2002 г. требуют дальнейшего развития, поскольку необходимость закрепить окружающую среду в качестве самостоятельного интегрированного объекта экологических правоотношений назрела давно. Отсутствие в числе объектов отношений в области охраны окружающей среды самого предмета, на который направлена такая охрана, не просто представляется нелогичным, а является пробелом, порождающим дефекты в виде ошибок при определении всей совокупности объектов экологических отношений. Дело в том, что эта ведущая категория экологического права содержит в определении исчерпывающий ряд понятий (самостоятельных категорий), частично приведенных в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., использование которых позволяет привести перечисленные в ст. 5 названного закона объекты отношений в области охраны окружающей среды в систему. Такая систематизация создаст условия для дифференциации объектов на компоненты природной среды (земля, недра, воды, растительный мир, животный мир, атмосферный воздух, озоновый слой), природные объекты (естественные экологические системы, природные ландшафты, биотопы, болота, формируемые включенными в них компонентами природной среды, которые сохранили свои природные свойства), природные комплексы (функционально и естественно связанные между собой природные объекты, объединенные географическими и иными соответствующими признаками). К последним согласно Закону «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. отнесены леса, особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, которые в необходимых случаях включаются в состав биосферных резерватов и совокупно объединяются в национальную экологическую сеть, а также иные территории с особыми условиями охраны и использования. Изложение содержания статьи Закона «Об охране окружающей среды», определяющей объекты соответствующих отношений на основе сформировавшейся в доктрине экологического права терминологии (к тому же воспроизведенной в этом законе), позволит преодолеть ряд названных выше неопределенностей и пробелов. К сожалению,

фактическое отсутствие легального определения понятия «компонент природной среды», которое дано в п. 13 ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. через простое перечисление, привело к тому, что в перечне компонентов природной среды оказались объекты, таковыми по существу не являющиеся. Посмотрим на проблему с точки зрения теории экологического права, в соответствии с которой компонент природной среды и его составляющие для признания их объектами экологических правоотношений должны обладать следующими юридически значимыми признаками: естественное происхождение, естественная связь с окружающей средой или нахождение в цепи экологических (естественных) связей природной среды. Согласно этим критериям компоненты природной среды представляют собой составную часть природы, обладающую устойчивыми естественными признаками, которые характеризуют в зависимости от самого компонента его физическое состояние, качество, местоположение, что позволяет отграничивать один компонент природной среды от другого и устанавливать соответствующий данным особенностям правовой режим. Эти естественные признаки, как правило, определены в природоресурсном законодательстве [3, с. 103; 18, с. 72–73]. Так, земля (земли) – это «земная поверхность, включая почвы, рассматриваемая как компонент природной среды, средство производства в сельском и лесном хозяйстве, пространственная материальная основа хозяйственной и иной деятельности» (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле); недра – «часть земной коры, расположенная ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности, дна водоемов, водотоков» (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о недрах); растительный мир представляет собой «совокупность произрастающих дикорастущих растений, образованных ими популяций, растительных сообществ и насаждений» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире»); животный мир определен как «охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире»); атмосферным воздухом является «компонент природной среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами жилых, производственных и иных помещений» (Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2008 г. № 2-3 «Об охране атмосферного воздуха»). Следует отметить, что Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. относит к компонентам природной среды и воды, а Водный кодекс Республики Беларусь за-

крепляет их в качестве объекта соответствующих отношений, хотя определение понятия в нормативных правовых актах отсутствует, что можно рассматривать как самостоятельный дефект водного законодательства [19]. Таким образом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что природоресурсное законодательство при закреплении объекта правоотношений в большинстве случаев делает акцент на его определении именно как компонента природной среды, что, собственно, и предопределяет установление самостоятельного правового режима.

Как было сказано выше, Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. называет в качестве объекта отношений в области охраны окружающей среды микроорганизмы. Более того, в п. 13 ст. 1 последние отнесены именно к компонентам природной среды. Полагаем эту «новеллу» ошибочной и приводим следующие доводы в обоснование нашей позиции. Согласно сложившемуся в науке и быту пониманию «микроорганизм – мельчайший, преимущественно одноклеточный животный или растительный организм, различимый лишь под микроскопом» [20, с. 334]. Итак, их размеры и природные признаки (как животное, так и растительное происхождение) не позволяют осуществлять отдельное от иных компонентов природной среды правовое регулирование, а следовательно, идентифицировать их в качестве самостоятельного объекта экологических отношений, что подтверждается как обычным жизненным опытом, так и содержанием законодательства. Например, в п. 14 ст. 1 Лесного кодекса Республики Беларусь лес определяется как совокупность древесно-кустарниковой растительности, живого напочвенного покрова, диких животных и микроорганизмов, образующая природный комплекс. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире» и Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире» вообще не содержат норм, которые относили бы микроорганизмы к соответствующим компонентам природной среды (растительный мир и животный мир) как к объектам правового регулирования. Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. закрепляет место такого рода организмов исключительно в составе окружающей среды при определении ее благоприятного (неблагоприятного) состояния. Так, в соответствии со ст. 1 и 28 названного закона загрязнение окружающей среды рассматривается в контексте поступления в компоненты природной среды и микроорганизмов с уточнением нормативов их предельно допустимых концентраций на основе показателей предельно допустимого содержания микроорганизмов в окружающей среде, несоблюдение которых приводит к причинению экологического вреда. Мысль о том, что рассматривать этот объект в качестве самостоятельного не представляется возможным, подтверждается ст. 70

Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., которая устанавливает экологические требования к деятельности, оказывающей вредное биологическое воздействие посредством использования микроорганизмов, не свойственных естественным экологическим системам, а также созданных искусственным путем. В подобной логике этот объект представлен и в Законе Республики Беларусь от 16 декабря 2008 г. № 2-3 «Об охране атмосферного воздуха», который определяет загрязняющие атмосферный воздух вещества как химические вещества или их смесь, микроорганизмы, иные биологические вещества, поступление которых в атмосферный воздух оказывает вредное воздействие на окружающую среду (ст. 1). Показательно, что в ст. 14 нового законодательного акта – Закона Республики Беларусь от 5 марта 2024 г. № 356-З «Об обращении с генетическими ресурсами», который вступает в силу 9 марта 2025 г., – этот объект рассматривается исключительно в составе (в образцах) компонентов природной среды (почв, недр, вод, атмосферного воздуха).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: отнесение микроорганизмов к компонентам природной среды размывает содержание этой важнейшей эколого-правовой категории (не получившей определения в Законе «Об охране окружающей среды»), что в дальнейшем приводит к появлению объектов, которые являются уже представленными в законе как составные части иных объектов и имеют оптимальное правовое обеспечение либо которые, в силу природных свойств, не подлежат (не могут подлежать) самостоятельному правовому регулированию. В качестве исторического примера можно привести включение в ст. 5 первой редакции Закона «Об охране окружающей среды» 1992 г. почвенной влаги в качестве отдельного объекта природы, подлежащего охране, который формально и фактически оказался за рамками эколого-правового регулирования. Подобное случится и с микроорганизмами. Установление законодателем экологических требований, в том числе к деятельности, оказывающей вредное биологическое воздействие, в целях поддержания благоприятного состояния окружающей среды является логичным. Однако, по нашему глубокому убеждению, не представляется возможным (по крайней мере, на данном этапе развития общественных отношений) установить на уровне закона отдельный правовой режим для микроорганизмов как самостоятельного объекта.

Высказанная позиция вновь возвращает наши рассуждения к необходимости включить окружающую среду в качестве интегрированного объекта в ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды». В таком включении видится особый смысл, поскольку, несмотря на устойчиво сложившийся в правовой науке взгляд на категорию «правоотношение» и прежде

всего соотношение в нем понятий «субъект» и «объект», а также вытекающее из них содержание (субъективные права и обязанности, образующие юридическую связь управомоченной и обязанный сторон по поводу объекта отношений), мы видим смешение этих двух составляющих при определении взаимодействия субъектов права с окружающей средой. Так, в Законе «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. появляется новый элемент экономического механизма охраны окружающей среды – «экономическая оценка экосистемных услуг», объектами которой согласно ст. 44 названы «естественные экологические системы и выполняемые ими экосистемные услуги, обеспечивающие получение обществом выгод в экологической, экономической и социальной сферах». Исходя из определения понятия «естественная экологическая система», данного в Законе «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., как объективно существующей части природной среды, «которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (объекты растительного и животного мира, микроорганизмы) и неживые ее компоненты взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией», а также опираясь на ст. 5 этого же закона, в соответствии с которой естественные экологические системы отнесены к объекту отношений, мы закономерно приходим к выводу о том, что естественные экологические системы, как объект, не оказывают (и не могут оказывать) какие бы то ни было услуги, «которые позволяют получать обществу выгоды в экологической, экономической и социальной сферах в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования естественных экологических систем» (ст. 1). Природная среда в целом и ее отдельные части, включая естественные экологические системы, имеют свой природный потенциал, который может быть использован субъектами экологических отношений, что в законодательстве опосредуется такой категорией, как природопользование – хозяйственная и иная деятельность, при осуществлении которой используются природные ресурсы (ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г.). Изучение и оценка, в том числе экономическая, природного потенциала экологической системы были известны законодательству: например, проведение экономической оценки природных объектов (ст. 79 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2002 г.). Но правомерна ли постановка вопроса об оказании экологическими системами каких бы то ни было услуг? Словарь трактует понятие «услуга» как «действие, приносящее пользу другому, оказывающее помощь»¹. Гражданский кодекс Республики Беларусь в ст. 733 рассматривает словосочетание «оказать услуги» в контексте совершения субъектом определенных

¹Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. С. 837.

действий или осуществления определенной деятельности.

Согласно принятому в целях развития ст. 44 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. Положению о порядке и условиях проведения экономической оценки экосистемных услуг, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 февраля 2024 г. № 123, экономическая оценка экосистемной услуги проводится для определения состояния экосистемы и ее компонентов, эффективного использования финансовых средств, обоснования при разработке мероприятий по получению выгоды в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования экосистем, планирования и осуществления хозяйственной и иной деятельности. Таким образом, может быть сделан вывод о том, что речь идет об экономической оценке не услуги, «оказываемой» самой экологической системой, а об оценке природного потенциала, который может быть использован в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования экосистем. Полагаем, что мы имеем дело с неудачным восприятием (а возможно, и переводом) термина *ecosystem service*, понимаемого не как услуга, а как получение

выгоды в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования экосистем, т. е. как общественное потребительское благо (в трактовке ученых – специалистов в сфере экономики природопользования), получаемое обществом из правильно функционирующих экосистем, для характеристики которого используется категория «качество окружающей среды» [20]. Но даже выяснение того факта, что естественная экологическая система, обладая природным потенциалом, не выполняет услуги, следовательно, является объектом экологических правоотношений, а не его субъектом, оставляет без ответа вопрос о признаках этого объекта и месте, которое он занимает среди иных объектов охраны окружающей среды. Преодолению данного дефекта может способствовать применение принципа учета природных и социально-экономических особенностей территорий и результатов экономической оценки экосистемных услуг при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности, установленного ст. 4 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., который показывает, что экономическая оценка экосистемных услуг необходима для того, чтобы выявить и учесть природные и социально-экономические особенности территорий.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

С одной стороны, изменение подходов к определению круга объектов правоотношений в области охраны окружающей среды позволяет констатировать расширение предмета экологического права как самостоятельной отрасли права и законодательства. С другой стороны, позиция законодателя, выражающаяся в дифференциации объектов экологических отношений, нуждается в корректировке путем включения окружающей среды в качестве самостоятельного интегрированного объекта, на который направлена правовая охрана, в Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. с закреплением в нем данного положения. В свою очередь, для систематизации объектов отношений в области охраны окружающей среды, перечисленных в ст. 5 названного нормативного правового акта, следует руководствоваться именно дефинициями, входящими в состав правового понятия «окружающая среда» и отраженными в действующем законодательстве. В таком случае сама категория «объект экологических правоотношений» потребует уточнения с учетом одновременного наличия у нее естественных (природных) и вещественных (материальных) свойств в качестве ведущих признаков, а также включения в сферу эколого-правового регулирования объектов, не имеющих естественного происхождения.

Не представляется возможным (по крайней мере, на данном этапе развития общественных отноше-

ний) установить отдельный правовой режим для микроорганизмов как самостоятельного объекта экологических отношений. Введение их в законодательство в качестве нового компонента окружающей среды также является спорным. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что микроорганизмы в нормативных правовых актах эколого-правового содержания называются исключительно в составе иных компонентов природной среды (недр, вод, атмосферного воздуха и др.), а Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. фактически закрепляет место такого рода организмов исключительно в составе окружающей среды при определении ее состояния.

Открытым остается вопрос о юридических признаках естественной экологической системы и месте, которое она занимает среди иных объектов охраны окружающей среды. Как можно видеть, специальным термином «территория» обозначены такие объекты экологических правоотношений, как особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, экологически неблагоприятные территории, а также биосферные резерваты, биотопы и иные объекты. В определении понятия «естественная экологическая система» территориальный признак обозначен для представления ее в качестве «объективно существующей части природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы». Эта

характеристика, размытая словосочетанием «пространственно-территориальные границы», нивелирует главный правовой признак, указывающий на принадлежность территории Республике Беларусь и позволяющий установить ее правовой режим как территории с особыми (специальными) условиями охраны и использования. По всей видимости, такой подход не случаен, если признать, что естественная экологическая система не является самостоятельным объектом, а выступает тем базисом, на основе которого формируются объекты исследуемых нами правоотношений с соответствующим правовым режимом. Из вышесказанного вытекает вывод о необходимости исключить из ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. термин «естественные экологические системы» при сохранении его дефиниции в ст. 1 данного норма-

тивного правового акта, необходимой при определении юридически значимых признаков объектов экологических правоотношений.

Ситуация с отсутствием имеющих особый правовой режим экологически неблагоприятных территорий среди объектов экологических правоотношений требует разрешения, что обусловлено наличием специальных норм, определяющих их виды и формирующих правовой статус в Законе «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. и в предыдущих редакциях данного нормативного правового акта.

Преодолению названных выше неопределенностей и пробелов будет способствовать изложение содержания статьи Закона «Об охране окружающей среды», определяющей объекты соответствующих отношений, с учетом подходов, сформировавшихся и обоснованных в эколого-правовой науке.

Библиографические ссылки

1. Алексеев СС. *Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования*. Москва: Статут; 1999. 712 с.
2. Алексеев СС. *Теория права*. Москва: БЕК; 1995. 312 с.
3. Петров ВВ. *Экологическое право России*. Москва: БЕК; 1995. 557 с.
4. Бринчук ММ. *Экологическое право: объекты экологических отношений*. Москва: Институт государства и права РАН; 2011. 152 с.
5. Бринчук ММ. Особенности природы как объекта экологических отношений. *Государство и право*. 2023;10:100–109. DOI: 10.31857/S102694520028118-0.
6. Краснова МВ, Макарова ТИ. К вопросу о предмете экологического права в науке и законодательстве Беларуси, России и Украины. В: Семенов ВИ, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Сборник научных трудов. Выпуск 9*. Минск: Белпринт; 2014. с. 386–394.
7. Рыженков АЯ. Субъекты и объекты экологических правоотношений. *Правовая парадигма*. 2020;19(4):100–109. DOI: 10.15688/ls.jvolsu.2020.4.13.
8. Бринчук ММ. *Законы природы и общества. Часть 1*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 544 с.
9. Пономарев МВ. Человек как субъект и объект экологических правоотношений. *Журнал российского права*. 2016; 1:147–153. DOI: 10.12737/17240.
10. Мороз ОВ, Самарин ВИ, Саскевич ВВ. Снег как объект экологических правоотношений? *Экологическое право*. 2019;2:33–37.
11. Макарова ТИ. Право на благоприятную окружающую среду в системе прав человека. *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 1996;1:66–68.
12. Макарова ТИ. *Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь*. Минск: БГУ; 2004. 231 с.
13. Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. Обеспечение права граждан на благоприятную окружающую среду: опыт Республики Беларусь. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020;162(2):99–109. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.99–109.
14. Транин АА. Экологически неблагоприятные территории – особый объект экологических правоотношений. *Экологическое право*. 2012;1:28–34.
15. Макарова ТИ, Навасардова ЭС, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ, Шингель НА, Курилович МП. Концепция формирования правовых основ Евразийского эколого-безопасного пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;1:100–111.
16. Макарова ТИ. Доктрина международного права окружающей среды: формирование, основы, содержание. *Евразийский юридический журнал*. 2013;10:51–54.
17. Жлоба АА. Об объектах экологических правоотношений. В: Макарова ТИ, редактор. *Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 104–106.
18. Балашенко СА, Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. *Экологическое право*. Минск: Вышэйшая школа; 2021. 399 с.
19. Лизгаро ВЕ. Объекты экологических правоотношений в контексте формирования эколого-безопасного пространства. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 26–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 1031–1034.
20. Васильева ЕЭ. *Экономические аспекты экологической политики*. Минск: Европейский гуманитарный университет; 2000. 50 с.

References

1. Alekseev SS. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC-book – theory – philosophy: experience of comprehensive research]. Moscow: Statut; 1999. 712 p. Russian.
2. Alekseev SS. *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow: BEK; 1995. 312 p. Russian.
3. Petrov VV. *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Environmental law of Russia]. Moscow: BEK; 1995. 557 p. Russian.
4. Brinchuk MM. *Ekologicheskoe pravo: ob'ekty ekologicheskikh otnoshenii* [Environmental law: objects of environmental relations]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2011. 152 p. Russian.
5. Brinchuk MM. Features of nature as an object of environmental relations. *State and Law*. 2023;10:100–109. Russian. DOI: 10.31857/S102694520028118-0.
6. Krasnova MV, Makarova TI. [On the issue of the subject of environmental law in science and legislation of Belarus, Russia and Ukraine]. In: Semenov VI, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 9* [Law in modern Belarusian society. Issue 9]. Minsk: Belprint; 2014. p. 386–394. Russian.
7. Ryzhenkov AY. Subjects and objects of environmental legal relations. *Legal Concept*. 2023;19(4):100–109. Russian. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.4.13.
8. Brinchuk MM. *Zakony prirody i obshchestva. Chast' 1* [Laws of nature and society. Part 1]. Moscow: Yurlitinform; 2015. 544 p. Russian.
9. Ponomarev MV. Person as a subject and object of environmental legal relations. *Journal of Russian Law*. 2016;1:147–153. Russian. DOI: 10.12737/17240.
10. Moroz OV, Samarin VI, Saskevich VV. Snow as an object of environmental legal relations? *Ekologicheskoe pravo*. 2019;2:33–37. Russian.
11. Makarova TI. [Right to a favourable environment in the system of human rights]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga universiteta. Seryja 3, Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 1996;1:66–68. Russian.
12. Makarova TI. *Ekologo-pravovoi status grazhdan Respubliki Belarus'* [Legal environmental status of citizens of the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 231 p. Russian.
13. Makarova TI, Lizgaro VE. Ensuring the citizens' rights to a healthy environment: experience of the Republic of Belarus. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2020;162(2):99–109. Russian. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.99-109.
14. Tranin AA. [Environmentally unfavourable areas are a special object of environmental legal relations]. *Ekologicheskoe pravo*. 2012;1:28–34. Russian.
15. Makarova TI, Navasardova ES, Lizgaro VE, Moroz OV, Shingel NA, Kurylovich MP. The concept of forming the legal foundations of the Eurasian environmentally safe space. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022;1:100–111. Russian.
16. Makarova TI. [Doctrine of international environmental law: formation, bases, content]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2013;10:51–54. Russian.
17. Zhloba AA. [About the objects of environmental legal relations]. In: Makarova TI, editor. *Vliyanie mezhdunarstvennykh integratsionnykh protsessov na razvitie agrarnogo, ekologicheskogo, prirodosurnsnogo i energeticheskogo prava. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [The impact of interstate integration processes on the development of agricultural, environmental, natural resource and energy law. Abstracts of reports of the International scientific and practical conference; 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 104–106. Russian.
18. Balashenko SA, Makarova TI, Lizgaro VE. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Minsk: Vyshejschaja shkola; 2021. 399 p. Russian.
19. Lizgaro VE. [Objects of environmental legal relations in the context of the formation of an environmentally safe space]. In: Mikhalyova TN, editor. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26–27 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [State and law in the 21st century. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law of the Belarusian State University; 2020 November 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 1031–1034. Russian.
20. Vasil'eva EE. *Ekonomicheskie aspekty ekologicheskoi politiki* [Economic aspects of environmental policy]. Minsk: European Humanities University; 2000. 50 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024.
Received by editorial board 04.06.2024.

УДК 349.42

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КАРАНТИНА И ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В. В. САСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируется законодательство, регулирующее отношения в области карантина и защиты растений. Дается характеристика состояния правового регулирования с учетом его последних изменений. Подчеркивается тесная взаимосвязь наднационального и национального уровней источников права, направленных на обеспечение фитосанитарной безопасности. Выявлены позитивные и негативные тенденции развития правового регулирования: последовательное правовое обеспечение цифровизации в растениеводстве, игнорирование физических лиц как участников отношений в области карантина и защиты растений, упрощение требований к обращению со средствами защиты растений. Обоснована необходимость дополнить и уточнить соотношение ключевых правовых категорий. Аргументируется вывод о необходимости конкретизации законодательных основ регулирования отношений в области карантина и защиты растений с участием физических лиц.

Ключевые слова: правовое регулирование карантина и защиты растений; обращение со средствами защиты растений; аграрное законодательство; аграрное право.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF QUARANTINE AND PLANT PROTECTION IN AGRICULTURE

V. V. SASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legislation on quarantine and plant protection. The characteristics of the state of legal regulation are given, taking into account its latest changes. The close connection between the supranational and national levels of sources of law aimed at ensuring phytosanitary safety is emphasised. Positive and negative trends in the development of legal regulation have been identified, namely consistent legal support for digitalisation in crop production, ignoring individuals as participants in relations in the field of quarantine and plant protection, simplifying requirements in the field of trade and use with plant protection products. The need to supplement and clarify the correlation of key legal categories is substantiated. The conclusion is argued about the need to specify the legislative framework for regulating relations in the field of quarantine and plant protection with the participation of individuals.

Keywords: legal regulation of quarantine and plant protection; regulations on the use of pesticides; agricultural legislation; agricultural law.

Образец цитирования:

Саскевич ВВ. К вопросу о правовом регулировании карантина и защиты растений в сельском хозяйстве. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:65–74.
EDN: ZIXTGB

For citation:

Saskevich VV. On the issue of legal regulation of quarantine and plant protection in agriculture. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:65–74. Russian.
EDN: ZIXTGB

Автор:

Вероника Васильевна Саскевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Veranika V. Saskevich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
saskevich@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6622-0001>

Введение

Одним из факторов эффективности сельского хозяйства в целом и растениеводства в частности является наличие обеспечительного правового механизма, регламентирующего отношения в области карантина и защиты растений в целях предотвращения потерь растительной продукции в результате воздействия вредных организмов. Законодательные основы данных отношений определены Законом Республики Беларусь от 25 декабря 2005 г. № 77-З «О карантине и защите растений» (далее – Закон «О карантине и защите растений»), нормы которого детализированы в постановлениях органов исполнительной власти, однако правовое регулирование рассматриваемых отношений не ограничивается специальным законодательством. Особое значение имеет адаптивность данного объемного нормативного массива к изменяющимся условиям с сохранением в качестве приоритета обеспечения продовольственной, биологической, экологической безопасности. Несмотря на существующие экономические вызовы, сохраняется направленность агропромышленного комплекса на эффективное функционирование, расширение и диверсификацию экспорта, что предполагает необходимость создания и поддержания благоприятного правового режима осуществления сельскохозяйственной деятельности, который в том числе стимулирует производство конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции, соответствующей

не только требованиям безопасности (в санитарном, фитосанитарном и иных отношениях), но и запросам в отношении ее качества. При этом развитие в Республике Беларусь зеленой экономики, последовательное движение к достижению целей устойчивого развития предполагают обязательный учет при регулировании отношений в области карантина и защиты растений социальных и экологических аспектов, в частности, необходимости обеспечить безопасность населения, животных, экологическую безопасность при обращении со средствами защиты растений, снижение его вредного воздействия на окружающую среду, соблюдение интересов различных субъектов сельскохозяйственной деятельности, в том числе граждан.

В отечественной юридической литературе правовое регулирование карантина и защиты растений выступало предметом исследования в связи с развитием и обновлением законодательства¹ [1], анализировалось в контексте межгосударственной интеграции [2]. Также рассматривались отдельные связанные с ним вопросы, в частности, обращение со средствами защиты растений и обеспечение безопасности [3]. Цель данной статьи – охарактеризовать актуальные черты и выявить проблемные аспекты правового регулирования карантина и защиты растений с учетом его последних изменений, а также определить возможные пути совершенствования законодательства.

Основная часть

Наиболее строгие аграрно-правовые требования применяются в целях обеспечения карантинной фитосанитарной безопасности, они связаны с понятием «карантин растений» – правовой режим, предусматривающий систему мер по охране растений и растительной продукции от карантинных объектов (вредных организмов, отсутствующих или ограниченно распространенных на территории Республики Беларусь (ст. 1 Закона «О карантине и защите растений»)).

Следует подчеркнуть возрастающую роль источников международного права в регулировании данных отношений и их влияние на качество и содержание аграрного законодательства [4, с. 20]. Правовое обеспечение функционирования и развития общего аграрного рынка в ЕАЭС, Союзном государстве и СНГ, реализация задачи по импортозамещению в значимых для сельского хозяйства областях, в частности селекции и семеноводстве, сопровождается последовательным внедрением на наднациональном уровне

обеспечительных правовых механизмов и мер по сближению правовых систем государств, входящих в названные образования. В наибольшей степени данные процессы проявляются в форме гармонизации и унификации законодательства государств-членов в связи с реализацией в ЕАЭС согласованной (скоординированной) агропромышленной политики, согласованной политики в сфере применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, сопровождающейся формированием развитой, системной и детальной правовой основы в виде источников права ЕАЭС. В частности, необходимость обеспечить согласованность национального законодательства и Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., а также других источников права ЕАЭС обусловили принятие в 2016 г. новой редакции Закона «О карантине и защите растений». Многие из принятых в то время документов (Единый перечень карантинных объектов ЕАЭС, Единые карантинные фитосанитарные

¹ Демиденко А. Г. Комментарий к Закону Республики Беларусь от 25 декабря 2005 г. «О защите растений» (по состоянию на 23.10.2008) [Электронный ресурс] // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024 ; *Он же*. Комментарий «Новое в законодательстве о карантине и защите растений (комментарий к Закону Республики Беларусь от 18.07.2016 № 398-З “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О защите растений”»)» (по состоянию на 23.08.2016): в 3 ч. [Электронный ресурс] // Там же.

требования, предъявляемые к подкарантинной продукции и подкарантинным объектам на таможенной границе и на таможенной территории Евразийского экономического союза, Единые правила и нормы обеспечения карантина растений на таможенной территории Евразийского экономического союза и др.) имеют прямое действие в Беларуси.

Отметим, что применение карантинных фитосанитарных мер не ограничивается осуществлением международной торговли подкарантинной продукцией, ее перемещением между странами. Так, например, Едиными правилами и нормами обеспечения карантина растений на таможенной территории Евразийского экономического союза, утвержденными Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2016 г. № 159, регламентируется проведение государствами-членами карантинных фитосанитарных обследований на своей территории.

Изменения, внесенные в Закон «О карантине и защите растений» Законом Республики Беларусь от 19 октября 2023 г. № 306-З, также в значительной степени обусловлены развитием регламентации фитосанитарных мер в ЕАЭС, в частности карантинных фитосанитарных обследований мест и (или) участков производства (изготовления), сортировки, складирования и упаковки семенного и посадочного материала, ввозимого на таможенную территорию ЕАЭС из третьих стран² (новеллы Закона «О карантине и защите растений» о контроле в местах производства, отгрузки семенного и посадочного материала, являющегося подкарантинной продукцией и предназначенного для ввоза в Республику Беларусь), прослеживаемости подкарантинной продукции, ввозимой из третьих стран и перемещаемой между государствами-членами³.

Принятые изменения продолжают устойчивую тенденцию последовательного правового обеспечения цифровизации сельского хозяйства, ранее нашедшую отражение в законодательстве о животноводстве (племенном деле в животноводстве, ветеринарной деятельности, идентификации, регистрации, прослеживаемости животных и стад, идентификации и прослеживаемости продукции животного происхождения). В частности, предусмотрено внедрение автоматизированной информационной системы «БЕЛФИТО», предназначенной для формирования, обработки, анализа и хранения информации о ввозимой на таможенную территорию ЕАЭС, вывозимой с нее и перемещаемой по таможенной территории ЕАЭС подкарантинной продукции в режиме реального времени. Обеспе-

чение передачи информации в области фитосанитарного контроля в рамках интеграции федеральной государственной информационной системы «Аргус-Фито» (Российская Федерация) и автоматизированной информационной системы «БЕЛФИТО» (Республика Беларусь) и проработка вопросов расширения перечня передаваемой информации и модернизации механизмов передачи информации закреплены в качестве мероприятий по осуществлению аграрной политики как одного из основных направлений по реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы.

Защита растений определяется Законом «О карантине и защите растений» как правовой режим, который предусматривает систему мер по борьбе с особо опасными вредными организмами, а также порядок обращения со средствами защиты растений. На наш взгляд, данная формулировка нуждается в уточнении, поскольку она затрудняет определение соотношения указанного термина с иными близкими по содержанию понятиями. Средства защиты растений могут использоваться не только для снижения численности особо опасных вредных организмов, уменьшения их воздействия на растения и (или) растительную продукцию, но и, например, для ликвидации очагов карантинных объектов, а также ограничения распространения и уменьшения численности инвазивных растений.

В соответствии со ст. 1 Закона «О карантине и защите растений» мероприятия по защите растений, в отличие от карантинных фитосанитарных мероприятий, направлены на борьбу с особо опасными вредными организмами – вредителями растений и (или) растительной продукции, возбудителями болезней растений и сорняками, способными при достижении экономического порога вредоносности снижать качество и потребительскую ценность растений и растительной продукции и включенными в Перечень особо опасных вредителей, болезней растений и сорняков, определенный Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь по согласованию с Национальной академией наук Беларуси, установленный постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 17 октября 2016 г. № 29. Названные в указанном перечне вредители растений и (или) растительной продукции, сорняки в большей или меньшей степени распространены на территории Беларуси, они включают как аборигенные виды

²О внесении изменений в Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2016 г. № 159 [Электронный ресурс] : Решение Совета Евраз. экон. комис., 26 янв. 2024 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

³О внесении изменений в Правила реализации общих процессов в сфере информационного обеспечения применения карантинных фитосанитарных мер [Электронный ресурс] : Решение Коллегии Евраз. экон. комис., 17 окт. 2023 г., № 150 // Там же ; Об утверждении Порядка прослеживаемости партий подкарантинной продукции (подкарантинных грузов, подкарантинных материалов, подкарантинных товаров), ввозимой на таможенную территорию Евразийского экономического союза и перемещаемой по таможенной территории Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : Решение Коллегии Евраз. экон. комис., 28 марта 2023 г., № 43 // Там же.

растений и животных, так и чужеродные (например, галинзога, колорадский жук, родиной которых являются Южная Америка и Северная Америка соответственно). Некоторые из сорняков, наряду с вредоносностью для сельского хозяйства, имеют и важное для человека значение: продовольственное или кормовое (иван-чай узколистный, лебеда, щавель), лекарственное (горец, зверобой продырявленный, одуванчик лекарственный) и даже символическое (василек).

Закон «О карантине и защите растений» не обязывает субъектов, занимающихся растениеводством, осуществлять мероприятия по защите растений. Вместе с тем в соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире» (далее – Закон «О растительном мире») пользователи земельных участков или водных объектов в целях соблюдения карантина и защиты объектов растительного мира должны выполнять мероприятия по профилактике и своевременному обнаружению появления болезней и вредителей, а также борьбе с ними, не допускать распространения вредителей и болезней объектов растительного мира. Данные обязанности касаются и субъектов сельскохозяйственной деятельности с учетом того, что многие вредные организмы являются общими для объектов растительного мира и сельскохозяйственных культур.

Необходимость принятия мер в сельском хозяйстве обычно обусловлена экономической целесообразностью (когда количество вредных организмов достигает экономического порога вредоносности), так как своевременно принятые меры способствуют получению запланированного урожая или его сохранению. Вместе с тем отношения по выполнению таких мероприятий не являются исключительно частноправовыми, поскольку имеют также социальный и экологический аспекты, могут существенно затрагивать общественные интересы.

Так, например, урожайность и безопасность продукции растениеводства влияют на состояние национальной продовольственной безопасности. Для субъектов хозяйствования, производящих такую продукцию, регулярно разрабатываются, актуализируются организациями Национальной академии наук Беларуси, размещаются в открытом доступе технологические отраслевые регламенты защиты различных сельскохозяйственных культур⁴. Данные документы не являются нормативными правовыми актами и не имеют обязательного характера, однако выполняют информационную и методическую функции. Несмотря на то что, например, в технологических отраслевых регламентах защиты лука репчатого и картофеля пред-

лагаемые мероприятия основываются в том числе на широком применении биологических, экологически безопасных и малотоксичных средств защиты растений в сроки, безопасные для полезных насекомых, которые способствуют оздоровлению окружающей среды, ведущая роль в них отводится химической защите растений, при использовании которой предусматривается детальный регламент применения средств защиты растений, призванный при условии его соблюдения минимизировать вредное воздействие на окружающую среду.

Экологически обусловленное и ориентированное на формирование культуры здорового питания населения содержание правового регулирования защиты растений при производстве органической продукции заключается в установлении в Законе Республики Беларусь от 9 ноября 2018 г. № 144-3 «О производстве и обращении органической продукции» запрета на использование химических средств защиты растений и закреплении законодательного требования использовать средства, вещества или их сочетания, разрешенные к применению в растениеводстве при производстве органической продукции в соответствии с перечнем, определяемым Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь по согласованию с Национальной академией наук Беларуси. Также разработан и размещен в открытом доступе Перечень удобрений и средств защиты растений, рекомендованных Национальной академией наук Беларуси для применения при производстве органической продукции в растениеводстве⁵, в котором указаны их конкретные наименования, отдельные характеристики и сведения о производителе. Технические нормативные правовые акты, действующие в данной области, дополняют законодательные положения требованием применять биологические и механические методы защиты растений (технический кодекс установившейся практики «Общие правила производства органической продукции», утвержденный постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 14 августа 2019 г. № 39, межгосударственный стандарт (ГОСТ 33980–2016) «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации», введенный в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 12).

Угроза массового распространения вредных организмов напрямую затрагивает общественные ин-

⁴Актуализированные регламенты в растениеводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://mshp.gov.by/ru/tkp-ru/view/aktualizirovannyye-reglamenti-v-rastenievodstve-3857> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵Перечень удобрений и средств защиты растений, рекомендованных НАН Беларуси для применения при производстве органической продукции в растениеводстве [Электронный ресурс]. URL: https://mshp.gov.by/ru/documents_orgproizvodstvo-ru/view/perechen-udobrenij-i-sredstv-zaschity-rastenij-rekomendovannyh-nan-belarusi-dlja-primeneniya-pri-proizvodstve-8600 (дата обращения: 20.06.2024).

тересы и возрастает в случае, когда растениеводство осуществляется в рамках непредпринимательской деятельности граждан, как правило, отличающейся от коммерческого выращивания сельскохозяйственной продукции невысоким уровнем специальных знаний, ограниченным применением агротехники. Используемые для него земельные участки сравнительно невелики по размеру, часто расположены скученно (на территориях населенных пунктов, садоводческих товариществ и дачных кооперативов). Также имеет значение согласованность действий всех землепользователей в границах зараженной территории, достижение которой затруднительно. В запущенной ситуации может потребоваться использование более действенных и интенсивных химических способов борьбы с вредными организмами, что усиливает отрицательное воздействие на окружающую среду и требует дополнительных мер по снижению рисков для безопасности производимой сельскохозяйственной продукции.

Анализ законодательства о карантине и защите растений, к сожалению, свидетельствует о наметившейся тенденции игнорировать физических лиц, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью. Несмотря на то что физические лица названы Законом «О карантине и защите растений» в числе субъектов отношений в области карантина и защиты растений, где их права и обязанности детально не определены, установлена лишь обязанность соблюдать нормативные правовые акты, в том числе обязательные для соблюдения требования технических нормативных правовых актов, в данной области. При этом надзор в указанной сфере в отношении физических лиц не предусмотрен (ст. 28 Закона «О карантине и защите растений»).

Специальным законодательством о сельскохозяйственной деятельности граждан рассматриваемые отношения регулируются непоследовательно. Так, в Законе Республики Беларусь от 11 ноября 2002 г. № 149-З «О личных подсобных хозяйствах граждан» сделана отсылка к иным актам законодательства. Производство гражданами продукции растениеводства на земельных участках для строительства и обслуживания жилого дома, зарегистрированной квартиры в блокированном жилом доме, дачного строительства, огородничества в виде служебных наделов не получило специального правового регулирования. Закрепление Кодексом Республики Беларусь о земле обязанности землепользователей осуществлять мероприятия по охране земель (ст. 85 и 106) решает обозначенную проблему лишь частично. Требование предотвращать зарастание сельскохозяйственных земель древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями) и сорняками адресовано не гражданам в силу особенностей правового режима категории земель сельскохозяйственного назначения. Обязанность землепользователей благоустроить земельные участки

по содержанию не может отождествляться с выполнением мероприятий по защите растений. В частности, согласно Правилам благоустройства и содержания населенных пунктов, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 ноября 2012 г. № 1087, благоустройство и содержание (эксплуатация) земельного участка, предоставленного для обслуживания многоквартирного жилого дома, квартиры в блокированном жилом доме, включают в себя обращение с объектами растительного мира, состоящее из озеленения и использования разрешенных к применению средств защиты растений, удаления объектов растительного мира, находящихся в ненадлежащем, в том числе аварийном, состоянии, регулирования распространения и численности борщевика Сосновского и иных видов инвазивных растений, своевременного скашивания и удаления сорных растений. При этом под сорными растениями понимаются травянистые растения, нарушающие условия произрастания, необходимые для обеспечения жизнедеятельности растений, выращиваемых и используемых в целях озеленения (о сельскохозяйственных растениях речь не ведется).

Положением о садоводческом товариществе, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 мая 2023 г. № 155, в отношении членов садоводческого товарищества предусмотрена обязанность выполнять мероприятия по защите растений. Вместе с тем в Типовых правилах внутреннего распорядка садоводческих товариществ, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 декабря 2023 г. № 846, установлено, что членам товарищества необходимо своевременно проводить мероприятия по борьбе с сорняками, при этом о вредителях и болезнях растений норма умалчивает (в ранее действующем законодательстве данные объекты назывались).

В Перечень особо опасных вредителей, болезней растений и сорняков включены не все вредные организмы и болезни сельскохозяйственных культур, способные при достижении экономического порога вредоносности снижать качество и потребительскую ценность растений и растительной продукции. Так, например, в 2014–2015 гг. в Беларуси появилась, а в 2019–2020 гг. широко распространилась и приобрела характер эпифитотии ржавчина груши, вызываемая грибом *Gymnosporangium sabinae* (Dicks.) G. Winter [5, с. 55]. Как отмечают специалисты, благоприятные условия для развития данного инвазивного возбудителя заболевания как на территории нашей страны, так и в других странах со схожим климатом сложились благодаря использованию в озеленении интродуцированных видов можжевельника, восприимчивых к грибу, вблизи груш [5, с. 55; 6, с. 23–24]. Такое соседство растений наиболее часто встречается именно на земельных участках, принадлежащих гражданам.

Занимаясь растениеводством, субъекты сельскохозяйственной деятельности становятся также участниками экологических правоотношений по регулированию распространения и численности растений. Их объектом выступают не относящиеся ни к карантинным объектам, ни к особо опасным сорнякам инвазивные и содержащие наркотические вещества виды растений, распространение и численность которых подлежат регулированию в соответствии с Законом «О растительном мире». Предотвращение нанесения вреда сельскохозяйственным культурам в данном случае не является первостепенной задачей правового регулирования, хотя и принимается во внимание. Важнейшие цели проведения мероприятий – охрана жизни и здоровья граждан, охрана и защита объектов животного мира и среды их обитания, объектов растительного мира и среды их произрастания, водных объектов, окружающей среды в целом, поскольку растения, относящиеся к видам растений, распространение и численность которых подлежат регулированию, создают угрозу для сохранения биологического разнообразия.

Положение о порядке проведения мероприятий по регулированию распространения и численности видов растений, распространение и численность которых подлежат регулированию, утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 декабря 2016 г. № 1002. В установленный этим же актом перечень видов растений включены борщевик Сосновского, борщевик Мантегацци, золотарник канадский, золотарник гигантский, клен ясенелистный, конопля посевная, мак снотворный, робиния лжеакация, эхиноцистис лопастной, амброзия полыннолистная. Проведение работ по регулированию распространения и численности видов растений (в сущности, по их уничтожению) возложено на пользователей земельных участков, в границах которых произрастают данные объекты, за исключением растений, содержащих наркотические вещества (в отношении них работы выполняются уполномоченной местным исполнительным и распорядительным органом организацией). Согласно указанному положению работы могут выполняться в том числе химическим способом, заключающимся в применении пестицидов, а потому в данном случае отношения будут регулироваться законодательством о карантине и защите растений, а также санитарными нормами и правилами. Перечисленные растения, кроме амброзии полыннолистной, в соответствии с Законом «О растительном мире», также запрещены к интродукции и (или) акклиматизации, выращиванию и реализации.

Вред сельскохозяйственным растениям и (или) растительной продукции также причиняют инвазивные чужеродные виды животных, не относящиеся к карантинным объектам и особо опасным вредителям. К числу таковых относят, например, белокрылку тепличную (оранжерейную), отличающуюся высокой вредоносностью и плодовитостью в условиях производственных теплиц⁶, слизня испанского, представляющего угрозу для биоразнообразия, поскольку он способен вытеснить аборигенные виды слизней, также данный вид слизня расширяет круг и увеличивает численность промежуточных хозяев ряда гельминтов⁷. Необходимость борьбы со многими объектами данной группы не ставится под сомнение специалистами [7, с. 44], а потому требуется своевременное закрепление соответствующего правового основания.

В данном контексте примечательны вступившие в силу 25 апреля 2024 г. положения Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., подписанного 25 мая 2023 г., об экстренных фитосанитарных мерах. Так, согласно ст. 59-1 данного договора экстренные фитосанитарные меры применяются в отношении вредных организмов, не включенных в Единый перечень карантинных объектов союза и представляющих фитосанитарный риск, на период до включения соответствующих вредных организмов в указанный перечень либо до получения результата анализа фитосанитарного риска в отношении вредных организмов, подтверждающего отсутствие такого риска. В названном документе определены случаи, в которых государство-член вправе вводить такие меры, вносить предложение об их введении на таможенной территории ЕАЭС. В целях обеспечения биологической и продовольственной безопасности, а также согласованности национального законодательства и источников права ЕАЭС представляется необходимым ввести в Закон «О карантине и защите растений» соответствующее понятие и определить его соотношение с правовыми режимами карантина растений и защиты растений.

Особого внимания в контексте обеспечения не только биологической, фитосанитарной, экологической безопасности, но и охраны жизни и здоровья населения, безопасности продовольствия заслуживает вопрос о правовом регулировании отношений по обращению со средствами защиты растений. Соответствующего специального закона, как в ряде других государств [1, с. 419–420], в Беларуси нет. Законодательные основы установлены Законом «О карантине и защите растений», в котором данным объектам и обращению с ними посвящена отдельная глава.

⁶ Тепличная белокрылка – распространенный вредитель огурца и томата защищенного грунта [Электронный ресурс]. URL: <https://mshp.gov.by/ru/news-ru/view/teplichnaja-9453-2024/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁷ Яско А. Опасные чужеродные моллюски вытесняют сородичей с огородов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/ispanskiy-gost-khuzhe-koloradskogo.html> (дата обращения: 20.06.2024) ; Наземные беспозвоночные [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ias.by/index.php/ru/mega-vertical/category2> (дата обращения: 20.06.2024).

Кроме того, рассматриваемые отношения регулируются законодательством в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения (что следовало бы отразить в ст. 2 Закона «О карантине и защите растений»), а также законодательством в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, источниками права ЕАЭС.

Последние изменения Закона «О карантине и защите растений» затронули общественные отношения по поводу обращения со средствами защиты растений, процесс обновления продолжается, однако учтены не все проблемные моменты. Содержание действующих актов законодательства и проектов нормативных правовых актов, связанных с карантинной и защитой растений, свидетельствует об уходе законодателя от установления более строгих требований при очевидной нацеленности на упорядочение правоотношений. Однако нельзя однозначно констатировать упрощение требований, поскольку оно в некоторых случаях носит формальный характер. Так, на смену положениям Закона «О карантине и защите растений» о лицензировании оптовой торговли средствами защиты растений, которое не было обеспечено правовым закреплением соответствующей процедуры и фактически не осуществлялось, введен уведомительный порядок такой деятельности. Это нововведение – важный шаг в совершенствовании регулирования сферы торговли пестицидами, позволяющий организовать учет субъектов, реализующих такой специфический товар, что необходимо для более эффективного осуществления контрольно-надзорной деятельности и реализации иных элементов правового механизма по обеспечению различных аспектов безопасности в связи с обращением со средствами защиты растений. Вместе с тем уведомительный порядок едва ли можно считать разрешительным механизмом, ведь правоустанавливающий или правопрекращающий юридический факт – правоприменительный акт – не предусмотрен. При этом именно разрешительный механизм дополнительно к институтам надзора и ответственности, на наш взгляд, в данном случае способен обеспечить наиболее высокие гарантии защиты охраняемых законом публичных интересов, в первую очередь безопасности (в продовольственном, санитарном, ветеринарном и фитосанитарном отношениях).

В Беларуси уже имеется опыт введения Указом Президента Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 271 «О централизации закупок средств защиты растений» на два года такой меры воздействия на рынок средств защиты растений, как централизованные закупки средств защиты растений для организаций, осуществляющих деятельность по вы-

ращиванию сельскохозяйственных культур, а также деятельность по выращиванию данных культур и переработке продукции сельского хозяйства. В 2020 г. Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь была обоснована, но не была реализована замена лицензирования оптовой торговли средствами защиты растений на схожий, но более мягкий разрешительный механизм, широко распространенный в аграрном праве, – обязательное включение в реестр субъектов оптовой торговли средствами защиты растений. Для реализации этой замены предполагалось установить требования, соблюдение которых дает возможность включения в реестр, основания исключения из него⁸.

На наш взгляд, нуждаются в уточнении требования по применению средств защиты растений. Так, адресованную юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям норму ч. 2 ст. 22 Закона «О карантине и защите растений» о соблюдении требований санитарных норм и правил, иных обязательных требований технических нормативных правовых актов, рекомендаций по применению средств защиты растений и об учете требований, установленных законодательными актами в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, следует распространить на все случаи применения средств защиты растений (не только при реализации карантинных фитосанитарных мероприятий и мероприятий по защите растений), в частности на случаи использования химического способа регулирования распространения и численности видов растений, распространение и численность которых подлежат регулированию, а также на случаи реализации экстренных фитосанитарных мер.

Недостатком Закона «О карантине и защите растений» представляется то, что в нем не конкретизированы требования к обращению со средствами защиты растений для физических лиц, за исключением запрета на ввоз на таможенную территорию ЕАЭС средств защиты растений в качестве товаров для личного пользования. Из всего массива законодательства о сельскохозяйственной деятельности граждан только в Типовых правилах внутреннего распорядка садоводческих товариществ установлено, что мероприятия с использованием средств защиты растений должны проводиться в строгом соответствии с инструкцией по их применению. Запрет на применение гражданами средств защиты растений определенных классов опасности (но только в личных подсобных хозяйствах) установлен санитарными нормами и правилами «Гигиеническая безопасность средств защиты растений», утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики

⁸Обоснование необходимости принятия (издания) Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О карантине и защите растений»» [Электронный ресурс]. URL: <https://mshp.gov.by/ru/draft-laws-ru> (дата обращения: 20.06.2024).

Беларусь от 20 января 2017 г. № 9, тогда как в данном случае следовало бы вести речь о полном запрете на применение таких веществ гражданами.

Данный пробел вызывает беспокойство особенно в связи с вопросом об обеспечении безопасности производимой физическими лицами продукции растениеводства, которую они потребляют сами и реализуют другим гражданам, а также которой кормят членов своей семьи. Отметим, что ключевой документ, устанавливающий требования безопасности – технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011), принятый Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880, не распространяется на пищевую продукцию, производимую гражданами в домашних условиях, в личных подсобных хозяйствах или производимую гражданами, занимающимися садоводством, огородничеством, животноводством, а также на процессы производства (изготовления), хранения, перевозки (транспортирования) и утилизации пищевой продукции, предназначенной только для личного потребления и не предназначенной для выпуска в обращение на таможенной территории Таможенного союза. Положением о порядке проведения ветеринарно-санитарной экспертизы и ветеринарно-санитарного осмотра продуктов животного происхождения, а также продуктов растительного происхождения при их реализации на рынках, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2017 г. № 319, предусмотрена ветеринарно-санитарная экспертиза продуктов растительного происхождения при их реализации на рынке (однако продукция также может реализовываться и в других местах, например, установленных местными исполнительными и распорядительными органами), но при этом определение содержания пестицидов не осуществляется.

Таким образом, необходимо распространить на граждан указанное выше требование, закрепленное в ч. 2 ст. 22 Закона «О карантине и защите растений». Кроме того, с 1 октября 2024 г. после вступления в силу последних изменений законодательства о предпринимательской деятельности вместо индивидуальных предпринимателей рассматриваемую норму следует адресовать физическим лицам, ведущим индивидуальную предпринимательскую деятельность. Это обстоятельство связано с тем, что в перечне видов деятельности, разрешенных для осуществления в качестве самостоятельной профессиональной деятельности, определенном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 июня 2024 г. № 457 «О видах индивидуальной предпринимательской деятельности», названо оказание услуг по выращиванию сельскохозяйственной продукции. Данный вид деятельности включает защиту сель-

скохозяйственных культур от болезней, насекомых-вредителей и грызунов (код 0161 общегосударственного классификатора Республики Беларусь (ОКРБ 005-2011) «Виды экономической деятельности», утвержденного постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85).

На наш взгляд, в гл. 4 Закона «О карантине и защите растений» должны найти отражение общие положения, ограничивающие доступность для граждан опасных средств защиты растений, обращение с которыми требует специальных знаний и навыков. В данном случае нельзя говорить об абсолютном пробеле в правовом регулировании, однако имеющиеся нормы закрепляются разрозненно и недостаточно четко устанавливают указанные ограничения. Кроме того, значимость данных общественных отношений требует повышения уровня правового регулирования и установления соответствующих законодательных гарантий обеспечения безопасности при обращении со средствами защиты растений.

Небезупречным представляется планируемое обновление действующих санитарных норм и правил «Требования к применению, условиям перевозки и хранения пестицидов (средств защиты растений), агрохимикатов и минеральных удобрений», утвержденным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 149⁹. Содержание представленного для общественного обсуждения проекта новых санитарных норм и правил свидетельствует о том, что требования планируется существенно упростить и сократить. Вызывает опасение тот факт, что в проекте отсутствуют действующие сегодня требования безопасности при изготовлении и применении отравленных приманок, использовании средств защиты растений, агрохимикатов и минеральных удобрений в животноводстве и птицеводстве, в лесном хозяйстве, на землях железнодорожного транспорта и несельскохозяйственного использования, из него исключены многие природоохранные требования, ценные в силу своей информационной роли отсылающие к экологическому законодательству нормы и направленные на защиту пчел и обеспечение безопасности продукции пчеловодства положения. Также проект санитарных норм и правил продолжает обозначенную выше негативную тенденцию в отношении физических лиц: в нем нет требований к применению пестицидов (средств защиты растений) и агрохимикатов гражданами при осуществлении сельскохозяйственной деятельности. Представляется, что утверждение данного проекта в обнародованной редакции должно сопровождаться принятием комплекса нормативных правовых актов, восполняющих образовавшиеся в правовом регулировании пробелы.

⁹Проект постановления Министерства здравоохранения «Об утверждении санитарных норм и правил» (сантребования к применению и условиям хранения средств защиты растений, агрохимикатов и минеральных удобрений) [Электронный ресурс]. URL: <https://forumpravo.by/publicnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/17339/> (дата обращения: 20.06.2024).

Заключение

При регулировании карантина и защиты растений, обращения со средствами защиты растений важен учет ценности и тесной взаимосвязи охраняемых законодательством благ, в частности, жизни и здоровья населения, безопасности пищевых продуктов, экологической безопасности. Их обеспечение не предусмотрено в качестве цели принятия Закона «О карантине и защите растений», однако в самом законе оно заложено в качестве принципа карантина и защиты растений (ст. 5). В связи с вышесказанным особенно важна согласованность положений данного закона и иных актов законодательства, в частности экологического, аграрного законодательства и законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, во избежание пробелов в правовом регулировании. Очевидно, что многие требования к рассматриваемой деятельности служат для решения одновременно нескольких задач, связанных с различными объектами правоотношений.

Национальное законодательство в области карантина и защиты растений развивается в тесной взаимосвязи с источниками права межгосударственных образований с участием Республики Беларусь, обеспечивающими формирование и развитие общего аграрного рынка, реализацию аграрной политики и политики в сфере применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер. В целях укрепления биологической и продовольственной безопасности, а также обеспечения согласованности национального законодательства и источников права ЕАЭС представляется необходимым ввести в Закон «О карантине и защите растений» понятие экстренных фитосанитарных мер и определить его соотношение с правовыми режимами карантина растений и защиты растений. Для достижения

полноты законодательного закрепления ключевых юридических категорий в рассматриваемой области нужно уточнить соотношение правового режима защиты растений, охватывающего порядок обращения со средствами защиты растений, со смежными понятиями, также подразумевающими такое обращение.

При регламентации обращения со средствами защиты растений важен баланс между необходимостью создать и поддерживать благоприятный правовой режим осуществления сельскохозяйственной деятельности посредством упрощения требований с одной стороны и обеспечения различных аспектов безопасности с другой стороны. Представляется, что разрешительный порядок осуществления оптовой торговли средствами защиты растений в сочетании с институтами учета, надзора и ответственности способен обеспечить более высокие гарантии защиты охраняемых законом национальных интересов, чем уведомительный порядок. Закрепленные ч. 2 ст. 22 Закона «О карантине и защите растений» требования к применению средств защиты растений должны охватывать случаи использования химического способа регулирования распространения и численности видов растений, распространение и численность которых подлежат регулированию, а также случаи реализации экстренных фитосанитарных мер.

Нуждаются в конкретизации законодательные основы регулирования отношений в области карантина и защиты растений с участием физических лиц с учетом специфики этой группы субъектов. В частности, целесообразны детализация их прав и обязанностей, распространение на данных лиц положений о надзоре в указанной сфере и требований, применяемых при обращении со средствами защиты растений.

Библиографические ссылки

1. Шаршун ЕВ. Правовое регулирование отношений по защите растений в сельском хозяйстве. В: Кузьмич ИП, редактор. *Правовые проблемы обеспечения устойчивого развития сельских территорий и эффективного функционирования агропромышленного комплекса*. Минск: Бизнесофсет; 2013. с. 414–453.
2. Кузьмич ИП. Аграрное законодательство как институциональная основа функционирования ключевых отраслей сельского хозяйства в условиях межгосударственной интеграции. В: Макарова ТИ, редактор. *Проблемы эффективности аграрного и экологического права в условиях интеграционных процессов*. Минск: БГУ; 2021. с. 60–80.
3. Кузьмич ИП, Саскевич ВВ, Чиж ИМ, Михнюк АИ, Шахрай ИС, Шингель НА. *Теоретико-правовые аспекты развития аграрного законодательства Республики Беларусь в области растениеводства и животноводства*. Минск: БГУ; 2017. 144 с.
4. Кузьмич ИП. Современное аграрное право Республики Беларусь: новые черты и правовые приоритеты. В: Макарова ТИ, редактор. *Проблемы эффективности аграрного и экологического права в условиях интеграционных процессов*. Минск: БГУ; 2021. с. 6–24.
5. Поликсенова ВД, Храмцов АК, Стадниченко МА, Грушецкая ЗЕ, Кононович СА. Об инвазии *Gymnosporangium sabinae* (Dicks.) G. Winter и эпифитотии ржавчины груши в Беларуси. В: Тихомиров ВН, редактор. *Актуальные проблемы изучения и сохранения фито- и микобиоты. Материалы III Международной научно-практической конференции; 11–13 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2020. с. 54–56.
6. Зейналов АС. Эпифитотия ржавчины на груше в Подмоскovie и способы ее ограничения. *Садоводство и виноградарство*. 2016;6:23–28.
7. Липинская Т, Железнова Т, Семенченко В. Биологические инвазии: распространение и регулирование. *Наука и инновации*. 2024;3:41–44. DOI: 10.29235/1818-9857-2024-3-41-44.

References

1. Sharshun EV. [Legal regulation of plant protection relations in agriculture]. In: Kuz'mich IP, editor. *Pravovye problemy obespecheniya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii i effektivnogo funktsionirovaniya agropromyshlennogo kompleksa* [Problems of ensuring the sustainable development of rural areas and the effective functioning of the agroindustrial complex]. Minsk: Biznesofset; 2013. p. 414–453. Russian.
2. Kuz'mich IP. [Agrarian legislation as an institutional basis for the functioning of key sectors of agriculture in the context of interstate integration]. In: Makarova TI, editor. *Problemy effektivnosti agrarnogo i ekologicheskogo prava v usloviyakh integratsionnykh protsessov* [Problems of the effectiveness of agricultural and environmental law in the context of integration processes]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 60–80. Russian.
3. Kuz'mich IP, Saskevich VV, Chizh IM, Mikhnyuk AI, Shakhray IS, Shingel NA. *Teoretiko-pravovye aspekty razvitiya agrarnogo zakonodatel'stva Respubliki Belarus' v oblasti rasteniyevodstva i zhivotnovodstva* [Theoretical and legal aspects of development of the agrarian legislation of the Republic of Belarus in the field of crop production and animal husbandry]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 144 p. Russian.
4. Kuz'mich IP. [Modern agrarian law of the Republic of Belarus: new features and legal priorities]. In: Makarova TI, editor. *Problemy effektivnosti agrarnogo i ekologicheskogo prava v usloviyakh integratsionnykh protsessov* [Problems of the effectiveness of agricultural and environmental law in the context of integration processes]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 6–24. Russian.
5. Poliksenova VD, Khramtsov AK, Stadnichenko MA, Grushetskaya ZE, Kononovich SA. [On the invasion of *Gymnosporangium sabinae* (Dicks.) G. Winter and the epiphytoty of pear rust in Belarus]. In: Tikhomirov VN, editor. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya fito- i mikrobioty. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 11–13 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Current problems in the study and conservation of phyto- and mycobiota. Proceedings of the 3rd International scientific and practical conference; 2020 November 11–13; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 54–56. Russian.
6. Zeinalov AS. [Epidemics of rust on pear in the Moscow region and ways of its limitations]. *Sadovodstvo i vinogradarstvo*. 2016;6:23–28. Russian.
7. Lipinskaya T, Zheleznova T, Semenchenko V. [Biological invasions: distribution and regulation]. *Nauka i innovatsii*. 2024;3:41–44. Russian. DOI: 10.29235/1818-9857-2024-3-41-44.

Статья поступила в редколлегию 08.07.2024.
Received by editorial board 08.07.2024.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Валентина Николаевна
БИБИЛО

Valentina Nikolaevna
BIBILO

Профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ доктор юридических наук, профессор Валентина Николаевна Бибило 6 августа 2024 г. отметила знаменательный юбилей.

Валентина Николаевна родилась в д. Нацевичи Мостовского района Гродненской области. Она училась в Гудевичской средней школе, которая в 2023 г. отметила 160-летие. Школа гордится такими учениками, как В. Н. Бибило, прославившими гудевичскую землю. В 1964 г. Валентина Николаевна поступила в Слонимское медицинское училище. Получив среднее медицинское образование, она более двух лет работала заведующим фельдшерско-акушерским пунктом, однако в дальнейшем решила связать свою жизнь с юриспруденцией и поступила в 1970 г. на юридический факультет Белорусского государственного университета, который с отличием окончила в 1975 г. В 1978 г. В. Н. Бибило завершила обучение в аспирантуре и начала трудовую деятельность в БГУ как преподаватель на кафедре уголовного процесса. С 1983 г. Валентина Николаевна работала в должно-

сти доцента, а с 1997 г. и по настоящее время она занимает должность профессора кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора.

В 1979 г. В. Н. Бибило защитила кандидатскую диссертацию «Компетенция суда в стадии исполнения приговора». Защита докторской диссертации «Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам» состоялась в 1996 г.

Профессор В. Н. Бибило на протяжении всей своей педагогической и научной карьеры успешно трудится на юридическом факультете БГУ и преподает будущим юристам учебные курсы «Судоустройство», «Уголовный процесс», «Проблемы доказывания в уголовном процессе», «Судебные системы зарубежных государств», «Исполнение приговора».

Валентина Николаевна с огромной ответственностью и требовательностью относится к своей работе, постоянно совершенствуется как ученый и педагог. Она занимается подготовкой молодых научных кадров, передавая им свои знания и опыт, воспитывая в них такую же требовательность к себе и своим научным результатам, интересуется их научной

деятельностью после защиты диссертации. Ученики Валентины Николаевны успешно продолжают научную карьеру и поддерживают связь со своим наставником.

В. Н. Бибило – автор более 300 научных работ, получивших широкую известность в кругах не только научного сообщества, но и практикующих юристов. Валентина Николаевна является автором первого в Беларуси учебника «Судоустройство» (2001), который получил широкое признание у студентов и аспирантов юридических специальностей, и составителем уникального сборника действовавших в Беларуси в 1919–1991 гг. нормативных правовых актов «Белорусское законодательство о суде, прокуратуре, адвокатуре и органах охраны общественного порядка», который известен специалистам многих научных сфер. На протяжении почти 20 лет В. Н. Бибило выступала главным редактором ежегодного сборника научных трудов «Право и демократия», издаваемого в БГУ с 1988 г. Сборник имел высокий рейтинг среди научных изданий и был известен в кругах ученых-юристов не только Беларуси, но и других стран. Кроме того, Валентина Николаевна входит в состав редакционных коллегий ряда юридических научных журналов.

Широкую известность среди трудов В. Н. Бибило получили монографии «Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора» (1986), «Судебная власть в уголовном судопроизводстве» (2001), «Приговор в уголовном процессе» (2021), «Уголовно-процессуальное регулирование стадии исполнения приговора» (2022), учебные издания «Судоустройство в Республике Беларусь» (2000), «Теория государства и права» (2015), «Белорусское судоустройство» (2018).

Валентина Николаевна является признанным специалистом в юриспруденции. Ее научные интересы составляют уголовный процесс, судоустройство, история государства и права, общая теория права. Публикации В. Н. Бибило, основанные на разнообразных методах исследования юридических явлений и процессов, подводят читателей к выводам о неизбежности разделения власти в государстве на законодательную, исполнительную и судебную; легитимности государственной власти в условиях правозаконности; признании независимости суда; участии представителей народа в осуществлении правосудия; разграничении функции правосудия, компетенции суда и судебной деятельности; дискреционной власти суда; реализации при осуществлении правосудия социальных норм, присущих обществу, усвоенных судьями и применяемых ими при рассмотрении юридических конфликтов; дифференциации правовой нормы и нормативного правового предписания; усилении гарантий прав участников уголовного процесса; соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности; наличии критериев разделения уголовного

процесса на стадии; историческом развитии белорусской судебной системы; оценке положений статуттов Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. как конституций феодального государства. Особо следует выделить вышедший из печати в 2011 г. фундаментальный труд В. Н. Бибило «Проблемы юриспруденции: избранные труды» (серия «Научные труды белорусских ученых»), в котором научное исследование объединяет комплекс проблем общей теории права, социально-правовых аспектов судебной власти и правосудия, существующих вопросов судоустройства, уголовного процесса и криминалистики.

Валентина Николаевна Бибило – профессионал, выдающийся ученый, чьи глубокие знания и мудрость вдохновляют и восхищают всех, кто с ней сталкивается. Она стремится делиться своим богатым опытом со студентами и коллегами, обладает способностью просто объяснять сложные концепции и вдохновлять студентов на поиск новых знаний, что делает В. Н. Бибило превосходным педагогом.

В студенческой аудитории Валентина Николаевна пользуется уважением и авторитетом. Студенты юридического факультета БГУ всегда с восторгом отзываются о каждой ее лекции по судоустройству как о захватывающем событии в образовательном процессе. На таких лекциях всегда интересно, материал изобилует примерами из практики и повседневной жизни, отличается информативностью, четкостью и лаконичностью изложения, легко воспринимается и конспектируется. Во время занятий в аудитории царят порядок и дисциплина, ведь Валентина Николаевна обладает педагогической харизмой и особым умением общаться со студентами, поддерживать обратную связь с аудиторией. При проведении семинарских занятий профессор любит конкретику, факты и, конечно же, активность студентов, она задает настоящий университетский темп преподавания и всегда придерживается принципа справедливости при оценке знаний. Несмотря на строгость, профессор В. Н. Бибило относится к студентам с пониманием, поддерживает каждого из них и направляет тех, кто в этом нуждается.

Валентине Николаевне свойственны отзывчивость и внимательное отношение как к молодым ученым, так и к опытным коллегам. Она трепетно относится к развитию юридической науки и образования и безотказно приходит на помощь диссертантам, поддерживает коллег, экспертов, оппонентов, членов диссертационного совета.

Научную и педагогическую деятельность В. Н. Бибило успешно сочетает с правотворческой, участвуя в подготовке нормативных правовых актов и их экспертизе.

Валентина Николаевна уделяет большое внимание общественной и экспертной работе, оказывает консультативную помощь государственным органам и учреждениям. Она входит в состав совета по защи-

те докторских диссертаций БГУ, является членом научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Беларусь. В. Н. Бибило избиралась членом комиссии по этике БГУ. На протяжении ряда лет она входила в состав экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь. Более 20 лет (с 1988 по 2009 г.) Валентина Николаевна возглавляла учебно-методическую комиссию юридического факультета БГУ.

Научно-педагогическая деятельность В. Н. Бибило получила высокую оценку со стороны государства и университета. Она награждена медалью «За працюныя заслугі», нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік

адукацыі», нагрудными знаками Министерства юстиции Республики Беларусь «За адзнаку» I и II степеней и др. В 2013 г. профессору В. Н. Бибило присвоено почетное звание «Заслуженный работник Белорусского государственного университета».

От имени всего коллектива юридического факультета БГУ искренне поздравляем Валентину Николаевну с прекрасным юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, благополучия, новых творческих свершений в юридической науке и дальнейших успехов в деле подготовки юридических кадров всех квалификационных ступеней, а также плодотворной работы на родном факультете.

А. А. Данилевич¹, А. В. Шидловский²

¹Анатолій Александрович Данилевич – кандидат юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета.

Anatol A. Danilevich, PhD (law), full professor; head of the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: *krym_praces@bsu.by*

²Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета.

Andrei V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: *shidlovsky_a@mail.ru*

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 341.7(075.8)

Миксюк А. С. Дипломатический этикет и протокол [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 03 02 «Регионоведение», 1-26 02 04 «Документоведение (по направлениям)» / А. С. Миксюк ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 81 с. Библиогр.: с. 79–81. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311518>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.04.2024, № 007524042024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Дипломатический этикет и протокол» предназначен для студентов учреждений высшего образования по специальностям 1-21 03 02 «Регионоведение», 1-26 02 04 «Документоведение (по направлениям)». Теоретический раздел ЭУМК предполагает изучение таких тем, как «Протокол и этикет – культура международного общения», «Протокол как упорядоченная иерархия», «Служба протокольного обеспечения», «Символы государственного суверенитета», «Протокол в дипломатической службе», «Культура гостеприимства. Гостевой этикет», «Нормы современного этикета», «Особенности национальной психологии и деловой этики». В практическом разделе приведены список рекомендуемой литературы, примерные задания для семинарских занятий и УСР, материалы для самостоятельной подготовки, примерный перечень вопросов к зачету и другие вспомогательные материалы.

УДК 347(075.8)

Гражданское право. Часть вторая [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / М. В. Мещанова [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 270 с. Библиогр.: с. 243–270. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/313390>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.06.2024, № 008810062024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Гражданское право (часть 2)» предназначен для студентов учреждений высшего образования специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых содержатся необходимые материалы для освоения обучающимися дисциплины «Гражданское право (часть 2)».

УДК 346(075.8)

Fiscalistic [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0421-01 «Jurisprudence», профилизации «International commercial law» / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 68 с. : табл. Библиогр.: с. 65–68. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/314532>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.06.2024, № 010224062024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Fiscalistic» предназначен для студентов специальности 7-06-0421-01 «Jurisprudence», получающих углубленное высшее образование. Содержание ЭУМК предполагает создание условий для получения магистрантами базовых знаний в области правового регулирования закономерностей и принципов функционирования казны. ЭУМК отражает содержание учебной программы по учебной дисциплине «Fiscalistic».

УДК 342(476)(06)

Ценностные ориентиры современной Конституции Республики Беларусь (к 75-летию профессора М. Ф. Чудакова) [Электронный ресурс] : материалы круглого стола (Минск, 29 марта 2024 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), Н. М. Кондратович, Т. С. Масловская ; под общ. ред. Г. А. Василевича]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 205 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/316202>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.07.2024, № 011712072024.

В данное издание вошли материалы круглого стола «Ценностные ориентиры современной Конституции Республики Беларусь (к 75-летию профессора М. Ф. Чудакова)», организованного Белорусским государственным университетом. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

УДК 34(06)

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2023 [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Минск, 16 нояб. 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 639 с. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/316471>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.07.2024, № 011830072024.

В сборнике помещены тезисы докладов и сообщений студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на международной научной конференции «Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2023».

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Грачева С. А.</i> Конституционализм: институциональные гарантии взаимосвязи права и власти	3
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Никонова Н. Н.</i> Принудительное взыскание налогов и сборов: некоторые проблемы компетенции	11
<i>Ландо Д. Д.</i> Правовые последствия отсутствия государственной регистрации договоров в патентном органе Республики Беларусь.....	21
<i>Куницкая О. М.</i> Правовые стимулы и правовые ограничения в механизме правового регулирования осуществления инвестиций	26
<i>Рапян Ю. Х.</i> Действие некоторых принципов гражданского судопроизводства при обжаловании (оспаривании) действий должностных лиц органов принудительного исполнения	36

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Шабанов В. Б., Красиков В. С.</i> К вопросу об источниках криминалистического и тактического приемов.....	44
--	----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Жлоба А. А.</i> Режим охраны и использования особо охраняемых природных территорий	51
<i>Макарова Т. И., Лизгаро В. Е.</i> Объекты экологических правоотношений: дискуссионные аспекты ...	57
<i>Саскевич В. В.</i> К вопросу о правовом регулировании карантина и защиты растений в сельском хозяйстве.....	65

ЮБИЛЕИ

Валентина Николаевна Бибило	75
Аннотации депонированных в БГУ работ	78

CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Gracheva S. A.</i> Constitutionalism: institutional guarantees of the interrelation between law and power.....	3
---	---

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Nikanava N. N.</i> Compulsory collection of taxes and fees: some issues of competence	11
<i>Lando D. D.</i> Legal consequences of the absence of state registration of agreements with the patent office of the Republic of Belarus	21
<i>Kunitskaya O. M.</i> Legal incentives and legal restrictions in the mechanism of legal regulation of investments	26
<i>Rapyan Yu. Kh.</i> The effect of some principles of civil proceedings during appealing the actions of compulsory enforcement bodies officials	36

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Shabanov V. B., Krasikau U. S.</i> On the question of the sources of forensic and tactical techniques.....	44
---	----

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

<i>Zhloba A. A.</i> Regime of protection and use of especially protected natural areas.....	51
<i>Makarova T. I., Lizgaro V. E.</i> Objects of environmental legal relations: discussion aspects	57
<i>Saskevich V. V.</i> On the issue of legal regulation of quarantine and plant protection in agriculture	65

JUBILEES

Valentina Nikolaevna Bibilo	75
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	78

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.
Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).*

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 2. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор А. С. Люкевич
Технический редактор М. А. Панкратова
Корректор С. Р. Пинчук

Подписано в печать 30.08.2024.
Тираж 45 экз. Заказ 769.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 2. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor A. S. Lyukevich
Technical editor M. A. Pankratova
Proofreader S. R. Pinchuk

Signed print 30.08.2024.
Edition 45 copies. Order number 769.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024